

Сергей Бойченко

Преодоление

Рассказы

Издательские решения

По лицензии Ridero

2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Б72

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Бойченко Сергей

Б72 Преодоление : Рассказы / Сергей Бойченко. — [б. м.] :
Издательские решения, 2018. — 262 с. — ISBN 978-5-4490-2542-5

Книга «Преодоление» — рассказы Сергея Максимовича Бойченко о далеко не беззаботном детстве и недетских переживаниях, о выборе профессионального пути на поприще надзора за соблюдением законов, который стал у него именно профессиональным. Правдивые рассказы о жизни в стране, которая внезапно изменилась, но осталась родной и понятной, где выше всего на свете ценится честность и преданность делу, патриотизм и смелость, терпение и потребность активных действий, если закон нарушен.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Сергей Бойченко, 2018
© Виктор Иванович Логачев,
фотографии, 2018
ISBN 978-5-4490-2542-5

Предисловие

— Живут во мне воспоминания, — именно так с полным правом может сказать автор книги — прокурорский работник с многолетним стажем.

Наверное, есть какая-то закономерность в том, что человек, никогда не занимавшийся литературным трудом, вдруг берётся за перо. Или садится за клавиатуру компьютера. Хотя, согласитесь, слово «клавиатура» не так поэтично и литературно звучит, — не то, что «перо», да?

К определенному периоду жизни накапливается столько воспоминаний, что они требуют выплеска, требуют того, чтобы ими поделились с родными, близкими, коллегами, — да и просто с незнакомыми людьми. Благодаря таким запискам, читатель сможет набраться чужого опыта, что, кстати, весьма положительно, а то и встретиться с самим собой — с переживаниями и мыслями периода взросления: все родом из детства...

Сложилось так, что поделиться своим жизненным опытом однажды решил и автор книги, которую вы держите в руках — Сергей Максимович Бойченко. Человек он такой, что откладывать дело в долгий ящик — не в его привычках. Подумал — сделал. Биография автора — богата, его устные рассказы можно слушать долгими часами. Поверьте мне на слово: наши пути пересекаются в течение уже почти 40 лет! Потому не удивился, узнав, что мой давний знакомый занялся литературным трудом. Понятно, осмелился попросить рукопись. И прямо скажу, прочёл залпом, не отрываясь.

Чем мне стали интересны записки прокурорского работника Сергея Бойченко? Прекрасно понимал, что здесь не будет крутых детективных сюжетов «а ля братья

Вайнеры» или «наворотов» придумщика Бушкова.

Знал, что не увижу в этой книге захватывающих воображение расследований преступлений в духе хрестоматийных авторов типа Джеймса Чейза или Аркадия Адамова. Вышеназванные авторы профессионально занимались литературой и свои рассказы щедро приукрашивали выдумкой, привлекая читателя сочиненными коллизиями, да и, попросту, сказать, враками.

А вот короткие и очень жизненные рассказы Сергея Максимовича — сотканы из правды. Они полны, на первый взгляд, малозначимых примет времени. Чего стоят только прищепки, которыми прихватывали штанины, чтобы те не попадали в велосипедную цепь! Или подростковое катание на тех же велосипедах «под рамкой»! Но именно эти детали и рисуют нам портрет времени, именно благодаря им мы и окунаемся в атмосферу 60-х — 70-х годов, в те годы, когда в деревне не принято было навешивать на дома замки, а проезд по пыльной улице полуторки считался у местных мальчишек чуть ли не событием мирового масштаба! В рассказах С. М. Бойченко живут прозрачные воспоминания о детстве, о приключениях времен взросления.

Но воспоминания о детстве — лишь малая часть книги. Вообще — это хронология жизни автора, и в большей степени она состоит из описания его профессионального становления, его пути от следователя-стажёра до заместителя прокурора области.

В ранней юности, раз и навсегда решив посвятить себя служению закону, он от выбранного пути не отклонялся. Гладким этот путь не назовёшь, как не назовёшь безоблачной всю жизнь Сергея Максимовича. С самых ранних лет судьба преподнесла ему «подарок» в виде тяжелого недуга. И с тех самых младенческих лет он научился преодолевать — трудности, лишения, собственные слабости. Бывало — и непонимание друзей; случалось — и предательство коллег. Но эти эпизоды биографии только способ-

ствовали еще большей твёрдости его характера, закаляли нестигаемость...

Но, мне кажется, я уже приступил к пересказу того, о чём вы прочтете сейчас сами.

Павел Савинкин, журналист

Раздел 1. Детство. Отрочество. Юность

Сладкие груши детства

В пять с половиной лет я практически умер.

Говорят, когда человек умирает, перед глазами проносятся вся его жизнь. Возможно, у кого-то именно так и происходит, не знаю. А перед моими глазами просто нечему было и проноситься. Что я мог вспомнить в те свои младенческие годы?

Руки отцовские сильные — это понятно. Маму — теплую и ласковую. Деда моего, братьев... Что в головенке человека в таком возрасте возникает? Какие-то совершенно детские картинки — двор, тихое селение наше, петух драчливый...

Я родился в морозный январский день в Новокиевском Увале, в глубинке по тем временам. Он и в нынешние-то времена глубинкой считается.

На перевозе, между Сохатино и Новокиевкой, ходил небольшой паром. Если когда кого перевезти нужно было, — всегда пожалуйста, да приставали проходившие мимо пароходы... Там, кажется, до сих пор пристань сохранилась, хотя никто уже и не пользуется паромными переправами... Дед мой — Денис Эммануилович Нестеренко, был начальником этой пристани, мама — фонарщицей. Вообще, матушка моя — Мария Денисовна — работала. Да где она только не работала! Тогда руки умелые рабочие везде требовались! В том числе и в засолочном цехе. Для армии готовили впрок овощи. Уж как мастерски мама это

делала — никогда более ничего вкуснее не едал! Она до самой смерти домашние заготовки проворила. В воен-

ное и послевоенное время каждый тянул лямку за семерых. Нужно ли объяснять? В 1950 году мама начала работать телефонисткой. С позывным номером 1 проработала до самой пенсии. Позднее, как бы невзначай, рассказывала, что имеет награду за участие в событиях на озере Хасан. На таких труженицах, как мать, и держалась в лихие годы страна.

С отцом, Максимом Павловичем, она встретилась, как в кино показывают: шел солдат с фронта, и нужно было ему попасть в Сохатино, что напротив пристани на правом берегу реки Зeya...

А вообще, если точнее, дело было так. Матушка моя вышла замуж до войны за Ивана Антоновича Каленского, у них появились на свет мальчишки — двое — Витя и Володя. Но её муж, отец моих братьев, погиб на фронте. И вот она одна, с двумя мальцами на руках. Так что, горя хлебнула сполна, что тут говорить.

А мой отец танкистом служил, механиком-водителем «тридцатьчетверки». Чуть ли не до победы прошли со своим экипажем на танке без единой вмятины, а уже ближе к завершению войны их подбили. Но ничего, обошлось, всем удалось выбраться, спастись, живы-здоровы остались, а танк нужно было ремонтировать. И вот пока технику латали, экипаж посадили на трофейную самоходку. Были такие: спереди — обычные колеса, сзади — гусеницы. Оно понятно, война, тут не до разговоров, кто чем воюет. Что под руку попало — тем и уничтожай врага! Главное, чтобы что-то бегало и стреляло — приносило пользу. Однажды, как потом рассказывал отец, передвигались они в составе танковой колонны, замыкая ее, немного отстали, а тут сгустились сумерки, снег повалил, густой, мокрый. В тех краях, под Кенигсбергом, весной такой снегопад — дело неувидительное. И вдруг сквозь снежную завесу видят — немецкие танки ползут. Наших еще не заметили, но это дело нескольких минут! Представляете, что произошло бы: получалось что фашисты, не зная сами, в тыл

к нашей колонне заходили. А тут родная немецкая самоходка с крестом! Немцы и пристроились сзади, идут след в след... Что делать? Слава богу, движение не ходкое — из-за ужасной видимости. Договорились не показывать виду, что заметили немцев, а сами решили сообщить по колонне. Выпрыгнул из самоходки старшина — и что есть духу — догонять танк, который шел впереди. Догнал, рассказал о ситуации. Быстро по колонне по связи командир танкового полка провел оперативное совещание, произвели перестроение, взяли немцев в клещи, и, осветив их прожекторами, без единого выстрела выиграли тот неожиданный бой. Комполка получил звезду Героя, а старшину потом медалью «За отвагу» наградили, хорошо бегал. Отец получил благодарность от самого Сталина.

Но вообще, с самого начала войны он был в пехоте. Воевал сначала помощником комвзвода, а когда в бою погибли командир взвода и роты, принял командование на себя.

В наградном представлении к ордену Красной Звезды написано, что во время жестокого боя, находясь под перекрестным минометно-пулеметным огнем, будучи раненым, не покинул поле боя, не бросил своих товарищей и метким снайперским огнем уничтожил 21 фрица. В документе именно так и написано «фрица»!

Однажды, дело было перед наступлением, из роты дезертировали два солдата. Не просто дезертировали — ушли к немцам! ЧП! Правда, надо отметить, солдаты были узбеками, они по-русски почти ничего не понимали, а уж по-немецки — тем более. Может, и хотели выдать какие секреты, да ничего у них не вышло. А немцы, увидев их бесполезность, раздели их, обрезали по пояс шинели — и снова к нашим с поднятыми руками отправили. А в военное время с предателями, сами знаете, — какой разговор. Короткий. Но тут тучи сгустились и над командованием роты: не уследили! Под горячую руку могли и вслед за дезертирами отправить! Но начался бой, не до разбирательств, и во время боя отца тяжело ранило — полгода

потом в эвакуационном госпитале в Клину выхаживали. А когда дело к выписке подошло, явились в госпиталь «сваты» — давай каждый в свои войска сватать. Тут-то отец и подумал, что искать свою часть — себе дороже. Так и попал к танкистам. А что? Сколько было историй, когда кто-нибудь — не по злобе, просто в житейском разговоре — мог, например, похвалить немецкую технику, оружие — и всё, в штрафбат, а то, и того хуже, — расстрел перед строем. Война для отца закончилась 10 апреля 1945 года, когда он вместе со своим экипажем «тридцатьчетверки» наряду со всеми взяли штурмом крепость Кенигсберг.

После войны отец не сразу домой пришел, не всё ж просто делается. Они потом еще помогали немцам хозяйство восстанавливать, затем, когда Японии войну объявили, две недели в теплушках сидели, ждали, вот-вот опять на фронт отправят. Но война с Японией быстро закончилась, однако для солдата дело нашлось — еще несколько месяцев продолжали оказывать помощь немцам.

Ну, а потом демобилизация, возвращение домой. Ехал-то победителем, а вот куда... Дома никто не ждал: супруга сгинула, детей не было. В общем, возвращался в родные места, подошел к пристани, что напротив села Сохатино, вещмешок за спиной, форма военная, на груди ордена и медали, а мальчишки — мамкины дети, увидев издали солдата, приняли его за отца, и с радостными воплями к нему на грудь бросились. Вот ведь как бывает. Так он и заменил им отца.

Уже потом, когда они с матушкой официально расписались, он настоял, чтоб фамилия у мальчишек отцовская осталась, чтобы помнили свою родовую. И за это они по сию пору благодарны ему, что не дал прерваться линии Каленских.

А там и я на свет появился. Между прочим, немного от темы отклонюсь, но скажу, что Парад Победы принимал танк под номером 23, доставленный из Калининграда. Отец рассказывал: у его танка такой номер был. Хочется

верить, что это был танк именно моего отца. Разве может это не вызывать гордости?!

Так вот, родился я, жизнь мирная уже всю налаживается, про трудности говорить не буду — у меня-то, несмышлёныша — какие могли трудности быть? Живи, расти, науку жизненную осваивай. Я и осваивал, коров не боялся, была и у нас коровенка, от вредного петуха отбиваться научился, по улицам деревни гонял, как и все — что еще надо?! Но неожиданно пришла беда.

Как-то по лету — родители были на работе — мой друг Юра Лещенко со своей матерью пошли в лес за голубицей, я и упрямился пойти с ними. А идти — не ближний свет, считай, 12 километров до Березовки. Была раньше в наших краях такая деревенька. Для того, кто повзрослей — не расстояние, но для меня, мальчика, пройти столько — подвиг. Оставаться одному дома, когда впереди лес и сладкая ягода!

Нарвали ягоды — и обратно, а я уже и устал почему-то, хотя не считался слабаком, уже и пить очень хочется, и слабость в теле, и ноги не идут, присел возле кусточка — не могу идти дальше — и всё тут! А надо мной подсмеиваются: эх, мол, ходок, обуза только. Давай, дескать, возьми себя в руки, пойдем! Попытался... Кое-как дошли до моего дома, сел я на лавочку, и больше не встал. Онемело у меня всё, и говорить не могу. У меня спрашивают что-то, а я слышать-то — слышу, а в ответ — ну, никак, ни словечка! Всё понимаю, а будто не живой!

Взял меня дед в охапку — и в больницу.

Так началась моя больничная эпопея. Врачи никак не могут определить, что со мной, говорят, дескать, паралич, вирус какой-то, не понять ничего.

И провалялся я в районной больнице несколько недель. И лечить толком не лечили и улучшения никакого, а только хуже.

Спасибо, работала в больнице медсестра кореянка тётя Катя Нюдэ. Она доктору все уши прожужжала, что у меня

полиомиелит, а тот ни в какую не слушает, мол, не лезь не в свое дело! А я день ото дня всё угасаю и угасаю. Наконец, медсестра всё же настояла, чтобы меня в Благовещенск отправили, в детскую больницу. Вызвали санитарную авиацию, посадили нас с матушкой на самолет «У-2», кто на таком самолете двухместном не летал, никогда не сможет себе представить, что это такое. Я на руках у матери, она меня к себе прижимает, попали в грозу, сверкала молния, болтало так, что казалось, будто наизнанку выворачиваюсь.

Добрались до города. Оказался я в больнице в инфекционном отделении в палате с такими, как я, инфицированными детьми, а времени-то уже сколько прошло! Оказывается, была эпидемия. В общем, лекарствами какими-то меня, конечно, напичкали, но мне совсем худо стало. Видел, как иногда из палаты выносили умерших, слышал, как горько рыдали их матери. Пошел второй месяц моих там мытарств, и врач сказал матушке, что надо ей уезжать, мол, не дело ждать не понятно какого конца. Сам-то понимал, какого. И матушка всё тоже поняла.

И вот, помню, склонилась она надо мной, сама плачет, целует меня, а меня уже, как и нет. Ну, всё. Конец. Умер. Уж и не знаю, как получилось напоследок глаза приоткрыть. Вижу, мама уже в дверях палаты, вижу, как она оглянулась, чтобы взгляд последний на меня бросить. И тут я, который три месяца молчал, который не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, вдруг вымолвил. То ли прошептал, то ли промычал, а может, прошептал так, что криком это вышло — в общем, вырвалось у меня из горла: «Ма-а!»

И, наверное, именно в этот момент Смерть, уже готовая меня с собой забрать, и отступилась! Какая-то неведомая сила подняла меня с кровати, сделал я один шаг и упал. Матушка бросилась ко мне, опять рыдает, целует, шепчет что-то, прибежавшему доктору лепечет, мол, заговорил, живой. Тут как-то всё и завертелось, и опять вокруг меня забежали люди в белых халатах, и что-то во мне самом про-

изошло, какая-то живинка появилась, почувствовал я в себе некую силу, некую тягу к жизни. Вряд ли можно словами объяснить то мое состояние, но если просто — то почувствовал я, что мои мучения заканчиваются.

И дело очень быстро пошло на поправку.

Заново заговорил буквально через неделю, а там и начал бегать по больничному саду, и просил маму сбивать уже поспевшие груши.

Знали б вы, какими сладкими казались мне эти груши! Кажется, до сих пор ощущаю во рту сладость тех груш моего, не самого сладкого, детства...

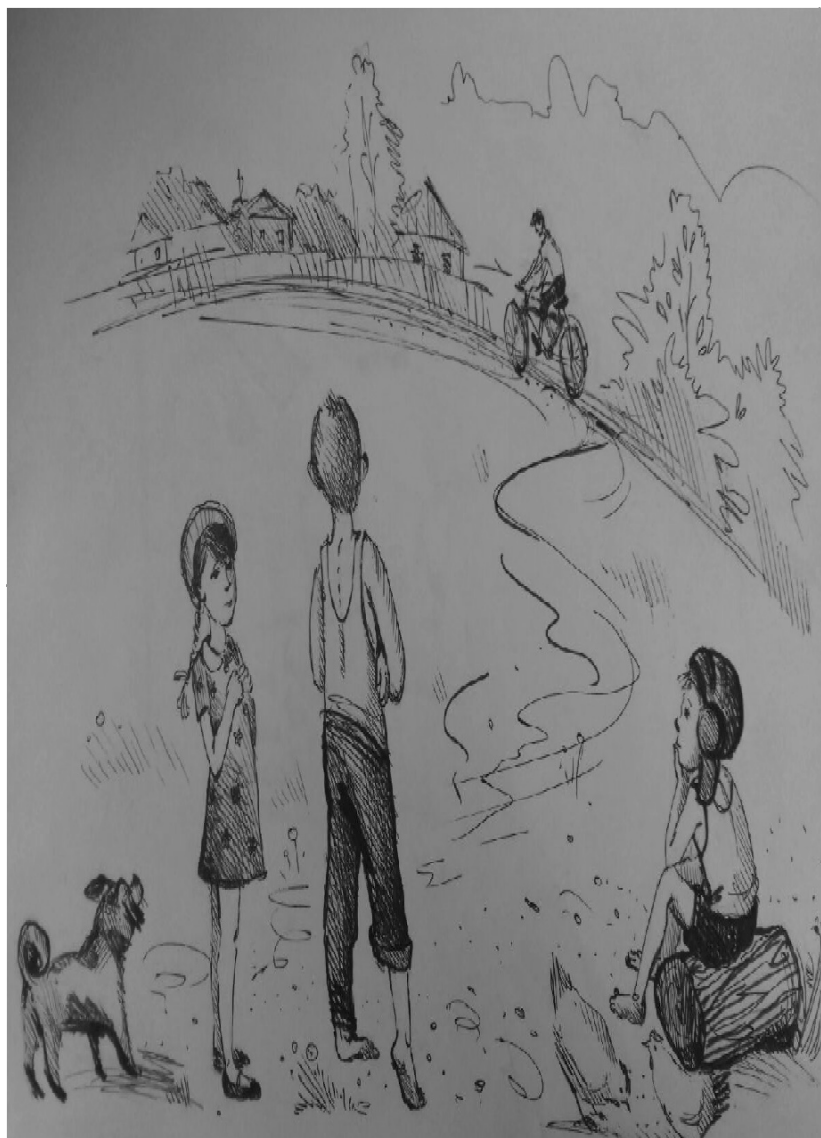
Так что, сказав, что в пять с половиной лет умер, я неправильно выразился: в пять с половиной лет по-новому родился.

Мой юный друг велосипед. Первые радости

Разве можно передать словами ту радость, которую испытывал, когда меня выписали из больницы?! Радость от того, что могу ходить, бегать, прыгать, — делать всё то, что было естественно для моих сверстников, и чего совершенно неожиданно и мгновенно на несколько месяцев лишился. Мое тело будто наверстывало упущенное, был постоянно в движении, казалось, я совсем-совсем не уставал!

Конечно же, после победы над смертельным недугом был окружен повышенным вниманием и заботой близких и знакомых. Несмотря на то, что жили мы небогато, как и все в округе, меня баловали подарками. Из них на долгие годы запомнился первый в моей жизни велосипед.

Этот транспорт в те шестидесятые годы считался чуть ли не роскошью. Не каждый взрослый мог позволить себе купить это немудреное средство передвижения,

а чтобы позабавить им подростков — на такую покупку нужно было долго копить. Зарплаты были — смех один,

деревня и выживала-то за счет своего подсобного хозяйства. А на «велике» умудрялись перевозить и сено, и даже дрова... Иной раз столько понавьючат на бедный велосипед — думаешь: верблюд-не верблюд по дороге движется.

У нас, хоть и изрядно потрепанный жизнью, велосипед был, латаный-перелатанный, но на ходу. На нем катались старшие братья, и иногда по делам ездил отец. Почти все мальчишки катались на родительских велосипедах «под рамкой», поскольку не доставали от седла до педалей. Такую же школу прошел и я. Чтобы цепь не зажевала шестерней штанину, ее подвертывали и скрепляли бельевой прищепкой. В нашем сельском хозяйственном магазине велосипеды продавались редко, а если они появлялись в продаже (как тогда говорили: «выбрасывали»), то раскупались мгновенно. Узнав, что велосипеды поступили в магазин, чуть ли не всей улицей бежали поглазеть на такой транспорт.

Родители, опасаясь, что могу на большом велосипеде разбиться или повредить ноги, пообещали купить детский велосипед, но при условии, что не буду корежиться на взрослом: после болезни кости мои были совсем слабыми. С каким нетерпением ожидал этого события! Но, скажу вам по секрету, всё равно, когда взрослых не было дома, украдкой все же брал велосипед и гонял по селу.

Бывало, к нам по праздникам, а то и просто по-приятельски в будний день, заходил в гости знакомый родителей дядя Филипп Паламарчук. Он работал в клубе кино-механиком. Дядя Филипп воевал на фронте с фашистами. Его многие знали и уважали. Детей у него не было, и дядя Филипп как-то по-особому заботливо относился ко мне: то угощал конфеткой, то приносил ягоду. Жил он от нас через одну улицу и всегда летом приезжал на трофейном дамском велосипеде. Каким образом он смог привезти велосипед из Германии, неизвестно, но велосипед был — всем велосипедам велосипед! Усиленные никелированные обода с такими же блестящими спицами, на руле закреплены

рукоятки ручного тормоза, а спереди — фара, которая во время движения давала свет от маленького генератора, закрепленного на вилке велосипеда. Генератор давал ток от трения привода о поверхность колеса. Коричневое кожаное сиденье опускалось так, что я мог доставать до педалей. Над крылом заднего колеса был прикреплен багажник и металлическое сиденье, предназначенное для пассажиров. Когда дядя Филипп гостил у нас, он один час разрешал мне покататься на своем чудо-транспорте. Но с условием: велосипед никому не давать.

Гордый оказанным доверием, я мчал в клубный сад, где рассекал на «велике» по аллеям. Клубный сад — это огражденная добротным забором березовая роща с красавицами-березами. Помимо ипподрома, стадиона, где предусматривалось почти всё для различных соревнований, на территории сада имелись площадки для игры в волейбол, баскетбол, для прыжков в длину и высоту, тир, качели и турники, ну и, ясно, танцплощадка. Песочницы с грибами для детей располагались на специально вырубленной от деревьев солнечной стороне. Имелись беговые дорожки и садовые аллеи. Сад был для сельчан и гостей любимым местом отдыха и проведения праздников. Клубным сад назывался лишь по той причине, что примыкал к районному Дому культуры, который привыкли просто называть клубом.

В один из дней из Райчихинска приехал на выходные мой брат Виктор — он жил там у тетки Насти. Виктор, ожидая призыва в армию, после школы уехал работать на Райчихинский стекольный завод.

Домой брат привез свой первый заработок и отдал его матери, но она сказала, чтобы своими деньгами он распоряжался сам, потратил на самое необходимое. Витёк дал двадцать рублей отцу и пояснил, что это Сережке на обещанный подарок. Родители добавили еще пятнадцать рублей и втайне от меня купили велосипед.

Утром, проснувшись, я вышел из дома во двор

и обомлел: у крыльца стоял сверкающий краской новенький велосипед. На руле прикреплен звонок, к рамке — сумка для ключей с велоаптечкой и серебристый насос; на раме красовалось название: «Школьник».

— Вот, сынок, это подарок от нас с твоим братом. Береги его! — Сказал отец.

Растроганный, я бросился к Виктору и к родителям благодарить за полученный подарок. И тут же стал опробовать велосипед на ход. Пахнувший свежей смазкой, кожаным седлом, велосипед вел себя безукоризненно: работали тормоза, звенел звонок и легко крутились педали со встроенными светоотражателями из красного рифленого стекла.

Проехав под завистливые взгляды ребят с одного в другой конец улицы Киевской, я остановился у лавочки возле нашей калитки. К этому времени у дома собралось с десяток ребят не только с нашей, но и соседней улицы Луговой. Весть о моей обновке разнеслась по селу, каждый хотел взглянуть хоть глазком. Кто тренькал звонком, кто рассматривал насос. В общем, моих приятелей интересовало всё, и я охотно показывал свой подарок. Потом, освоившись, ребята поочередно стали просить дать им прокатиться. Пока дома не было родителей и брата, я согласился и отдал велосипед первому моему другу Юрке Лещенко. Вот тут всё и началось.

Не успеет слезть с велосипеда очередной ездок, как руль быстро выхватывался, на велосипед прыгал следующий очередник, и «велик», как маршрутный автобус, уходил в очередной заезд. И так этот «челнок» ходил туда-сюда до тех пор, пока Вовка Демидович не вернулся обратно, ведя велосипед в руках. Растерянно пожимая плечами, он сказал, что велосипед сломался.

Мы все стали смотреть, что же случилось, и можно ли починить, исправить поломку. Но поломка оказалось больно серьезной. Педали велосипеда крутились, а тормоза не работали. Вовремя прокручивания педалей большая и малая шестерни вместе крутились, а колесо стояло

на месте без движения. Все сразу разбежались по домам, чтобы не попало. Оставшись один, я горько заплакал от обиды.

Узнав о происшедшем, отец и брат сильно меня не ругали, лишь бурчали, ссылаясь на плохое качество поломанной детали. На следующий день отец поехал на работу и забрал с собой заднее колесо. Вечером он принес колесо домой и сказал, что токарь выточил такую же деталь из какого-то особо прочного металла, и теперь сносу не будет. Закрепил колесо на раме, проверил, все ли работает, улыбнулся и сказал:

— Ну, вот и все, можешь ломать дальше.

К велосипеду с тех пор относился бережно, тщательно за ним ухаживал, смазывая цепь и подшипники в обоймах на втулках колес, поддерживал одинаковое давление в шинах. Несмотря на это, хлебнул с ним горя, да не один раз. Однажды наехал передним колесом на небольшой камень, от чего руль выбило из рук, по инерции я налетел на руль лицом, ударившись зубами о крепежный болт, да так, что полетели искры из глаз. Из рассеченных губ текла чуть ли не ручьем кровь, а во рту что-то было лишним. Как оказалось, это были кусочки обломанных наполовину двух передних зубов. О ЧП не стал никому из взрослых рассказывать, чтобы не поставили велосипед на прикол. Как какой-то собачонок зализал в прямом и переносном смысле слова свои раны и продолжал гонять своего «Школьника» до тех пор, пока со мной не произошло очередное происшествие.

К новому учебному году мне справили серые шерстяные брюки, пошили вельветовую курточку и купили новые ботинки и сандалии. Вот такой наряженный поехал в школу на торжественную линейку. Все было здорово, старшеклассники подарили воздушные шарик, и я довольный, прицепив шарик к рулю после линейки, покрутил педали к своему дому. Всегда перед поездкой на правую штанину цеплял прищепку, чтобы брюки

не попали в цепь. И на этот раз поступил также, но доехав до школы прищепку снял, а вот, когда возвращался обратно, то забыл прицепить. Эта забывчивость могла стоить мне и жизни. Уже рядом с домом штанина попала в цепь, и её так затянуло, что я с велосипеда кубарем полетел на землю. Как голову не свернул — непонятно, а сверху на меня со всего маха обрушился мой железный друг. Когда я более-менее пришел в себя, то увидел, что край штанины на два зуба шестеренки зажат цепью. Решив, что можно освободиться без снятия цепи, приподнял велосипед и, удерживая, стал прокручивать правой рукой шестерню, а левой оттягивал штанину чтобы сильно не замарать о смазку. Шестерня вдруг легко подалась и большой палец моей левой руки, насквозь пробитый зубом шестерни, молниеносно оказался в шестерне зажатым цепью.

От дикой боли так взвыл, что из соседнего дома выбежали сосед Генка Пешкин и его мать тетя Мария. Генка быстро открутил колесо и ослабил цепь, освободил мой палец и штанину. Когда палец освободили, кровь как из брандспойта хлынула на одежду. Ещё больше корчась от боли, я продолжал завывать, обливаясь слезами. Родителей дома не было, и тетя Мария увела меня к себе домой, где вначале палец отмыла бензином от смазки, а потом сунула в какой-то раствор. Кровотечение уменьшилось, а потом, когда палец засыпали стрептоцидом, замотали в подорожник и обмотали бинтом, кровь и вовсе перестала течь. Мне дали какую-то таблетку, и боль немного утихла.

Тетя Маруся постирала в холодной воде брюки и курточку, и вывесила на ветер на улице. Одежда быстро высохла, она уютно — ещё «доисторический», на углях, от него шел вкусный запах, как от костра — ловко все погладила и, как мне показалось, одежда ничем не отличалась от новой. Палец был похож на клубок шерстяных ниток или на красный нос клоуна, поскольку на марле красовалось пятно выступившей и засохшей крови. В таком виде я предстал перед отцом с матерью.

Батяня быстро отвез меня в больницу. Дежуривший хирург, осмотрев рану, промыл ее вновь в каком-то растворе и обмотал палец бинтом, сказав, что до свадьбы заживет. Палец стал еще больше, напоминал хорошее полено. Неделю ходил на перевязку, с опаской поглядывая на свой велосипед, и не прикасаясь к нему. Но когда рана затянулась, покрывшись коркой, и повязка больше не требовалась, я повеселел и вновь стал с упоением гонять на «Школьнике».

А шрам на пальце и выцветшая фотография, где я снят вместе со своим другом «Школьником», до сих пор напоминают о тех славных днях. Всё плохое и физическая боль быстро забываются. А в памяти даже всякие неудачи и несуразности всплывают так, что вызывают добрую улыбку и спокойное душевное тепло...

Пал смертью храбрых

Случилась беда — попал под машину наш пес Барсик. Зла он никогда никому не причинял, разве что, лаял иногда по ночам — так и то, не по злобе своей, а больше с испугу. Пёс-то был не сторожевой, не волкодав какой, а так, про таких говорят «двортерьер». Детвора в округе любила Барсика, поскольку был он вполне себе добродушный и легко откликался на предложения поиграть, поучаствовать в забавах. Пёс постоянно играл с детьми, те постоянно с ним возились. В общем, был, что называется, своим, только на четырех ногах. И вот его не стало, и я долго не мог пережить эту утрату: все-таки потерял настоящего друга, своего соратника во всех детских проказах-приключениях.

Долго не мог успокоиться, места себе не находил. Чуть что — вспоминал, как мы с Барсиком то на соседских кур засаду устраивали, будто в тайге на живность дикую, то

в пограничника Карацупу играли — да мало ли. И снова слезы на глаза наворачивались.

Как-то в гости к нам приехал дальний родственник из Свободного — он работал участковым. Узнав о моём горе, пообещал подарить овчарку.

В один из дней, когда я, возвращаясь домой из школы, открыл калитку во двор, из собачьей будки выскочила овчарка! К тому времени, ожидая обещанного, я все перечитал об этих собаках и сразу определил породу: восточно-европейская. Глаза собаки сверкали, пасть была оскалена, она бросилась на меня, а я замер, как вкопанный, сильно испугавшись такого оборота. Буквально в метре от меня собака вдруг перевернулась и упала. Ее сдержала мощная цепь, которой собака была привязана к будке. От боли (а скорее, от злости) овчарка страшно зарычала, а потом залилась остервенелым громким лаем. Из дому вышел отец, загнал овчарку в будку и укоротил цепь.

— Вот тебе собака! — Сказал отец, — зовут ее Дженни. Не простая собака — это смесь волка и овчарки. Она служила в колонии, и ее списали по возрасту.

Я расстроился: не ожидал, что собака, которую мне обещали в подарок, окажется такой недружелюбной!

Но отец заверил, что через месяц Дженни привыкнет, надо только постараться найти с ней общий язык. И действительно, постепенно мы притирались друг к другу. Я угощал ее сахаром, подбрасывал кусочки мяса, — не то, чтобы задабривал, нет — дрессированную умную собаку подачками не возьмешь! Просто разговаривал с ней, объяснял, что теперь мы должны быть «не-разлей-вода». И, мне кажется, она вполне понимала. Буквально через неделю стала вылазить из будки навстречу мне, ранее всё время дичилась, наружу и не высывалась. Наконец, позволила погладить себя.

И вот глажу ее, а самому бросилось в глаза, что Дженни, похоже, принесет щенков. Позвал отца с матерью, и они подтвердили, что скоро будет приплод. Вот поэтому-то,

догадался я, она и оказалась такой злой и неприступной. Через две недели у Дженни появились щенки — их было двенадцать. Щенята оказались крупными, с одинаковым окрасом, но двое из них — явно крупнее остальных. За щенками тут же, образно говоря, выстроилась очередь желающих. Батя потирал в оживлении свой нос и говорил, вот, мол, Дженни молодец, — будет магарыч!

Однако, утром следующего дня мать обнаружила, что почти весь выводок — не выжил, — остались только те, что были крупнее остальных. Мы побежали смотреть, и правда, Дженни вынесла их из будки и выложила в ряд, не было только тех, которых приметили мы. Дженни оставила их жить. Что это было — природный инстинкт или что-то иное — трудно сказать, видимо, она специально оставила более сильных.

Щенки быстро росли, и на семейном совете решили назвать того, что был покрупнее и почему-то серо-пепельного цвета — Туманом, а второго — поменьше — Дозором. Дозора отец отдал своему племяннику, а Тумана мы оставили себе.

Однажды Дженни сорвалась с цепи, порвала нескольких собак, что бегали мимо дома, загнала соседа, который приехал с лесозаготовок и был одет в ватник и телогрейку, на дерево, и никого не подпускала к нему, пока не приехал отец. Народ начал жаловаться, роптать, что, дескать, здесь не колония, а они не зеки. И тогда отец отвез Дженни в свое родное село Сохатино, где она потом долго несла службу, охраняя совхозное добро.

Туман же постепенно подрос и стал мощным кобелем. В нем были собачья стать и красота. Он добросовестно охранял дом, сидя на цепи. Особо не лаял, но, когда кто-нибудь заходил во двор, он просто молча подбегал на всю длину цепи по проволоке, садился напротив вошедшего, и не давал тому двинуться, до тех пор, пока кто-нибудь не выходил из дома. После чего отходил в сторону и ждал команды.

Мой старший брат Владимир натаскал Тумана на охоте, и тот бесстрашно держал лося и кабана, мог легко догнать косулю (тогда их было множество, не то, что сейчас, да и пугливы особо они не были).

Володя говорил, что цены нет нашей собаке: на охоте Туман — генерал!

Когда заканчивался охотничий сезон, Туман опять исправно исполнял свои обязанности по охране дома.

Мы, подростки, часто хвастались своими собаками и иногда устраивали уличные собачьи бои. Однажды, не спросив разрешения, я взял Тумана на такую собачью драку. Нашему питомцу пришлось драться с мощной беспородной собакой Джеком — высокой, коварной. Джек всегда был цепным и потому очень злым.

Когда отпустили ошейники, Джек по команде хозяина налетел на Тумана, и произошло это так быстро, в одно мгновение, что я не успел дать нужную команду своему псу.

Джек с ходу вцепился Туману в горло, и тот, бедный, от боли и неожиданности завизжал. Я сильно испугался и пожалел, что ввязался в эту затею. И вдруг Туман невероятно каким движением сбросил с себя Джека, набросился на него и рванул за спину так, что послышался хруст. Собака сразу обмякла, а Туман начал давить её. Хозяин Джека Аркашка заплакал, — тоже испугался — и стал просить оттащить Тумана. Но ни команды, ни палка не могли остановить эту очень серьезную драку. Мальчишки побежали за водой и кое-как отогнали Тумана. Он стоял в нескольких шагах с окровавленной мордой и рычал, а Джек лежал растерзанный, но еще живой.

И тут вдруг одна из собак неожиданно вырвалась из рук своего хозяина — уже и не припомню ни клички собаки, ни хозяина, и бросилась на Тумана. Но тот опередил ее, хватанул за бок, собака завизжала от боли и бросилась наутек. Туман догнал и начал трепать за шею, и бросил только тогда, когда собака перевернулась на спину и как бы под-

няла лапы, мол, сдаюсь.

Туман обернулся — и вовремя: ребята решили отомстить за побитых собак и спустили на него оставшихся трех здоровых дворовых псов, и те с остервенением набросились на Тумана. У меня промелькнула мысль — всё, пропал бедный Туман.

Но мой стойкий пес дрался, как герой, хватал соперников за брюшину и за горло. Одна собака, прихрамывая, отскочила в сторону, и мы, поняв, что он сейчас передавит всех, бросились разнимать свору, уже не жалея и себя. Я огрел палкой своего родного пса, Туман отскочил, и, как мне показалось, с удивлением, с непониманием посмотрел на меня.

Разгоревшаяся драка вряд ли бы скоро закончилась, если б не подъехал мой брат. Он уже вполне по-взрослому отвесил кому подзатыльника, кому пинка, разогнал нас и собак по сторонам. И, надо сказать, вовремя всё сделал: еще чуть-чуть, и все бы перекалечились: и мои приятели, и наши питомцы.

Туман из той кровавой схватки вышел победителем, но ему, как и мне, хорошо досталось, и мы долго зализывали раны: он физические, а я моральные.

Джек, первый участник драки, не выжил. За гибель пса отцу пришлось заплатить деньги хозяину. По селу разнеслась весть, что наша собака — самая сильная и самая злобная. И с тех пор по нашему кварталу, особенно мимо нашего дома, собаки не бегали, да и собачьи бои закончились.

А Туман продолжал верно служить нашей семье, и всегда, когда в руках он видел рюкзак и ружье, радостно лаял. Если его не брали на охоту, жалобно и отчаянно скулил, а то и начинал завывать, как настоящий волк.

Батя, не выдерживал воя и отпускал собаку с цепи. Туман, не дожидаясь, когда ему откроют калитку, в один прыжок перелетал через забор и бежал на протоку, откуда охотники переправлялись на Граматуху. Не найдя брата, долго ожидал на берегу, а потом уходил промышлять

в знакомые березовские и октябрьские или топтушинские околки. Его не было дома по 2—3 дня, приходил с добычей, приносил либо зайца, либо енота. Однажды принес крупного барсука. Батя освежевал его, а вернувшийся с работы брат стал нахваливать Тумана. Тот повилал хвостом от удовольствия и, отказавшись от предложенной ему сахарной косточки, перемахнул через забор и убежал. Часа через два он вернулся, держа в зубах еще одного барсука — чуть поменьше первого. Брат догадался, что он нашел нору и, видимо, передавил там зверей.

Только он об этом подумал, как Туман снова через забор — и был таков. Вернулся уже к вечеру со здоровым барсуком, бросил его на землю у крыльца и стал жадно лакать воду. Морда была разодрана, в крови, чувствовалось, что с этим барсуком пришлось нелегко.

Позднее, когда брат уехал по делам в Ленинград, зимняя охота для Тумана закончилась. Туман изнывал на цепи от безделья, заискивающе смотрели его глаза, вымаливая возможность вырваться в лес, и я сдался.

И до сих пор жалею, что отпустил его. Почувствовав свободу, пес рванул к забору, потом вернулся, подбежал ко мне, уперся лапами в грудь, лизнул меня (так сказать, отблагодарил) и в мгновение перемахнул через забор.

Прошла неделя. Собака не возвращалась. Отец сказал, что, наверное, опять выследил барсуков и пока их не передавит — не придет, будем ждать, никуда он не денется. Но прошла вторая неделя, а его все не было.

Мы загоревали, а батя стал меня поругивать. В воскресенье к обеду появился Туман, на него, стоящего перед калиткой, было страшно смотреть: выступали, как на скелете ребра, а передняя правая лапа — отгрызена! Нога была распухшей до невероятных размеров. Он виновато и с мольбой о помощи глядел на нас. Когда осмотрели раны собаки, то поняли, что он угодил в волчий капкан, и чтобы освободиться, сам себе перегрыз ногу.

Прибывший по вызову ветеринарный врач сказал, что

у Тумана гангрена, что его уже не спасешь, и за лечение он не возьмется.

Надо было как-то спасти нашего любимца. Отец, сказав, что на войне и не такое видел, решил взяться за дело сам. Поступил он вполне по-солдатски, по-воински, как поступали, наверное, тогда, когда нужно было хвататься и за соломинку.

Он залил Туману стакан водки, надел на него намордник, запеленал его, оставив только израненную ногу, и потребовал нашего ухода, чтобы мы не видели, как он будет делать операцию.

Через полчаса отец вошел в дом, налил себе на кухне полный стакан водки и залпом выпил. Я заметил, как мой суровый отец вдруг смахнул с лица накотившую слезу. Мы с матерью в один голос воскликнули: «Что, пропала собака?»

Отец махнул рукой в сторону летней кухни, мол, идите, смотрите.

Туман лежал на медвежьей шкуре. Бросилась в глаза забинтованная культя. Его дыхание было ровным, и он слегка похрапывал. Пьяный спит, проснется — посмотрим, выживет или нет.

Утром слышали лай и все разом вышли во двор. Мать открыла двери кухни — на пороге стоял на трех ногах Туман, едва помахивая хвостом. Неделью его кололи антибиотиками и ухаживали, как за ребенком, а, примерно, через месяц уже и перестали бинтовать, и Туманлизал свою рану. Ветеринар потом долго удивлялся, как же вы, Максим Павлович, так сумели? Отец ухмылялся и говорил, что помогли водка и собачий характер.

Туман продолжал охранять дом, но на цепь его уже не сажали, и он свободно бродил по двору или огороду. А когда кто забывал закрыть калитку, он выходил за пределы двора. Однажды неожиданно пропал, целый день его нигде не было видно, а к вечеру отец пошел к стогу сена, что стоял в огороде, за кормом для нашей кормилицы-

коровы Жданки. Корова была встревожена, мычала, чего за ней раньше не наблюдалось. В чем же дело? Отец разворошил стог и увидел мертвого Тумана с огнестрельной раной в груди. Какой — то гаденыш выстрелил в собаку.

Отвезли Тумана к лесу, который всегда манил к себе нашего любимца, и там схоронили.

На обратной стороне любительской фотографии, где был запечатлен Туман, отец написал:

«Собака по кличке Туман. Погиб смертью храбрых».

Не самый удачный день. Пчелка

Наверное, и с вами случалось: как не задастся с утра, так весь день всё из рук валится. И тут не знаешь, кого винить, на кого все беды сваливать. А и не на кого — просто стечение обстоятельств!

Как все мальчишки моего возраста, я вовсю помогал родителям и по огороду, и по дому, и вообще по хозяйству. Никаких поблажек не было: никто не делал поправки на перенесенную болезнь и на возраст. Да я и сам никогда не жаловался на недомогания — чувствовал себя полноценным мужчиной, старался всё делать по-взрослому, во всём походить на отца и на моих старших братьев.

Родители с утра уходили на работу, а я должен был насыпать зерна и поставить воды курам, почистить в стойке у коровы Жданки, положить ей навильник сена, съездить за водой для нашей кормилицы. Всё это должен был успеть сделать до обеда, потому что занятия у нас — у четвертых классов — начинались во вторую смену. А, значит, еще должен был успеть сделать уроки.

Делал я всё по-быстрому, проворно, — часам к десяти соседские парни за окном вовсю высвистывали, мол, Серёга, давай к нам, сюда! И, конечно, хотелось и в «войнушку» поиграть, и на саблях, сделанных из талы, посражаться!

Сами понимаете, детвора, если захочет, столько забав и приключений себе придумает! Вот и торопился упра-

виться со своими обязанностями. И у меня всякая работа спорилась, очередность раз и навсегда заведена, одновременно выполнял сразу несколько дел: нес воду Жданке — попутно заливал курам, тащил корове сено — на обратном пути забирал у кур яйцо. И всё это на бегу, как заведенный.

Первые две заботы — уход за коровой и пернатым царством — были довольно легко выполнимы, раз-два — и готово. А вот привезти воду было гораздо труднее. Вначале носил воду в вёдрах на коромысле из колодца, который выкопал и обустроил ещё мой дед Денис. Кстати сказать, колодец до сих пор жив-здоров и радует сельчан вкусной чистой водой. А потом отец сделал коляску, на которую цеплялся бидон, и можно было катить, не прилагая особых усилий. Трудно было поднимать воду из колодца, такой он был глубокий. Тогда я не знал, сколько метров у него глубина. Уже постарше, когда мы зимой с ребятами чистили сруб, сбивая намерзший лёд, и спускались до поверхности воды, оказалась, что его глубина четырнадцать метров!

Представляете?

И так бежали дни за днями, и всё шло своим чередом, и ничего не менялось, и я исправно выполнял свои обязанности, но однажды, в один из сентябрьских дней что-то пошло не так.

Поначалу-то всё было как обычно: быстрый подъём, завтрак, проводы родителей на работу — и бегом дела проворить! Уже и с петухом разобрался — тот вечно норовил подкрасться сзади и клюнуть побольнее! Уже и зерна курам подбросил — ох, и подняли гвалт, раскудахтались! Уже и по воду отправился, бидон почти полный был, осталось ещё одно ведро достать — вот тут-то меня и подкараулила беда. Я опустил ведро, чувствую оно наполнилось, начал его тянуть, почувствовал, как цепь напряглась — а ведро немаленькое, да тяжелое, кованое, тут и взрослому-то непросто управиться, не то, что мне, мальцу! И в этот момент прямо под глаз меня ужалила невесть откуда взявшаяся пчела.

От неожиданности и боли я отпустил рукоятку барабана, на которую накручивалась цепь с тяжелой бадьей, и та рухнула вниз. Боясь, что от удара бадья может оторваться и утонуть, я попытался ее удержать, схватив за рукоятку барабана, но тот под тяжестью бадьи с водой раскрутился так, что у меня не хватило сил остановить вращение. Рукоятка, которую я держал правой рукой, залепила мне прямо в лоб!

От боли и обиды я взвыл так, что ко мне побежали проходившие мимо мужики. Глядят на мою мгновенно распухшую физиономию, ничего понять не могут, да и сам я в неведении — всё же случилось в доли секунды, попробуй сообрази, что произошло. Сквозь слезы я попытался мужикам что-то объяснить. Как давай они смеяться! Им смешно, а меня обида не отпускает, и под глазом жжет, и на лбу бугор вызревает. А в голове уже проносится, что и с друзьями не удастся побегать, и в школу идти в таком виде как-то не очень, и вообще, день совершенно испорчен...

Соседи посмеяться-то посмеялись, но потом достали бадью и наполнили бидон, а мне дали кусочек льда из колодца, чтобы я приложил его ко лбу и глазу. Потом посмотрели на меня, горемычного, всего в слезах, да и помогли докатить тележку с бидоном до дому.

В школу из-за этого происшествия на первый урок чуть-чуть опоздал, забежал в класс последним. Я — в дверь, и все одновременно повернулись в мою сторону. И будто гром раздался: так дружно все рассмеялись! Стою перед нашим учителем начальных классов Анной Кузьминичной Тереховой, извиняюсь за опоздание, а у самого мысли путаются, переступаю с ноги на ногу, понимаю, что «видок» -то у меня тот еще... Спрашивает Анна Кузьминична, что же со мной произошло. А я — как после хорошей драки или будто с поля боя: на лбу — огромная шишка, левого глаза не видно, заплыл совершенно, сам я растерян и смущен, а тут еще внимание всего класса.

— Пчёлка укусила... — Отвечаю тихим голосом.

— Пчёлка?! — Тут класс в очередной раз зашелся в приступе хохота. И со всех сторон полетели шутки, что

пчелка была размером с «мессершмитта», и что она, наверное, была с бомбой, и что, скорее всего, я играл в бой быков. Да, много чего я успел услышать, пока Анна Кузьминична не навела порядок.

На одноклассников я не обижался, понимал, что они не со зла. Но настроение, конечно, на весь день было совершенно испорчено, все уроки просидел я букой, не озоровал на переменах, ни с кем не общался. Говорю же: не задался день.

Наверное, и с вами случалось: уж как не задастся с утра...

Морское путешествие

Несколько дней я ходил по дому с загадочным видом. Даже мать несколько раз с недоумением взглянула на меня, мол, что это со мной. Но я старался держаться, как обычно, изо всех сил сохраняя появившуюся у меня тайну. Дело в том, что наш уличный командир, сын участкового, Валерка Хомяков, собрал Совет, на котором объявил, что задумал морское путешествие, для чего ему понадобятся моряки. Говорил полушёпотом, чтобы никому из шпионов — могли оказаться и такие — не удалось подслушать его планы.

Вообще, Валерка был общепризнанным командиром, — кому, как ни ему, приходили в голову самые смелые фантазии и неожиданные задумки! Под стать были и его помощники: Толя Переломов и братья Пушкаревы. Ну, а мы, мелкота, беспрекословно слушались и выполняли поставленные уличным «командованием» задачи. Например, дождавшись вечера, частенько делали набег на китайские огороды, где ели, торопясь, горстями спелый мак, набивая им еще и карманы. Это уже потом мы узнали, что китайцы выращивали его для изготовления опиума.

Надо сказать, китайцев в селе было много, их перевезли в Мазановский район из Казахстана, где они рабо-

тали на добыче соли. Жили переселенцы обособлено. Те, кто победнее — в простых фанзах с соломенными крышами, а побогаче — в русских избах на Киевской и Луговой — окраинных улицах села. Занимались они, в основном, огородничеством, торговлей на базаре, портняжничали да готовили на продажу соседям свою нехитрую, но очень вкусную пищу.

Мы, несмышлениши, часто их дразнили, не понимая, что живется многим из них очень несладко, и что хлебнули они немало горюшка и бед на солеразработках.

— Тая-Тая, соли надо? — Кричали мы им вослед и пальцами разводили свои веки в разные стороны, делая узкими глаза. Китайцы в ответ на эти дразнилки непонятно ругались на своем языке и гонялись за нами с палками. Но мы оказывались проворнее.

И вот нашему командиру Валерке пришла в голову очередная гениальная идея. Он пояснил, что экипаж будет строго ограниченным, поскольку корабль не сможет принять на борт большую команду, и тут же произвел набор моряков — всего семь человек. Среди счастливиц оказался и я — мне сразу была определена роль рулевого, потому что я мог рулить на машине отца.

Не раз бывало, отец, уезжая после обеда на работу, брал меня с собой в кабину грузовика, сажал на колени, включал первую скорость, а я, вытянув ручной газ, поскольку ногой еще не доставал до педали, по команде отца вел машину до ближайшего перекрестка. Потом отец меня высаживал, и я бежал домой, ощущая на себе завистливые взгляды своих сверстников. Так что, место рулевого было вполне заслуженным.

Определившись с корабельной командой, Валерка поставил задачу, подготовить продуктов на месяц и смену одежды.

Так и завладела моими мыслями тайна: морской поход — дело серьезное!

Море я тогда видел только на картинках, масштабов

не представлял, но понимал, что предстоит какое-то очень серьезное испытание. Этим мыслям способствовал и тот таинственный полушёпот, которым с нами разговаривал на тайном Совете Валерка.

Собрать на месяц запас продуктов — та еще задача. Как же можно было незаметно оторвать от семьи такое количество еды! В общем, поневоле вид станет таинственным и загадочным.

И вот, в один из июльских дней, когда все было готово, мы рано, как только родители ушли на работу, собрались с отцовскими вещмешками у дома Валерки и двинулись к протоке. Она соединяла две самые полноводные судоходные реки — Селемджу и Зею.

Зейская протока была знаменита еще и тем, что на ее берегу первыми столыпинскими переселенцами из Киевской губернии в 1905 году основано село Новокиевка.

Летом протока часто пересыхала, и можно было вброд перейти по отмели на другой берег. Рядом с селом располагалась лодочная пристань. Иногда сюда по большой воде заходили буксиры с баржами и пассажирские пароходы.

План у Валерки был таков: тайно взять какой-нибудь пароход или катер, выйти по Зее в Амур, а уже по Амуру добраться до Тихого океана.

Дальше этого планы нашего предводителя не шли, но мы уже представляли огромные волны — до самого неба! И паруса, туго надутые ветром.

Ни пароходов, ни катеров на причале не оказалось, что внесло некие сомнения в правильность наших планов. Валерка даже несколько раз оглянулся, мол, куда это они могли запропасться.

Виду особо не показывал, что картина, нарисованная им, немного не соответствует действительности. С лодками тоже ничего не получалось: их удерживали крепкие цепи с увесистыми замками. А в нашу сторону сурово и с подозрительностью поглядывали рыбачившие невдалеке новокиевские мужики.

Чтобы не уронить свой авторитет в глазах команды, капитан Валерка повёл нас к той пристани, что была

напротив села Сохатино. Он заверил нас, что там-то уж точно стоит на причале небольшой катер — он сам его видел. Мы, слегка засомневавшись, двинулись за ним.

Идти, если по берегу, было километра четыре. И солнце уже вовсю распалилось. Где-то в глубине души было жалко оставленных на произвол судьбы маму с папой — как они будут без меня? Весь отряд немного приуныл, но капитан марку держал, подбадривал, вселял надежду, и мы опять потихоньку возомнили себя отважными мореплавателями, и даже представляли, как через несколько лет, одолев все морские преграды, претерпев массу приключений, победив всех врагов, вразвалочку ступим на родной берег и обнимем плачущих от радости родителей.

Идти под совсем уже раскалённым солнцем было всё труднее, но нами двигала идея мореплавания, и мы стойко преодолевали все трудности этого похода. Катер на берегу действительно стоял. Но он был настолько развалившимся, что одного взгляда на него хватило, чтобы понять: наше морское путешествие закончилось.

Но и здесь наш капитан проявил свою волю и смекалку. Не дав нам возможности горевать и проявлять слабость характеров, а среди нас слабаков и не было, он организовал лов ротанов из озера, что раскинулось рядом, и пока команда ловцов дёргала прожорливую, как настоящие акулы, рыбу, мы развели костёр, вскипятили воду, в которую и побросали выловленную добычу. Уху сварили за несколько минут!

Наш опытный капитан умудрился припасти не только соли, но и даже несколько листиков лаврового листа, что сделало похлёбку невероятно ароматной и аппетитной! И пока кок (Валерка пояснил, что вместо поваров на море есть только коки, что вызвало смех) помешивал толстой веткой варево, мы все исходили слюной: есть хотелось невероятно!

Уху слопали в считанные секунды! Обжигаясь, глотали эту вкуснотищу! А дальше навалились и на припасенные

продукты — картошку с тушенкой, зеленый лук, варенные гусиные и куриные яйца, сало, хлеб и сухари, и много чего другого. Короче, обед был знатным!

Подкрепившись, все заметно повеселели. Тут же устроили игру в настоящий морской бой. Мне пришлось стоять за настоящим, (пусть и ржавым!) штурвалом и спасти наш боевой корабль и экипаж, подчиняясь командам капитана Валерки: «Право на борт! Лево на борт», уклоняясь тем самым от снарядов вражеской эскадры.

Куда-то отодвинулись невесёлые мысли о том, что ждёт дома — многие из нас оставили родителям записки, что мы уходим в большое морское путешествие, чтобы нас попусту не искали, что вернемся нескоро. Мы, конечно, понимали, что трёпки — и, пожалуй, очень серьёзной — не миновать... Но ведь это — потом!

Это — потом!

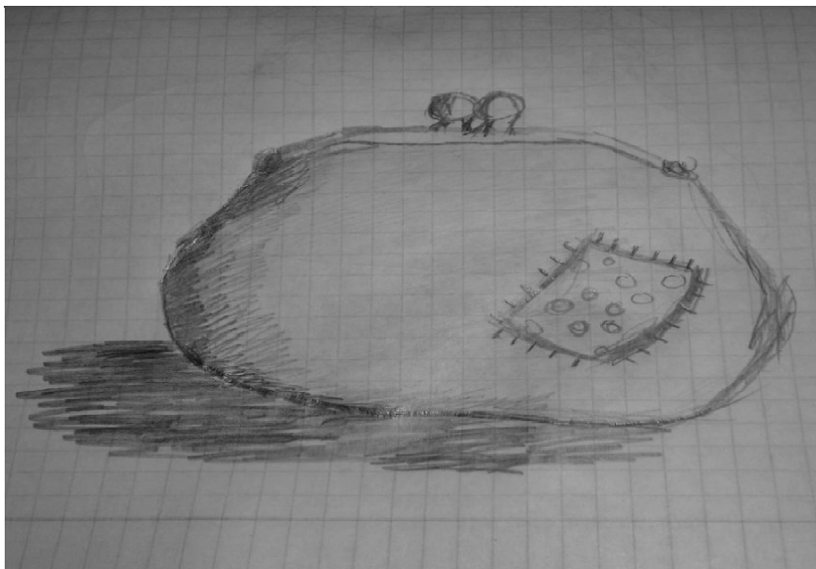
А пока наш капитан скомандовал: «Стоп, машина! Возвращаемся в нашу гавань!» И, собрав свой нехитрый скарб, мы побрели домой вдоль берега реки.

Солнце уже садилось, от воды спокойно веяло прохладой, мы только что одержали победу над вражеской эскадрой, и никого из нас даже не ранило, мы были еще совсем мальцами, и впереди была огромная, счастливая жизнь...

Сказ о чужом кошельке

На ежевечернем уличном Совете мои сверстники объявили мне бойкот. Они много и долго говорили о тех возможностях, которые были упущены из-за моей недалёковидности. Да что там недалёковидности — предательства по отношению к своим друзьям! По их мнению, я поступил совершенно необдуманно, наплевал на дружбу, как они меня посчитали, вообще оказался внутренним врагом!

Конечно, стоял вопрос о том, что бойкот надо объявить

навсегда, но кое-кто высказывался в том смысле, что вообще-то Серега — парень свой, и на велосипеде дает показаться, и не «мамстик» какой, и вообще, ему можно довериться, вот только в этот раз поступил не по-товарищески... И после споров было решено ограничить бойкот одним месяцем. Хотели поколотить, но с одной стороны знали, что спуску я не дам, а с другой — к концу сбора как-то и подостыли.

Приунывший от незаслуженной обиды, я возвращался домой, а в голове всё прокручивались события сегодняшнего дня.

Началось с того, что я увидел на земле кошелек. После истории с укусившей меня пчелой и шишкой на лбу отец освободил меня от обязанности возить воду, зато мама поставила задачу ездить на отцовском велосипеде в магазин за хлебом и продуктами тогда, когда это потребуется. И вот подъехал я к продовольственному магазину, приставил велик к забору, наклонился, чтобы снять прищепку

со штанины, глядь, а прямо передо мной на земле — кошелек! Самый обычный, невзрачный, из потертой черной кожи с выпуклыми боками, далеко не первой молодости. Конечно, меня заинтересовало содержимое кошелька, и я поднял его.

Правда, вначале убедился, что к нему не привязана нитка или веревочка, — бывало, мы с друзьями подшучивали таким образом: бросали кошелек с нарезанной бумагой на дорогу, а когда кто-нибудь из прохожих пытался на радостях украдкой поднять, мы, спрятавшись за какое-нибудь укрытие, дергали за нитку, и кошелек «убегал» от протянутых рук! Пристыженный неудачник, чертыхаясь, уходил, а сзади до него еще долго доносился наш торжествующий смех.

Открыв кошелек, я увидел сверху несколько скомканных рублевых купюр и, судя по тяжести понял, что в нем были монеты. К этому времени я был пионером, и, как требовали законы юного ленинца, должен был быть честным, о чем, кстати сказать, мне всегда говорили мать и отец, наставляя никогда не брать чужого.

Взяв кошелек, я вошел в магазин и спросил, чья это потеря. Все покупатели, а их было десятка два — они стояли в очереди за только что привезенным из пекарни хлебом, — стали лихорадочно ощупывать свои карманы и сумки, проверяя, не их ли кошелек потерялся. Но среди покупателей растерях не обнаружилось.

Тогда я подошел к продавщице тете Клаве, положил находку на прилавок и попросил ее отдать тому, кто обратится за пропажей. Толпа расступилась: за мой Поступок мне позволили купить продукты и хлеб без очереди.

Все стали спрашивать у продавщицы, сколько в кошельке денег, и тётя Клава, заглянув, внесла ясность: много, на бутылку хватит.

Купив продукты, гордый совершенным Поступком, я покатил домой. Происшедшим поделился с родителями, и они похвалили меня, сказав, мы хоть и не богаты,

но от чужого добра богатым не будешь. Конечно, я загордился еще больше.

К вечеру отправился к нашему месту уличного сбора, и когда все парни собрались, торжественно рассказал, что нашел кошелек с деньгами и отдал его тётё Клаве, как сейчас помню, фамилия ее по мужу была какая-то интересная — Ефхуто.

Парни тут же стали выпытывать, много ли было денег, на что я ответил точно так же, как и тетя Клава, мол, много, на бутылку хватит. Вот тут-то ребята и стали возмущаться, ругали, что не принес кошелек на Совет улицы, именно на Совете нужно было решать, каким образом поступить с находкой.

Предложений, надо отметить, было не очень много, но все имели интерес для нашей компании: например, можно было купить общественный велосипед (слова «общественный» тогда у нас в ходу не было, говорили просто «общий»), а если не велосипед, то спокойно хватило бы на пачку папирос... Да мало ли на что полезное хотелось бы истратить чуть ли не с неба свалившиеся деньги. А тут Серёга взял, да и предал интересы улицы. Я начал отстаивать свою правоту, доказывал, что поступил правильно, по совести, по-пионерски. Тут-то мне и объявили бойкот.

Домой вернулся расстроенный. Действительно не понимал своих друзей, готовых поступить несправедливо. Все мы в то время жили бедно, а найденные деньги могли оказаться у кого-то последними.

Утром по дороге в школу меня остановил Иван Киселёв — он проезжал мимо на своем «Ижаке» и специально притормозил возле меня. Жил он неподалёку на нашей улице, работал радистом в аэропорту. Даже не поздоровавшись, Иван попер буром: «Ты, что, Серега, кошелек с тысячей нашел, и не поделился! Да еще и Клавке отдал, а она небось себе оттопырит! Дурачок ты — дурачок, можно было тебе с батькой и братанами такой же, как у меня, мотоцикл купить, а может даже и машину!»

Мотоцикл у Ивана был новенький, сверкал никелем; зеленоватая, как на военных машинах, краска так и играла на солнце. Глушитель был тоже никелированный и немного приподнят кверху. Что и говорить, загляденье! На миг я даже представил себя сидящим за рулем подобного мотоцикла! И аж дух захватило!

Пояснил Ивану уже привычными словами, что денег в кошельке — по словам продавца — было на бутылку.

— Заливает она! — Как-то зло произнес Иван и добавил, что разберется с нею.

После чего довез меня до школы и разрешил немного покрутить ручку газа. А потом, сказав, что заставит Клавку выплатить проценты за находку, развернулся и уехал. В школе и в классе меня все расспрашивали про кошелек, про то, сколько в нем было денег, на что я всем отвечал, что денег было много. А про бутылку уже не добавлял. Одно-классники-мальчишки смотрели немного с завистью — все-таки, разговоры велись вокруг меня, а девчонки украдкой стреляли глазками, как на героя. Я эти взгляды чувствовал. И, конечно, действительно ощущал себя героем.

Вечером, вернувшись из школы, переступив порог дома, увидел тетю Клаву с мужем. Видимо, у них с моими родителями был какой-то тяжелый, серьезный разговор. Судя по всему, пар они выпустили, и теперь, возбужденные, сидели молча на кухне. Мать подносила к столу разносолы, а отец откупоривал бутылку «Московской». Вероятно, взаимопонимание было достигнуто.

Увидев, как я вошёл, тётя Клава сразу засыпала меня вопросами, мол, что это я наплёл с три короба, будто в кошельке была большая сумма денег?! Я немного растерялся от такого напора, но и не смутился, потому что скрывать было абсолютно нечего: пояснил, что всем отвечал словами самой тёти Клавы: «Денег много, на бутылку хватит».

— Тогда почему же Иван Киселев приехал в магазин и при всем честном народе требовал проценты за находку

тысячи рублей?! — Возмущалась тетя Клава. Оказалось, как она пояснила, Иван опозорил ее при всех, утверждая, что она присвоила крупную сумму денег и даже сообщил руководству Райпо о свершившемся преступлении.

И в это время в дом, постучавшись, вошел сам Иван. Вид у него, признаться, был весьма взъерошенный, сам он казался очень взволнованным и смущенным. До него все-таки дошло, что разговоры о том, что «денег много» имели шуточную подоплёку. Прямо с порога он начал извиняться перед Евхутами и моими родителями.

— Ну ты, Серега, и подвел меня со своим кошельком, я ведь и вправду подумал, что денег много, раз кошелек был толстым. — Бубнил он, прижимая руку к сердцу и боясь поднять глаза на тётю Клаву и ее мужа, недобро смотревшего на Ивана.

Оказывается, в кошельке всего-то было три рубля и платочек с завернутыми в него шестьюдесятью двумя копейками. Столько и вправду стоила бутылка водки. Продащица нисколько не лукавила, говоря, что денег много, на бутылку хватит.

На следующий день в магазин пришла работница с кирпичного завода по фамилии Юрьева. Она описала кошелек с точностью до щербинки и правильно назвала сумму денег, в нем лежащую. Кошелек ей отдали, и она рассказала, что послала мужа за водкой по случаю получения зарплаты, — такой вот был праздник в семье. И дала ему денег ровно столько, сколько стоила самая дешевая поллитровка. Но муж вернулся домой пьянющий до бесчувствия и без покупки. За что она, подумав, что он единолично пропил эти деньги, крепко его побила. Утром, проснувшись с «фингалом» под глазом, тот рассказал, что потерял кошелек, и с горя напился, встретив на обратной дороге своих друзей. Те, в знак сочувствия, угостили его горькой.

Вот такая совершенно банальная, простая, житейская история.

Бойкот с меня через месяц сняли, и я вновь влился

в уличную стайку ребят, опять стал полноправным членом команды. Но те санкции (выражаясь сегодняшним языком), что были применены в отношении меня, не смогли изменить моего мнения, что брать чужое — нельзя, и что человек, совершивший нечестный поступок, достоин осуждения со стороны товарищей.

С этим убеждением я и входил постепенно во взрослую жизнь...

Тверже шаг, ребята!

Конец 60-х — тревожное время: в разговорах взрослых только и было, что о «наших отношениях с китайцами». Все полушёпотом, полунамёками говорили о том, что «а вдруг, как хлынут! Не остановишь!» Те, кто бывал в областном центре, рассказывали совсем страшные вещи: и о том, что на сопредельной стороне, как раз напротив Благовещенска, стоят огромные портреты Мао Цзэдуна, и что в маленькой деревеньке Хэйхэ день и ночь дымят заводские трубы, а их там — собьёшься со счёту! Значит, готовится к войне, огромные запасы делают.

Родители мои, когда я ложился спать, все время считали своим долгом напомнить, чтобы одежду укладывал прилежно, всё по порядку, чтобы при случае, мог быстро-быстро одеться. Я и без того был аккуратистом, ничего не разбрасывал, но родители все равно каждый вечер повторяли свои наказания, и в этом тоже проявлялась тревожность времени.

Школьные политинформации были посвящены, в основном, рассказам о претензиях китайского руководства на наши земли, нам рассказывали о различных мелких провокациях на границе, а еще мы узнали о том, что на китайских картах вся наша территория до Уральских гор, считается принадлежностью КНР.

На уроках НВП (начальная военная подготовка) нас серьезно обучали обращению с оружием и противогазом, учили метать гранаты, ходить строем. Приходившие к нам

сотрудники военкомата рассказывали, что международная обстановка очень напряженная, Китай ведёт себя недружественно по отношению к Советскому Союзу, что нужно добросовестно готовить себя к защите Родины.

Тягучая, тревожная неопределенность прорвалась в марте 1969 года: китайские воинские подразделения вторглись на территорию острова Даманский с целью его захвата. Пролилась первая кровь. Самые первые сообщения, несколько противоречивые, не проливали полностью свет на то, что происходило. Но уже назвали имена первых ребят-пограничников, павших в тех боях, мы слышали имя сержанта Юрия Бабанского, получившего потом звание Героя Советского Союза, умело сдерживавшего натиск противника до подхода своих товарищей.

Во всех домах радио постоянно было включено на полную громкость — все ждали очередное сообщение ТАСС и правительства. Телевизор тогда был еще не в каждой семье.

Буквально через день-другой после начала боевых действий нас, допризывников из 8—10 классов, по установленной схеме оповещения военный комиссар района майор Михаил Михайлович Башкирцев повестками обязал явиться на сборный пункт — в спортивный зал Увальской средней школы, которая находилась в квартале от военкомата.

В зале встречали военрук школы Юрий Иванович Морщаков и прапорщик Иван Киселев, бывший радист аэропорта, к тому времени перешедший на сверхсрочную службу. Нас всех построили по росту и разбили по отделениям, — получился целый взвод. К этому времени в зал вошли директор школы А. Г. Артеменко и военком.

Лица взрослых были напряжены, я бы даже сказал, хмуры. Да и мы, ребята, не обменивались обычными шутками, не толкались и были совершенно серьезны: чувствовали ответственность момента.

Военком произнес речь, отметив, что китайская военщина нарушила границу, что кровопролитный бой

не прекращается, что сейчас всё внимание руководства страны приковано к месту боев, и что туда подтягивают серьезные силы армии, то есть, военный конфликт может затянуться и наша задача — оказать помощь стране.

— В боевых действиях, — отметил военком, — вам сразу участвовать не придется, для этого нужна более серьезная выучка, но до поры до времени будете нести службу в тылу.

— Сынки! — Сказал он в заключение, — не подведите своих отцов, честно служите Родине и защищайте ее от врагов — это почетная ваша обязанность. Сейчас вы повторите строевые команды с военруком и прапорщиком, а потом — в военкомат за получением оружия с последующей отправкой на сборный пункт в город Белогорск, где пройдете медкомиссию, а потом вас распределят туда, где вы будете нужны.

Прапорщик Киселев после этих напутственных слов, скомандовал:

— По отделениям в военкомат бегом — марш! — И наше мирное детство вдруг закончилось.

Началась суровая воинская пора. В военкомате нам на каждое отделение выдали противогазы и по зеленому ящику с карабинами СКС. Приказали всё перенести в спортзал.

Мы, гордые, что нам доверили боевое оружие, несмотря на его тяжесть, бегом перенесли ящики к месту нашей дислокации.

Ящики были опломбированы. При их вскрытии мы увидели сложенные в два ряда, по пять штук в каждом, густо смазанные солидолом новенькие карабины. Поступила команда за десять минут произвести их чистку и предоставить прапорщику к осмотру. Не у всех получалось, но прапорщик и военрук подходили к тем, у кого особой сноровки не было, и помогали. Мы работали с подъемом — быстро, четко, и, несмотря на неопределенность будущего, испытывали некий восторг, который запросто можно было назвать щенячьим. Все-таки переход

из детства во взрослость толком еще не закончился, и отношение к настоящему оружию было по-детски восторженным. Страх, во всяком случае, у меня, да, думаю, и других, не было.

После осмотра оружия прапорщиком, нам раздали карабины под роспись о получении в соответствии с заводским номером.

Затем поступила команда всему взводу по отделениям построиться у входа в школу. Когда построение закончилось, первому отделению директор школы вручил красный флаг, и мы, по команде прапорщика Киселева, стараясь не сбиться, стройной коробкой двинулись к военкомату. С флагом, чеканя шаг, прошли мимо зевак у стадиона и стали подходить к военкомату, и в это время прапорщик Киселев командовал:

— Запевай!

Мы, не сговариваясь, грянули:

— Тверже шаг, ребята, по земле Советской мы идем! — Этот марш десантников был очень популярен после выхода фильма «Прыжок на заре», его знал каждый мальчишка, да и на уроках НВП, когда мы отрабатывали приемы строевой подготовки, частенько пели этот марш всем отделением.

У ближайших домов на лавочках сидели старушки, и когда мы с песней проходили мимо, они запричитали:

— Ох, родненькие, вы ж еще малыцы! Какая ж вам война!

Но ни у кого из моих однокашников не дрогнули губы: мы уже считали себя полноправными защитниками Родины. Все-таки, патриотическое воспитание и со стороны школы, и со стороны родителей, было тогда на очень высоком уровне!

У военкомата стояли две военные машины ГАЗ-51, крытые брезентом; на «гражданке» подобные тогда называли «грузовые такси». И действительно: машины использовались для перевозки грузов, но при необходимости за считанные секунды в кузове устанавливались деревян-

ные скамейки, на которых можно было уместить большое количество людей. У военкомата, когда мы остановились, нам выдали фляжки и котелки, а также суточные сухие пайки.

Прапорщик зычно командовал:

— По машинам!

Мы дружно, по отделениям, ринулись на погрузку. Быстро расселись. Молчали. Каждый переживал в душе, что нам не позволили проститься с родными, что не успели сказать на прощание каких-то добрых слов. Хотя, конечно, и понимали, что во время войны — не до сантиментов, что, если поступил приказ, и обстановка весьма серьезная — нужно очень быстро принимать решение. Опять же, война — не шуточки, а значит, на первое место выходит секретность. Разве можно было всем рассказывать о том, что нас отправляют в зону боевых действий!

Понятно, что у некоторых из моих однокашников были уже симпатии, и эти ребята представляли себе, как их, героев, встретят потом нравящиеся им девочки.

И я тоже представлял себе такую картину. Она во многом была навеяна рассказами родителей о том, как они встретились на паромной переправе. Так и я видел себя с солдатским вещмешком за спиной, в запыленных сапогах, в уже выцветшей гимнастерке, на которой позвякивали ордена и медали, и я уже видел, как мне навстречу бросилась...

Но в это время на крыльцо военкомата вышел майор Башкирцев и с радостью на лице и торжественностью в голосе громко, с надрывом объявил:

— Всё, отбой орлята, война закончилась!

При этом он пояснил, что китайцев выдавили с острова, отогнав на 40 км от границы, они понесли большие потери. Но и среди наших есть тоже и убитые, и раненые, правда, намного меньше, что мы должны помнить этих солдат и офицеров. Потом военком командовал сдать оружие и всю остальную нехитрую выданную нам солдатскую

амуницию, оставив солдатские пайки.

После этого мы вновь смазали карабины солидолом, сложили в ящики и отнесли в военкомат, где их опечатали и заперли в оружейной комнате.

— Дембель, хлопцы, вы молодцы, не подвели школу, родителей, — приговаривал прапорщик, принимая у нас оружие.

— Никто из вас ни дрогнул, ни заскулил. Вы настоящие защитники и честно исполнили свой долг!

По домам мы расходились уже совсем не теми мальчишками-пацанами, которыми проснулись утром, а повзрослевшими, за несколько часов возмужавшими парнями, прикоснувшимися, пусть только совсем чуть-чуть, но уже к настоящей суровой взрослой жизни, подразумевающей ответственность и за своих близких, и за всю нашу страну.

На следующий день в школе к нам как-то по-особому относились учителя, а наши одноклассницы поглядывали на нас с восторгом: защитники...

Скелет из кабинета биологии

Деревья и кустарники в Клубном саду были так густы, что даже днем там было сумрачно, поэтому, когда я вдруг увидел самый настоящий, казалось бы, идущий навстречу скелет, издающий бледное свечение, то ощутил на спине мурашки. На самом деле, скелет, понятно, никуда не шёл — разве может двигаться скелет, крепко привязанный к дереву телефонным проводом?

Отдышавшись и осмотревшись, я понял, что близок к разгадке, и мысленно приброесил план дальнейших действий.

Это было первое раскрытое лично мною преступление.

Трудно поверить, но я тогда даже еще и не был профес-

сиональным сотрудником правоохранительных органов, меня только-только определили техником по сигнализации в отделе милиции.

Дело в том, что ранее я работал заворгом райкома комсомола, и был, скажу, не хвастаясь, на хорошем счету у своих руководителей. И всё-таки, мне очень хотелось работать в прокуратуре или в милиции: и книг я много на эту тему читал, и знакомых было много из этих ведомств, и, тут тоже не буду лукавить, все равно в глубине души не чувствовал себя комсомольским и партийным работником. Мою голову чаще всего занимали мысли об увлекательной, полной опасностей и приключений, работе следователя или опера, особой разницы тогда я не видел. Просто ощущал себя человеком, борющимся с преступностью и бандитизмом. Именно так — вполне искренне и без компромиссов!

С большим трудом оставив комсомольскую должность, процедура не самая простая, поскольку в ней хватало бюрократических препон, в ожидании назначения на должность следователя, прозябал в милиции, занимаясь сигнальными системами, завидуя тем, кто занимался настоящим делом.

Наступила осенняя дождливая пора. В ту пору в селе не было ни одной заасфальтированной улицы, а тротуары, по большей части, представляли собою труднопроходимые тропинки.

После очередного дождя можно легко определить — кто, когда, в какой обуви и в каком направлении перемещался по селу. Так было и в тот день, о котором пойдет речь.

В дежурной части отдела милиции раздался звонок. Звонил сторож Увальской средней школы Василий Кван — человек глубокого пенсионного возраста, продолжавший работать во вневедомственной охране. Он сообщил, что на него, угрожая ножом, напал неизвестный ему молодой человек, связал его, забрал ключи и поднялся на второй

этаж. Что он там делал, пострадавший не знал, не видел, но когда тот уходил, то обрезал провод телефона, забрал телефонный аппарат, уложил все в целлофановый пакет и, угрожая расправой, ушел.

Поскольку за мной на службе был закреплен новенький мотоцикл «Урал» с милицейской сине-желтой окраской, с сиреной и мигалкой, мы вместе с начальником отдела вневедомственной охраны и оперуполномоченным уголовного розыска на этом мотоцикле приехали на место происшествия.

Это была моя родная средняя школа, которую я закончил шесть лет назад. Тревожная группа и следователь милиции были уже на месте; вызваны директор школы и учитель биологии, чей кабинет был вскрыт.

Сторож давал показания. Он пояснил, что напавший был коротко стрижен и обут в резиновые сапоги с высокими голенищами.

Происшествие для отдела охраны было чрезвычайным: ответственность за объект лежала именно на нём, а потому преступника надлежало найти любой ценой, иначе, возмещение школе ущерба — за отделом охраны. И, что более существенное — осознание недочета в работе, «плохая» статистика, недовольство руководства, сами понимаете.

Учитель биологии Валентина Ивановна Кобзарь, оглядев помещение, сказала, что из кабинета биологии похищен скелет человека, а из кабинета химии — фосфорные карандаши.

Пока следователь проводил осмотр, а оперативники показывали сторожу альбом с фотографиями лиц, совершавших преступления, либо склонным к их совершению, я вышел из школы. Мне это преступление показалось каким-то алогичным и, несмотря на то, что оно относилось к категории тяжких, даже немного смешным. Двор школы граничил с Клубным садом. В воскресный день занятий не было, после прошедшего дождя земля была словно пограничная следовая полоса.

Осмотрев крыльцо школы, увидел следы от резиновых сапог и рядом прерывающие полосы — маленькие борозд-

ки. Сметнул, что если здесь прошел преступник, то он явно нёс какой-то предмет, который касался земли и делал бороздки. Не тот ли самый скелет? Впрочем, это пока были только предположения. Следы, которые я боялся затоптать, а потому шёл рядом, уверено вели к переходу в Клубный сад.

Сад этот, по сути, парк — это обустроенная березовая роща, любимое место отдыха местных жителей и гостей.

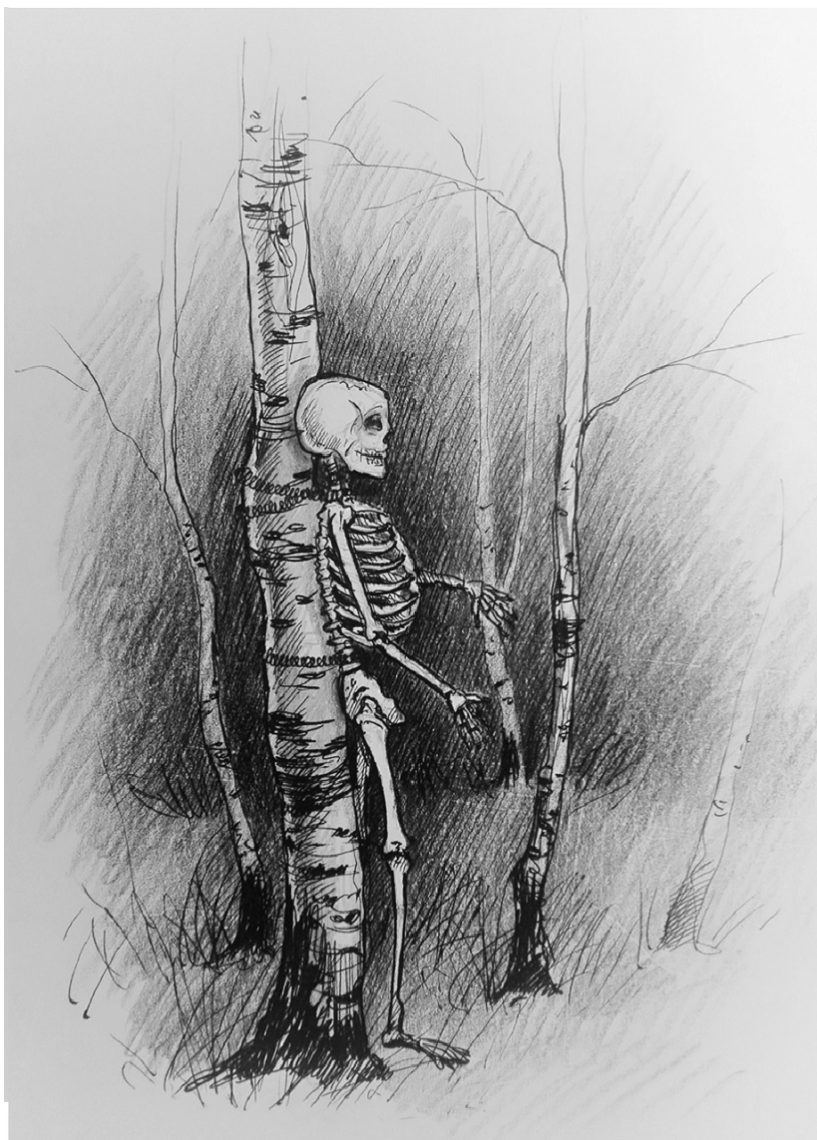
И вот, передвигаясь вдоль свежих следов, внимательно в них вглядываясь, я, чтобы сориентироваться у перехода в молодом березняке, поднял от земли глаза и тут-то меня и прошиб пот: я увидел прямо перед собой человеческий череп! К молоденькой березке куском телефонного провода был привязан скелет человека. Его глазницы отсвечивали зеленоватым цветом. Как потом оказалось, их натерли фосфорным карандашом.

Если б на моём месте оказался какой-нибудь празднующийся, какая-нибудь старушка, да просто человек со слабыми нервами — быть беде: «кондрат» бы точно хватил. Хорошо, что я уже был морально подготовлен к этой встрече всей чередой событий. Но сердце всё равно — ёкнуло...

В это время стал накрапывать дождь, и, боясь, что он разойдется и смоет следы, я продолжил быстро идти по следу, который вел к переходу на Новокиевку — небольшое село, по сути, спутник райцентра. Чтобы попасть в это село, достаточно было только перейти через мостик.

Так след и привёл меня к одному из окраинных домов Новокиевки.

Бегом я вернулся к мотоциклу, и, не сказав никому ни слова, подъехал к этому дому. Оставил транспорт чуть в сторонке, чтобы не вызывать подозрений, вдруг злоумышленник следит из окна? Незаметно, будто прогуливаясь, я начал осматривать территорию у дома, и заметил, что из поленницы дров, сложенных вдоль забора, торчит кусок целлофана. Подойдя поближе и развернув плёнку, я

обнаружил телефон с куском провода и фосфорный карандаш. Пакет я положил обратно на место, и только это сде-

лал, как из дома вышла хозяйка, ворчливая старушка, и начала ругаться по поводу того, что незнакомец крутится возле её имущества. Пригрозила, что вызовет милицию.

— А как вызовете? — С улыбкой поинтересовался я, — телефон у вас есть?

— Есть, да не про вашу честь! — Продолжала показывать недовольство старушка.

— А если серьезно? — Я убрал с лица улыбку.

Почувствовав, что вопрос несправедливый, и видя, что на уличного хулигана я совсем не похож, бабулька посетовала, что телефон-то, хоть и имеется, да неисправный.

— Но скоро будет нормальный — постоялец обещал мне новый поставить, — пояснила хозяйка.

Тут, чтобы развеять сомнения хозяйки дома, я представился, сказал, что сам из милиции, так что пока можно обойтись без телефона. Ну, и попутно поинтересовался, где ж её жилец. Выяснилось, что он ушел на работу в райпо и придет в пять часов. А на вопрос, что она знает о постояльце, старушка махнула рукой и сказала, что он не то из армии, не то из тюрьмы, и что ей никакой разницы нет, лишь бы исправно платил за постой и не хулиганил. Поблагодарив хозяйку, я рванул на полном ходу к школе. Приехал как раз к обсуждению преступления: сотрудники говорили о том, что найти преступника вряд ли удастся, а начальник прямо так и сказал, что, наверное, будет «висяк», а значит, отдел не получит премиальных.

Отозвав его в сторонку, я потихоньку сказал ему, что не надо сильно переживать: преступление раскрыто, преступник известен и украденные вещи — скелет и телефон — обнаружены.

Александр Евгеньевич, так звали начальника отдела, не поверил. Оно и понятно: какой-то шпанец, даже не стажер, а простой техник, вдруг утирает нос ему — многоопытному милиционеру! Но все же смирил свою гордыню, сел со мной на мотоцикл, и я показал ему, где находятся пропавшие вещи.

Начальник отдела тут же резюмировал:
— Надо брать! Сейчас же вызовем опергруппу — и возъ-

мём!

Я кое-как отговорил его от этого скоропалительного решения, посоветовав задержать злоумышленника прямо у дома по возвращении с работы. Было же логичным взять его с поличным, когда он будет вытаскивать телефон из поленницы.

Так мы и поступили. Подъехали к пяти часам к противоположному дому и стали ждать. Минут через пятнадцать появился молодой человек в рабочей одежде, похожий по приметам на того, кого мы ждали.

Увидев милицейский мотоцикл, он сразу понял, по чью душу приехали милиционеры. Подошел к нам и с обидой в голосе сказал, мол, надо же, как быстро его вычислили.

— Сдаюсь! — Завершил он свой краткий монолог.

Потом он показал, где лежит телефон, будто мы без него этого не знали, и где привязан скелет, словно меня несколько часов назад там не прошиб пот.

Справедливости ради отмечу, что отдел охраны хоть и вышел сухим из воды, не понес ущерба, но премиальных за квартал всё-таки лишился.

Меня же за находчивость и умелое раскрытие преступления наградили денежной премией в размере сорока рублей.

Вор объяснил, что он украл скелет, чтобы попугать молодежь, которая будет вечером идти на танцы через переход. Согласитесь, у него было потрясающее чувство юмора. А установкой телефона он планировал рассчитаться с хозяйкой за проживание.

Надо сказать, что дальнейшая судьба этого парня оказалась совсем не завидной. После очередной отсидки, он вернулся в село. Казалось бы, устраивайся на работу, заводь семью, живи честно... Но через некоторое время после освобождения, он был застрелен сторожем вневедомственной охраны во время совершения очередной кражи.

Напутствие орлана

Село с красивым названием Новокиевский Увал, где я родился и вырос, окончил школу, начал свою трудовую деятельность, а в дальнейшем и службу в прокуратуре — это районный центр с населением около пяти тысяч человек. Своей крайней улицей Киевской оно упиралось в молодую березовую рощицу рядом с глубоким оврагом, тянувшимся от реки Топтушки до реки со странным названием Кишка. Старожилы поясняли, что название это прижилось из-за того, что она петляла как... В общем, из названия понятно, как эта речка петляла. При этом те же старожилы затруднялись объяснить название Топтушки.

Река, да какая там река, — речушка — впадала в Новокиевскую протоку, а последняя, соединяя строгую и коварную Селемджу, впадала в Зею. И вот эта речка в дождливую погоду становилась полноводной, и в ней, в так называемых увальских ямах, купалась местная ребятня. Ну, а овраг практически наполнялся до краев прозрачной, как хрусталь водой, которая стремительно неслась в сторону Кишки.

Овраг отделял село от местного аэропорта, за которым начинались лесные околки, а уж за ними простиралась тайга.

Километрах в трёх от села, перед Становиком, прятались два небольших труднодоступных озера, куда прилетали утки да гуси и где по сезону за ними охотились местные мужики.

В селе располагался госпромхоз, считавшийся одним из лучших в области, в чем не было ничего удивительного: мазановские леса способны были прокормить население любой небольшой европейской страны: зверя, птицы, дикоросов здесь было великое множество, а контроль за добычей со стороны государства осуществлялся строжайший. Да и, выскажу своё мнение, не было так доступно,

как сейчас, всевозможное оружие, — хорошими винтовками даже не все профессионалы-охотники обладали!

Кстати, большинство этих штатных охотников являлись передовиками в своём деле, многие носили почетное звание «Ударник коммунистического труда» и были награждены орденами и медалями за добычу соболя, лосей и косули, отстрел докучавших населению волков.

Понятно, что существовало у нас и районное общество охотников и рыболовов, в котором я и получил свой первый охотничий билет, вступив в него в 1975 году. Как говорится, жить в тайге да не быть охотником...

Ну, а до этого я впервые вышел на охоту, когда было мне всего лишь девять лет, и я учился в третьем классе. Этот потешный эпизод в моей жизни, пожалуй, запомнился навсегда.

Однажды, ближе к осени, незадолго до начала школьных занятий, когда как обычно я управлялся по домашнему хозяйству и мне надо было покормить кур, в кладовой, где нужно было набрать хранившееся там зерно, увидел оставленное старшим братом новенькое ружьё 20 калибра. Это сейчас сейфы да решетки, да постоянные полицейские проверки, а тогда и замков-то не вешали, бывало, палкой подпирали дверь, чтоб собаки не зашли, да и всё.

Решение созрело мгновенно: пока никого нет дома, попробую-ка я сходить на охоту!

Сборы были недолги, в солдатский вещмешок положил кой-какой еды, гусиные и утиные манки, болотники, несколько патронов и разобранный ружьё; затянул рюкзачок крепко на петлю и через забор в конце огорода, за которым начиналась молодая березовая рощица, выдвинулся на исходную позицию к упомянутым выше озерам.

Обул болотники, и уже по воде добрался до небольшой возвышенности рядом с камышами. Разобрал-то я ружьё дома быстро, а вот собрать его оказалось гораздо сложнее. В конце концов, хоть и с трудом, мне это удалось, я зарядил оружие на гуся патроном с буквой «К» на пыже, что означа-

ло «картечь».

Затаившись в камышах, стал ждать прилета гусей или уток. Но, увы, никто не прилетал. Так, в засаде, я просидел довольно много времени (часов-то у меня не было), и вдруг услышал шум с посвистом — это два крякаша как истребители пронеслись надо мной. От обиды, что прозевал их на подлете, я, не целясь, пальнул из ружья им вдогонку.

Не прижатый плотно к плечу приклад при отдаче так саданул в плечо, что от боли мне было уже не до уток. Но все же я успел заметить, что одна птица, как машина на дороге, резко затормозила в воздухе и камнем рухнула вниз. Метрах в десяти от меня по воде раздался шлепок, словно в озеро кто-то кинул большой камень.

— Вот это да, — подумал я, — неужели сбил крякаша?!

К этому времени к озеру подошли порыбачить соседские ребята постарше меня. Они-то и помогли найти и достать первый в моей жизни трофей. Им оказалась кряковая утка селезень.

Я был несказанно рад, а пацаны говорили мне с завистью:

— Ну, Серега ты и даёшь! — И всё норовили подержаться за ружьё.

Впрочем, похвалив, тут же и испортили мне настроение, сказав, что меня обыскались отец и брат, и что, скорее всего, дома меня ожидает хорошая взбучка.

После таких слов моя охотничья удача стала мне не в радость, и я, собрав амуницию и трофей, двинулся к своему дому, в предчувствии строгого родительского спроса.

Но мои опасения оказалось напрасными: как только я перебросил через забор огорода вначале болотники и следом рюкзак, а сам стал осторожно с ружьем перелезать через забор, меня подхватили крепкие руки отца и поставили на землю. Рядом с отцом стоял старший брат, и оба они — улыбались!

Оказалось, что они заметили, как я по-шпионски, ста-

раясь не шепуршать кустами, приблизился к забору. Со стороны это выглядело смешно.

Поняв, что гроза миновала, я начал восторженно рассказывать о том, как караулил птицу, но был остановлен строгим голосом отца. Как бы ни было ему смешно, он всё-таки счёл своим долгом пожурить меня.

А пока папаня выговаривал мне за мой выход без спроса с ружьем на охоту, брат развязал вещмешок и с удивлением на лице достал из него селезня.

— Ну, братишка, и везучий же ты!

Только и вымолвил он в восхищении, а отец, увидев трофей, уже без смеха и иронии добавил:

— Ну, что ж, уже мужик настоящий вырос, настоящий охотник! Добытчик! — И потрепал меня по вихрам.

Наверное, именно в тот момент я и начал осознавать своё взросление.

...И уж коль скоро я упомянул про охоту, назову еще один эпизод, который никак не вычеркнуть из памяти. Вот уж сколько лет прошло, а всё стоит перед глазами та картина...

Дело было по зиме. Приобрели с друзьями лицензию на отстрел козы и двинули в тайгу. «Шарились-шарились» по лесу, десятки километров намотали, а зверя — нет. Хотя ты тресни! А уже и смеркается.

Решили загонки сделать, встали по номерам, пошли — и тут выскочил козел, далеко, правда, — пальнули по нему. Достать-то достали, да как-то не очень, и он стал уходить. Мы за ним, а он пробежит немного, и стоит, отдыхает, но на выстрел нас не подпускает. Уже и тайга близко, он до чащи тянет, и всё по кустам-по кочкарнику, попробуй, угонись за ним!

Думаем, уйдет в лес — уже не возьмём, решили оставить его, пусть заляжет, а наутро — видно будет, что с ним делать. И отправились в зимовьё. Считай, потемну добрались.

Растопили печурку, отогрелись, чаю напились

на травах таежных — чай-то таёжный с ароматом дымка — это ж не то, что дома из электрочайника... Переночевали, а утром опять в путь-дорогу, не хотелось домой без трофея возвращаться. Хочу сказать, что в прежние времена охота всё же больше для души была. Это сейчас, что ни выстрел — то браконьерский, что ни машина — то танк, что ни ствол — то гаубица, мировую войну можно выиграть.

И вот то место, где накануне козла подранили и упустили, и решил я всё же пойти по следу, посмотреть, что же дальше-то было.

А буреломы — те еще, просто так не продерёшься, и снег глубокий, кочку только на ощупь обнаруживаешь, того и гляди, ноги переломаешь. И вот вижу — на деревьях вороны сидят. Но ведут себя как-то настороженно. Обычно-то галдят, о чем-то своём беседы ведут, мнениями обмениваются, а тут молчаливо смотрят вниз, а на что смотрят — не ясно. И ни одна не каркнет.

«Не нашего ли козлика скрадывают?» — Думаю. Хотя, с другой стороны — почему на деревьях сидят? Зная их сущность, понимаю, что давно бы должны были добычу терзать.

Веду я мысленно разговор с самим собой, строю догадки, продрался через очередной колючий кустарник — аккумулятор тот, что под воронами, сам на них гляжу, они — на меня, и вижу, интересно им, якобы, что же дальше-то будет. И, чтобы не запнуться о валежину, опустил я глаза, глядь, — и аж сердце зашлось!

Смотрит на меня здоровущее чудище, птица огромная. Орёл-не орёл — разбери от неожиданности! Да я до этого случая и не слышал, чтобы в наших мазановских лесах такие водились! Сидит он на моём козле, полностью его своим телом закрыв, заявляя на него свои права, а размах крыльев у него — по первым прикидкам — ну что у небольшого беспилотного самолета! И клюв... Таким клювом рельсы можно пробивать, не то, что мою несчастную голову, на что этот монстр явно нацелился.

Я застыл, как вкопанный, и он сидит, как статуя. И смотрим друг на друга. И взгляд у него такой, что у меня мурашки по спине. С одной стороны, стервятник этот на мою добычу посягнул, отобрать хочет, что несправедливо; и как поборник законности, я не мог с захватом чужого имущества смириться. С другой стороны — он же не знал, что это наша бригада накануне подстрелила косулю, — а нашёл-то её утром он!

По-хорошему, если уж честь по чести всё делать, мы должны были добычу разделить, что я мысленно ему и предложил. Но он, вероятно, меня не понял и решил не связываться со мной. Встрепенулся шумно, оттолкнулся тяжело в мою сторону, тут же крыльями подспланировал, и резко ушел вверх. Дал круга надо мной — и улетел в сторону тайги.

Я потом несколько минут в себя приходил. Что меня, собственно, из колеи выбило: тот самый взгляд этого летающего хищника. Я потом в справочнике специально посмотрел, что за птицу встретил — краснокнижного орлана белохвостого, который по какой-то случайности в наши края забрался. Это был взгляд вполне разумного существа, понимающего, что встретился с превосходящим по мощи соперником. Всё в том взгляде можно было прочесть — и ненависть, и бессилие перед более сильным, и немой вопрос: зачем с ружьём вмешиваешься в законы тайги, в законы природы?!

Возможно, благодаря и тому пронзительному взгляду, я никогда на охоте не использовал оружие как забаву, как возможность настрелять как можно больше дичи ради спортивного интереса.

Законы — в том числе и законы природы — созданы для того, чтобы их соблюдать...

Раздел 2. Рассказы прокурора

Первый учитель

Сейчас, когда пишу эти строки, окидывая взглядом своё прошлое, вспоминая, иногда не то, что по дням, а даже и по часам и минутам, всё то, что пережил, тех, с кем меня сталкивала жизнь, не могу не вспомнить добрым словом своего первого прокурора-наставника, ветерана прокуратуры Вилья Сергеевича Адриадзе.

Многие мои коллеги — и те, кто старше меня, и те, кто моложе, — в общем, большинство тех, кому посчастливилось работать вместе с Вилем Сергеевичем, благодарны, что он щедро делился профессиональным и жизненным опытом, своими глубокими знаниями; был примером самоотверженного отношения к делу и принципиальности, многому научил молодых сотрудников прокуратуры.

Виль Сергеевич Адриадзе родился и вырос в п. Архара Амурской области, учился и одновременно работал кочегаром, помощником машиниста паровоза на железной дороге. Затем изучал правоведение в ДВГУ, после окончания которого был приглашен в 70-е годы на должность следователя прокуратуры Архаринского района. Наши с ним жизненные пути пересеклись, когда он был назначен прокурором Мазановского района.

Произошло это так. Я работал заведующим орготделом райкома комсомола. Работа мне нравилась: всё время в гуще молодежи, постоянно в первичных организациях, знал всё то, что происходит даже в самых отдаленных угол-

ках района. Знал чаяния и заботы не только молодых ребят, моих сверстников, но и проблемы взрослого населения.

Однажды ко мне в кабинет зашел Виль Сергеевич, он был членом бюро райкома КПСС, и поинтересовался, чем я занят, какие вопросы решаю, удастся ли справиться, не требуется ли помощи со стороны правоохранительных органов, райкома партии.

Видимо, ему понравились обстоятельные ответы, понимание обстановки, мои взгляды на перспективу. Переговорив на молодёжные темы, Виль Сергеевич рассказал о сложной, но интересной и полезной государству и народу, работе прокуратуры.

Рабочий день давным-давно закончился, как известно, в комсомоле и в прокуратуре, рабочие дни не нормированы, мы засиделись дотемна, у нас получился душевный, по-человечески тёплый разговор. Много рассказал в тот вечер Виль Сергеевич о сложностях работы в прокуратуре, что часто приходится сталкиваться с опасностью, с угрозой для жизни, а еще объяснил, за что ценит и уважает свою профессию. Работа в прокуратуре помогает восстановить справедливость: вернуть доброе имя человеку, на которого возвели напраслину, помочь правильно решить трудовой спор, согласно закону, а не так, как трактует начальник-самодур, наказать человека, преступившего закон. В конце разговора, увидев, что я живо заинтересовался его рассказом, Виль Сергеевич предложил стать его общественным помощником.

— Подумай над моими словами, — сказал он, — парень ты, я вижу, толковый, добросовестный, а опыт комсомольской работы позволит быстро освоить тонкости работы в прокуратуре.

До этого, на семинаре в зональной школе комсомольского актива, старший помощник прокурора области по делам несовершеннолетних Ася Андреевна Шайхутдинова читала лекцию о прокурорском надзоре и предлагала комсомольским работникам, имеющим юридическое

образование, поступать на работу в органы прокуратуры. Я уже тогда задумался о том, что мне было бы интересно трудиться именно в системе правоохранения. И это при том, что я с успехом мог продвигаться по комсомольской линии. К тому времени я уже понимал, что мне хочется более мужской, что ли, работы, более серьезной, хотя не умаляю серьезности и сложности работы в комсомоле.

Коротко говоря, предложение Вилия Сереевича легло на удобренную почву, не раздумывая, я согласился.

В 1974 году В. С. Адриадзе добился дополнительной штатной единицы в руководимом им ведомстве — как раз строительство БАМа объявили главной стройкой страны, в наши края потянулись люди со всех уголков Родины, в связи с чем потребовалось и расширение штатов в правоохранительных органах. По его рекомендации и путёвке райкома комсомола я был принят в прокуратуру Мазановского района на должность следователя.

С самого первого дня моей работы Виль Сергеевич курировал мои действия, присутствовал на допросах, на других следственных действиях; по вечерам проводил «разбор полётов», ненавязчиво подсказывал, поправлял — и так было до окончания расследования первого в моей практике уголовного дела.

Изучив и проанализировав подготовленные мной документы, он немного подправил моё первое в жизни обвинительное заключение, утвердил его, и, прихлопнув по бумагам ладонью, будто подводя черту проделанной работе, сказал, что теперь он за меня спокоен, что из меня будет толк.

Эти слова я по сию пору считаю самым главным поощрением в жизни: ведь тем самым Виль Сергеевич благословил меня на главную профессию моей жизни, определил мою судьбу.

Виль Сергеевич интересовался не только служебными вопросами, он вникал в семейный быт, помог решить жилищный вопрос. Наряду со строгостью, он был чутким

и внимательным, всегда готовым помочь своим сотрудникам.

Иногда в редкие минуты отдыха Виль Сергеевич выходил из своего кабинета и нам, небольшому коллективу прокуратуры: следователю, помощнику прокурора и заведующей канцелярией, рассказывал интересные случаи, порой курьезные и смешные, из своей богатой следственной практики. Один из таких рассказов мне помнится до сих пор.

— Однажды, — начал Виль Сергеевич, — когда я работал следователем Архаринской прокуратуры, из райотдела милиции сообщили, что в Черниговке во время празднования своего дня рождения от алкогольного отравления умер восемнадцатилетний парень. Пока пришла оперативная машина, пока прибыл эксперт, прошло достаточно много времени, да и до села катить, может, и не так далеко, но по снегу, да еще в метелицу, да по нашим дорогам, да морозище такой, что стёкла в машине инеем затягивает — в общем, еще около часа добирались. Нашли тот дом, где всё произошло, вошли, чтобы осмотреть труп молодого человека, нужно же было подготовить необходимые в таких случаях документы, а его там уже и нет! Убитые горем родители и гости так печально закончившегося торжества объяснили, что очень долго ждали следователя, и поэтому участковый распорядился самостоятельно отвезти труп в морг районной больницы — это примерно в двадцати километрах от села. Друг неожиданно скончавшегося парня нашёл совхозного шофера и попросил помочь в доставке покойника. Они загрузили тело в кузов ЗИС-5, — тут Виль Сергеевич сделал отступление, напомнив, что в народе этот автомобиль называли «Захариваным» или просто «Захаром», кабина его была сделана практически из фанеры и продувалась со всех сторон, он давно уже был снят с производства, и каким чудом сохранился

в совхозе тот самый экземпляр — одному богу известно, — мужики бросили в кузов немного соломы, чтобы несчастного покойника не растрясло, и вдвоем повезли тело в морг больницы.

— Все это, представьте себе, — снова напомнил Виль Сергеевич, — происходило в морозный декабрьский день.

Быстро взяв объяснения с присутствовавших о том, что случилось, Виль Сергеевич тотчас выехал в районную больницу. Когда подъехали к ней, увидели стоявшего рядом с приемным покоем «Захара». Борта кузова были открыты, видна солома, но трупа не было, наверное, уже занесли в помещение. Необходимо было узнать, поместили ль труп в морг и назначить судебно-медицинскую экспертизу. Виль Сергеевич вошел в приемный покой больницы и увидел следующую картину: на кушетке лежал молодой человек и его тело врачи растирали спиртом. Другому мужчине врачи оказывали экстренную медицинскую помощь. Рядом с ними стоял молодой парень, которого трясло так, будто к нему присоединили электроток, и видно было, что трясло его не от холода, а от ужаса — это было написано на его физиономии! А медицинские работники при этом едва сдерживали смех.

Картина выяснилась следующая: когда водитель и сопровождавший его друг стали заносить труп в морг, усопший вдруг ногами упёрся в дверной проем, стал мотать головой и в прямом смысле мычать... Носильщики в ужасе бросили ожившего наземь и что есть духу рванули в больницу, а следом за ними — то на четвереньках, то поднимаясь на ноги и опять падая — последовал ни с того, ни с сего оживший покойник. Водителя хватил инфаркт — это его откачивали врачи, друг на какое-то время потерял дар речи — поневоле затрясешься! А именинник, в день своего рождения родившийся второй раз, лишь слегка обморозился — его-то и растирали спиртом. Вовремя болтанки на дороге его хорошо подрастрясло, ну, и заодно проветрило. Все-таки декабрь в наших местах — месяц не самый

тёплый, даже покойника пробрало насквозь... Ну, и вернуло к жизни!

Заканчивая свои короткие рассказы, Виль Сергеевич обычно говорил:

— Ну, что-то мы отвлеклись. Пора и за работу.

И мы опять приступали к выполнению своих обязанностей, и прямо скажу, такие неформальные пятиминутки, создавая душевную атмосферу, помогали успешно решать текущие дела.

В 1976 году Виль Сергеевич Адриадзе был назначен прокурором Пограничного района города Благовещенска, потом — заместителем Амурского природоохранного прокурора, а незадолго до пенсии — заместителем начальника отдела УСН прокуратуры Амурской области.

Он был заядлым охотником, классным стрелком, хорошо владел различными видами стрелкового оружия и являлся ходячей энциклопедией по этим вопросам. Но не только охота была любимым увлечением, он был очарован поэзией Сергея Есенина и большинство стихов поэта знал наизусть. К тому же он считался хорошим шахматистом, имел спортивный разряд. В те годы в облпрокуратуре часто устраивали шахматные баталии, и Виль Сергеевич во многих партиях выходил победителем.

Находясь на пенсии и перенеся операцию на сердце, Виль Сергеевич не сдался, принимал активное участие в создании нашей Региональной общественной организации ветеранов прокуратуры Амурской области, стал одним из первых ее учредителей, был избран членом Совета ветеранов. Работая в Совете, занимал активную жизненную позицию, к его мнению прислушивались, его мнение уважали. За многолетнюю службу В. С. Адриадзе награжден правительственными и ведомственными наградами. К сожалению, он рано ушел из жизни.

Но многие его ученики и те, кто на заслуженном отдыхе, и кто еще несет службу, помнят о нем.

Ночной мотоциклист

Трудное было детство у Андрея Макаренкова — первого несовершеннолетнего подследственного по делу, которое было определяющим в моей следственной практике, пришлось расследовать ещё в должности стажера следователя. Отца он не знал, а мать умерла от тяжелой болезни, родителей заменила ему родная бабушка. Бабушка прилагала максимум стараний, чтобы Андрюшка рос и развивался наравне со всеми своими сверстниками. И надо сказать, он неплохо учился, был приветливым, послушным мальчишкой.

У Андрея был абсолютный музыкальный слух, но музыкой он не смог заниматься из-за отдаленности музыкальной школы, да и ограниченной финансовой возможности бабушки.

Вот этот Божий дар стал одной из основных причин, в результате которых он встал на воровскую дорожку. Дело в том, что, помимо слуха, у него как у левши, были золотые руки как правая, так и левая. Он мог своими руками камнем или молотком, любых размеров гвоздика, играючи открыть любой замок.

К этому времени в село Каменку, где жил Андрей, приехал на заработки недавно освободившийся из колонии вор-рецидивист Иван Гришко. Он-то и заметил Андрея с его способностями и не преминул этим воспользоваться.

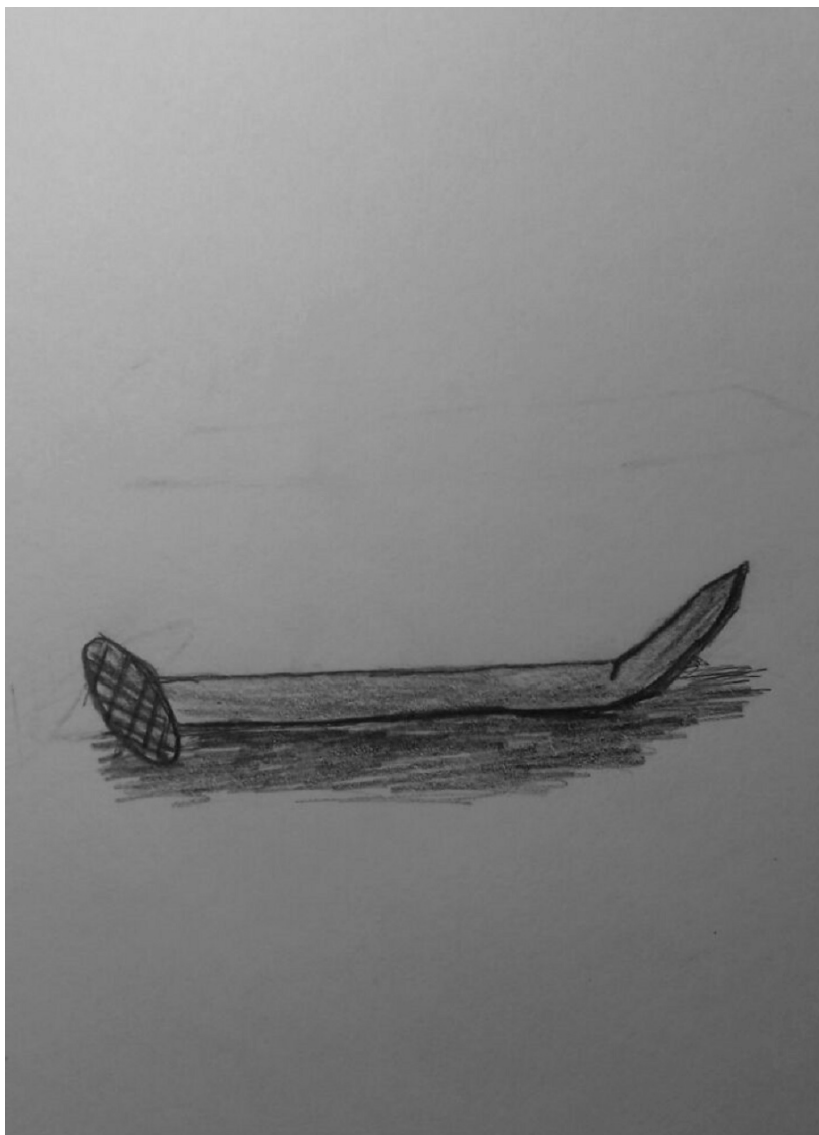
Вдруг в магазинах окрестных сел продавцы стали замечать: «контролька» на замках оставалась не поврежденной, как и сами замки, окна и двери, печная разделка были целы, а оставленная в кассе или в сейфе выручка наполовину или полностью отсутствовала. Работники торговли терялись в догадках. И только в каменском магазине такого не происходило.

Но и в это село пришла беда. Однажды утром сельчане увидели полу сгоревший единственный в селе кормилец-

магазин и рядом пожарную машину и огнеборцев колхозных, и из районной пожарной части, разбирающих завалы и заливающих дымящиеся головешки.

Поскольку пожарные сообщили в дежурную часть, что это поджог, а это была прокурорская подследственность, по поручению моего первого прокурора наставника Адриадзе Виля Сергеевича, вместе с оперативной группой прибыл на место происшествия. С привлечением специалистов был произведен осмотр места происшествия. В ходе осмотра обнаружены отпечатки пальцев на сейфе и на косяке входной двери подсобного помещения, которое пострадало меньше всего, и в нем практически не поврежденными оставались товарно-материальные ценности. Пострадали торговый зал и парадная часть магазина. При осмотре продавцы магазина сообщили, что в сейфе отсутствует дневная выручка магазина, и около трех ящиков водки «Русская тройка» и «Старка».

После осмотра к магазину потянулись зеваки и возмущенные домохозяйки, каждый высказывал свои негодования по поводу поджога и предположения о причинах пожара, о возможной причастности к этому определенных лиц. Сыщики занялись своими делами, а я, допросив продавцов и владельцев домов, что примыкали к магазину, пожарников, остался в конторе отделения в ожидании приезда прокурора, представителей райпо, колхоза и исполкома, старался найти возможных свидетелей. Около меня крутился назойливый мужичок и все пытался узнать, как мы будем изобличать преступников. Не дождавшись ответа, он как-то с иронией произнес, что начал бы искать преступников там, где не топят печи в домах. А почему? Да потому, что напились на халяву, им тепло, вот и дрыхнут, им не до печи. Были первые числа марта, прохладно, дул пронизывающий ветер и верно, а почему бы и нет, а может мужичок дело говорит или уже имел такой опыт. «Надо взять на вооружение», — подумал я. И, когда народ стал потихоньку расходиться, на машине вместе с водителем

проехал по улицам села, чтобы посмотреть, где не топят печи в домах. Водитель подшучивал и говорил, что этот мужичок, скорее всего судимый, проверял вас на профессионализм и подкалывал насчет домов, где не топят печи. Я не реагировал на это и весь уже погрузился в предстоящие действия по отысканию и изобличению преступников. И надо же, при переезде на другую улицу, на отшибе, как картина Репина, стоял ветхий домик, а рядом возвышался новый сруб и чуть подальше располагался новый туалет. Дом не отапливался. «Вот, может будет удача», — подумал я. И решительно вместе с водителем направился к этому небольшому дому, двери дома были до конца не прикрыты, и мы вошли внутрь. На двух кроватях с железными сетками лежали мертвецки пьяные два мужика и давали мощного храпака. Посреди комнаты стоял стол, на котором увидели не допитую бутылка водки «Старки» и остатки закуски, под столом валялись несколько пустых бутылок из-под водки «Русская тройка». Печь была остывшей со слегка приоткрытой дверцей. Когда я заглянул внутрь печи, то увидел, что она до отказа заполнена непечатыми бутылками «Старки». Ну, вот и всё приехали, прав оказался мужичек, надо прислушиваться ко всему и всем, когда расследуешь дело, как говорят в народе: в мешке шила не утаишь, кого-нибудь да кольнет. Послал водителя за сыщиками, да за понятыми. Пока он их вез, проверил новостройку и не зря, новый туалет был заставлен мешками с водкой «Русская тройка». Одним из понятых оказался тот самый мужичек. По окончании осмотра он стал просить продавцов премировать его за содействие «Старкой», и они, конечно, на радостях с разрешения председателя райпо, удовлетворили его просьбу.

В одном из спящих мужиков управляющий Каменским отделением нерентабельного колхоза со странным названием «Зейский Гигант» Потапчук признал Ивана Гришко. Его с трудом привели в чувство и доставили в дежурную часть, а соседа — в больницу, спасать от тяжелого отрав-

ления алкоголем. Началась кропотливая работа по делу. Гришко все отрицал, заявляя, что он не при делах, так как кражу совершил несовершеннолетний Андрюшка Макаренков, а потом чтобы скрыть следы, еще и поджег магазин, похищенную водку притащил в дом, где Гришко квартировал. Макаренков, наоборот, показал, как может открывать любые замки, говорил, кражи его научил совершать дядя Ваня Гришко, и эту кражу, как и ряд других, он совершил вместе с Гришко, да и магазин поджигали вместе, потом разделили похищенное. По делу были назначены криминалистическая и пожарно-техническая экспертизы, ревизия в магазине. Предстояло выполнить большой объем следственных действий, а двухмесячный срок расследования истекал, и надо было мне впервые ехать к прокурору области с ходатайством о продлении срока следствия и содержания по стражей.

К следственному действию тщательно подготовился: изучил ведомственные приказы Генпрокурора и области по этому вопросу, оформил по всем правилам дело, согласно описи, пронумеровал каждый лист, перепроверил наличие дат, подписей на протоколах допросов и т. д.

Дело для изучения и поддержания ходатайства передал прокурору. Виль Сергеевич, изучив материалы дела, поддержал продление, и я прибыл к прокурору области Государственному советнику юстиции 3 класса Бурику Илье Федоровичу для доклада с вышеупомянутым ходатайством. Илья Федорович, тщательно изучая дело, прочел его от корки до корки, и вдруг с суровой ноткой в голосе спросил:

— А когда же ты успел стать старшим следователем?

— Никак нет! — Отвечаю, — я еще только стажер!

— А почему же тогда пишешь в протоколах что ст. следователь?

— Так я же ставлю точку после «ст.», то есть, это не более, чем сокращение. Опять же, перед людьми неловко, что я стажер.

Илья Федорович рассмеялся и вызвал к себе старшего помощника прокурора области по кадрам Константина Васильевича Полякова.

— Что же вы молодыми кадрами не занимаетесь, — обратился он к Константину Васильевичу, — вот изучил дело, нет вопросов, будто следователь со стажем расследовал не простое дело. В общем несите мне на подпись приказ о назначении следователем и представление Генеральному прокурору на присвоение первого классного чина — младший юрист.

Получив подписанное постановление о продлении срока следствия и содержания под стражей, приказы об окончании досрочно стажировки, и назначении на должность следователя прокуратуры Мазановского района с должностным окладом 183 рубля, а вместе с ними рукопожатие и поздравление прокурора области, окрыленный таким поворотом дела, вылетел на Ан-2 к месту службы, где дожидался меня и своей участи Андрей Макаренков.

В тот день, когда знакомил Макаренкова и его адвоката, законного представителя с постановлением об окончании расследования и материалами уголовного дела, в кабинет вошел прокурор района Адриадзе.

Виль Сергеевич спросил у подследственного и его представителя:

— Есть ли какие претензии к следователю?

— Претензий нет.

— Ну, и хорошо.

И, обратившись к Макаренкову, поинтересовался, может ли тот открыть его сейф, так как он забыл ключи. Андрей сразу же ответил, что может, только нужен гвоздик. И смех, и грех — гвоздя в прокуратуре не нашлось. И здесь Макаренков нашелся. С нашего разрешения вышел во двор прокуратуры и с доски забора выкрутил согнутый гвоздь на 90, расплескал гвоздь взятыми с дороги булыжниками, и этим гвоздем в присутствии всех, находившихся в прокуратуре, приклонившись головой к сейфу, тотчас

открыл его.

— А другие сейфы? — Спросили его.

И другие сейфы, и замки, что были в прокуратуре, даже громадный амбарный замок на входной двери, с удовольствием в один присест отрыл четырнадцатилетний умелец-воришка.

— Да, — многозначительно посмотрев на Макаренкова, сказал прокурор, как печать поставил, — далеко пойдешь, Андрюша.

Дело было закончено в срок и отправлено в суд. Гришко получил пять лет лишения свободы, а Макаренков три года условно с отсрочкой исполнения приговора на год, и действительно он пошел далеко.

Макаренков все судебные ограничения в течение года не нарушал, и ни в чем предосудительном замечен не был. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, приобрел на припрятанные и ранее похищенные деньги новый мотоцикл «Минск-5» и раскатывал на нем по селу. Бабушка радовалась, что внук, наконец-то, взялся за ум. К этому времени меня перевели в областную прокуратуру, но связи с Мазановской прокуратурой я не прерывал и всегда интересовался событиями на своей малой родине и по оперативным сводкам и в личных беседах с коллегами, заходил в прокуратуру, когда приезжал к своим родителям. Стал замечать, изучая сводки, что в магазинах трех районов Мазановском, Серышевском и Белогорском с завидной последовательностью стали совершаться кражи товароматериальных ценностей и выручек из сейфов. «А не Макаренкова ли рук дело», — подумал я. Уж больно похож был способ совершения этих краж на его почерк. И не ошибся.

В один из дней я приехал к родителям, зашел по привычке в прокуратуру, где встретил начальника райотдела милиции, в то время уже подполковника Савостьянова Василия Дмитриевича. Он неподдельно был рад встрече и видно было, что хочет поделиться со мной какой-то информацией.

— Максимыч, ты знаешь Макаренкова? Наконец-то областники (сотрудники ГАИ и УГРО) его задержали, да

и то, почти случайно из-за мелочи, пожадничал «фраерок». Все магазины в округе, да не только у нас, но и у соседей «бомбанул», и нас всех на уши поставил. Ночью — ближе к утру, подъедет к селу, мотоцикл поставит, а сам к магазину шасть по старой схеме: замки закрыты, «контрольки» целы, а «бабок» нет. Долго за нос нас водил, думали, что несколько групп действуют, ан нет. Андрей сам успевал очистить за ночь по два-три магазина, разно удаленных друг от друга. И вот, когда он на мотоцикле при свете фар возвращался с очередной кражи, где он не нашел в сейфе кассы купюр, а забрал два мешочка с мелочью, приготовленных для сдачи в сберкассу, то едва не врезался в стоявшую без габаритов машину ГАИ.

Во время проверки Макаренков предъявил права и техпаспорт на мотоцикл, при этом на вопрос, куда и откуда он едет, и что в мешочках, Макаренков очень спокойно ответил, что возвращается с рыбалки, показал на привязанную к мотоциклу удочку, а в мешочках — пойманная рыба. Макаренков был столь убедителен, что сотрудники практически поверили и, отпустив его, пожелали без проблем добраться до дома, но в это время предательски развязался мешочек, со звоном мелочь высыпалась под ноги милиционеров. Во время обыска при задержании в кармане нашли расклепанный на 90 гвоздик.

В это время начальник прервал свой рассказ — на крыльцо прокуратуры в наручниках вывели оперативники арестованного прокурором Макаренкова. Увидев меня, он поздоровался, лицо его покраснело или от стыда, или от обиды, и ему, уходящему, вослед Василий Дмитриевич сказал:

— Эх, Андрюха, не туда ты свои ручонки приложил, все могло быть в твоей жизни по-иному.

Как далее сложилась Андреева судьба неизвестно, но искренне было жалко этого смышленного, лишенного материнского тепла и крепкой отцовской руки, паренька.

Вхождение в профессию

Не хотел бы выглядеть назидательным, но всё же должен сказать, что опыт, он сам по себе с годами, не приходит, его нужно самому зарабатывать, постоянно учиться, все время стараться вникать абсолютно во все детали, запоминать, усваивать, копить в себе знания, выполнять свою работу так, чтобы по окончании расследования комар, как говорится, не подточил носу.

В этом смысле хочу рассказать об одном из ранних моих дел. Меня уже к тому времени знали, как следователя цепкого, упорного, спокойны были за порученное, верили, что справлюсь. То есть, вполне уверенно я входил в профессию. Однажды меня включили в бригаду по расследованию в Архаринском районе одного довольно громкого дела. Возглавлял следственную бригаду прокурор-криминалист Виктор Никифорович Гололобов. А я был у него «подмастерьем».

Состав бригады достаточно часто менялся, постоянно кого-то отзывали, кого-то присылали на замену, и только мне пришлось провести в районе более 4-месяцев, весь район объездил вдоль и поперек, столько пришлось опрашивать, допрашивать, доискиваться. А суть дела такова.

Выстроили там огромный животноводческий комплекс. Средства на него были отпущены такие, что его строительство стояло на контроле на самых верхах! Шуму при его сдаче было много, что понятно: очередная стройка социализма завершена!

А тут началась осень, дожди пошли, и комплекс в прямом смысле поплыл. Его стало заливать. Подземные воды поднялись, со стороны ручейки потекли, начался самый натуральный кошмар: в помещение невозможно зайти, все плавает, навоз чуть ли не по грудь. Бедные доярочки из сил выбиваются, работая в таких невозможных условиях, вместо резиновых сапожек носят тяжеленные

охотничьи сапожищи, они на них по самое-самое, как говорится... И животных, конечно, жалко. Коротко говоря, сплошное издевательство над людьми и животными.

По большому счету — катастрофа. Столько победных реляций прозвучало, столько премий, грамот и прочих наград строителям выдали, и в Москву отпартовали. Подумали сначала, что стечение обстоятельств, случайность, понагнали техники, начали откачивать жижу, дренаж устроили, да что толку, проходит некоторое время, и опять откуда ни возьмись вода заходит. Начали прикидывать: ведь до начала строительства производились изыскания, экспертизы, анализировалось всё и вся, писались технико-экономические обоснования. Да оно и понятно, что не «с кондачка» огромную стройку начинали, и вдруг, такой конфуз! В чём же дело? А тут еще и строение начало рухлять, не сегодня-завтра вообще рухнет.

Доложили первому секретарю обкома партии. Степан Степанович вызвал прокурора области Илью Федоровича Бурика, велел разобраться и, вне зависимости от чинов и рангов, привлечь виновных к ответственности, что вполне справедливо: понесены громадные затраты, государству нанесен огромный ущерб, значит, виновные должны понести наказание.

Вот я и занимался там выполнением следственных действий, выяснял, что да как, по большому счету, на меня, как на самого молодого и взвалили основную работу, но я не роптал: понимал, что приобретаю тем самым неоценимый опыт.

И скажу так: грош цена была бы мне, если б был кабинетным работником, сидел бы в тёплом помещении за столом и вызывал бы по телефону или повестками частных к расследуемому делу. Своими ногами обходил всю округу, сверялся с первоначальными, проектными документами, сам для себя рисовал план местности, и так. и этак примерялся, перерыл очень много справочной литературы, рылся в архиве, консультировался со специали-

стами из самых разных смежных строительству областей: и с мелиораторами, и с агрономами, и с землеустроителями. То есть занимался этим делом со всей серьезностью.

И вот однажды, в очередной раз меряя ногами окрестности того печально известного комплекса, увидел дремучего деда, сидевшего на завалинке у дома, что стоял чуть поодаль. Сидит себе, воздушком дышит, за мной, вижу краем глаза, наблюдает. Пошел с ним поговорить, сами знаете, как это бывает: ходишь весь в делах-заботах, мозги заточены на решение задачи, ни о чем больше и не думаешь, а тут вдруг увидел, как говорится, живую душу, ну, и захотелось по-человечески словом перекинуться. А еще, в глубине души понимал, что старый человек, со своим жизненным опытом, многое знает и понимает из того, что нам, молодым, неведомо. Думаю, дедок-то явно мнение своё имеет по поводу выросшего по соседству животноводческого комплекса.

Подошел, поздоровался, почтение выразил возрасту дедка — при этом сделал это не из обычной вежливости, а потому что действительно питаю уважение к старшим, многое выдавшим и пережившим. Присел рядом с ним, от махорочки отказался, да и завел разговор — сначала просто о житье-бытье, а потом и на проблему, которую изучал, свернул. Спрашиваю, как же такое могло случиться: строили-строили всем миром, всё просчитали, деньги угрожали, а результат — один убыток, одни слёзы.

А он мне, мол, да тут все старожилы, хотя их уже и не осталось почти, знают, что раньше на этом месте было озеро. Дескать, он еще мальцом тут рыбу ловил. А потом это озеро заилилось и потихоньку ушло. Уйти-то ушло, да не навсегда, просто спряталось поглубже, а пришла пора — вот оно и вышло наружу.

В общем, всё свелось к простому, а в данном случае преступному самодурству: оказалось, исполнявший обязанности начальника сельхозуправления дал команду строить не в том месте, где запланировали изыскатели и проекти-

ровщики, а в другом. Хотя и не очень далеко от того, что указано в документах, но всё равно в другом. Ну, не понравилось ему то место, которое было указано в изыскательских документах, некрасивое, якобы, было, не тот пейзаж, не тот ландшафт, не услаждает глаз, и волевым решением заставил строить там, где ему понравилось. И это сыграло свою роковую роль: оказалось комплекс возвели аккуратно на подземных водах.

Что интересно, этого руководителя уголовное дело никаким боком не коснулось. Он был переведен еще в процессе строительства, если не ошибаюсь, в Благовещенский район, секретарем райкома партии, а потом случилось так, что он умер от инфаркта.

Но ведь помимо него были и другие официальные лица, те, кто отвечал за эту стройку!

И мне пришлось опрашивать-допрашивать и директора совхоза, и главного инженера Гретченко, и руководителя стройуправления Шалькова, и управляющего банком, курировавшим строительство — массу тех людей, которые в конце концов ставили свои подписи на акте о приемке. И все они вели себя заносчиво, мол, как это — какой-то следователишко лезет в их дела, да где это видано?! Важничали, капризничали, всем своим видом показывали, что им не след встречаться и что-то доказывать какому-то там сотруднику прокуратуры. Спесь частенько у людей проявляется, стоит им только немного стать по должности выше других — не замечали?

Считали, молодой, в строительстве ничего не соображает, и лезет.

Считать-то они считали, да я перед каждым допросом столько литературы перерабатывал, со столькими специалистами консультировался — как на экзамен шел на каждый допрос.

Экспертом у нас был работник облисполкома Павел Павлович Подшивалов, специалист, каких поискать. Грамотный, эрудированный, принципиальный, про таких

говорят, что с ними можно в разведку: надежный. Так вот, я ему мог даже среди ночи позвонить, если вдруг вопрос возникал неотложный — и всегда получал квалифицированный, аргументированный ответ. Когда он приезжал к нам, то помогал выявить много нарушений строительных норм.

А сколько экспертиз было проведено! А сколько очевидцев опрошено! Учитывались, повторяюсь, малейшие детали: и какой надой молока был у коров, а он был крайне низким по причине просто ужасающего содержания скота, и сколько кормов пропало, и какую оценку давали происходящему зооветспециалисты. Можете скептически относиться к моим словам, но я в зоотехнике, и не только в ней, сейчас разбираюсь не хуже многоопытного выпускника сельхозинститута. Подходя к итогу моей совместной с Виктором Никифоровичем работы, скажу, что обвинительный материал был собран, что называется, до последней точки.

И вот приглашаю я начальника стройуправления Шалькова для предъявления обвинения. Заходит. Вальяжный, высокомерный, заносчивый, расселся по-хозяйски, мол, кто это тут посмел меня беспокоить.

Говорю ему, что проведена работа, выяснилось, что он виновен в нарушении норм строительства, в халатности ну, и проч.

— А не докажете! — Бросает он мне пренебрежительно, всем своим видом показывая, что его — руководителя крупного строительного подразделения, члена райкома КПСС, чуть ли не небожителя, бесполезно в чем-то даже просто упрекать, не то, что предъявлять серьёзные обвинения.

Не знал он, что у меня в ящике стола уже лежит подписанный прокурором области Ильей Федоровичем Буриком ордер на арест, а в соседнем кабинете уже ожидают конвойные.

— А всё уже доказано! — Отвечаю ему спокойно. — Про-

ведены все необходимые экспертизы, есть заключения специалистов, работа проведена сложная и сделана она качественно, в отличие от той, за какую отвечали Вы.

И начал предъявлять ему обширный список его прегрешений. И все с доказательствами, на несколько раз проверенными. Ему и крыть-то абсолютно нечем. И тут я увидел, как этот заносчивый и наглый тип, считающий, что правда существует только одна — та, что выгодна лишь ему, вдруг потёк. Потёк как слизняк. В одно мгновение, когда щелкнули наручники, из хозяина жизни превратился в жалкого, сгорбленного человечка. Право, я не испытывал абсолютно никакого удовлетворения от того, что доказал его вину, и вину других руководителей. Нет! Я никогда не радовался тому, что люди попадают в заключение. Но они сами выбрали свой путь, — тот путь, который и приводил их на скамью подсудимых.

На месте того огромного комплекса в Черниговке — пустошь. Его сначала забросили, потом местные потихоньку разобрали по кирпичику. Я как-то был в тех местах, побродил по пустырю, вспоминая начало своей следственной практики. Кто-то окликнул со стороны, оказалось, глава местного крестьянско-фермерского хозяйства. Поинтересовался, кто я, что меня сюда привело. Я рассказал. Он пожал плечами: не знал этой истории.

Когда он приехал сюда, никакого комплекса уже и не было.

А я подумал, что, наверное, это плохо, если человек не оставляет на земле своего следа: после кого-то остаются книги, картины, здания, животноводческие комплексы. И память людская благодарная. А после кого-то — поросшая сорным кустарником пустошь...

Глупость и халатность

Я только что написал, что люди сами выбирают свой путь, порой, совершенно по глупости, по бездумью попадая в места не столь отдаленные. Не перестаёшь иной раз поражаться тому, как несерьёзно, как преступно бездарно иные индивиды распоряжаются своей жизнью! И ведь зачастую, это люди неглупые, с образованием, с какими-то благими устремлениями. Но иной раз такое сотворят! И думаю: зачем тебе голова на плечах? И голова ли эта?

После моего участия в расследовании дела о животноводческом комплексе, меня всё чаще стали привлекать к поискам истины именно в тех происшествиях и преступлениях, которые происходили в хозяйственной сфере: руководство видело, что я постепенно «набиваю руку», набираюсь знания и опыта.

В общем, не буду долго рассуждать, а продолжу о двух больших наших бедах — глупости и халатности.

Однажды меня включили в бригаду по проверке массового падежа на свинокомплексе «Краснополянский» Серышевского района.

Прибыли на место, изучаем обстановку. Видим: помещения нормальные, корма достаточно, всего достаточно. Нарушен только технологический процесс. Скученность — страшно сказать! Эти бедные поросятки — их там, как блох! Они, естественно, друг друга со страшной силой давили. А мер по устранению никто не принял. Безалаберность! Ну, раздали бы населению излишки, договорились бы с деревенскими жителями, на откорм отдали бы, организовали бы потом приемку мяса. Или сразу пустили бы часть в общепит. Да мало ли путей решения проблемы было! Но... Но наш российский, позволю себе так сказать, «пофигизм». В связи с тем, что сумма ущерба была значительной, было возбуждено уголовное дело и проведено расследование, в ходе которого установлены причи-

ны и условия совершения преступления, а также виновные лица. Зоотехник там распустёха был. Ему до свинарника совхозного, как я понял, и дела особо не было: он в совхозной самодеятельности в ансамбле играл, по барабанам лупил. Вот это — его занятие было. Барабанщик! Пустозвон! А на поголовье ему было наплевать.

Вот и заработал три года колонии-поселения. Уж не моя задача рассуждать — много это или мало. Так суд решил. Но когда речь идет о многотысячных убытках... Наказывать, на мой взгляд, необходимо по всей строгости!

А то вот интересное дело было по сотой статье. Я в послеперестроечное время даже и не помню, чтобы такая применялась, зато при прежней власти. Если вы не знаете, то поясню, что сотая статья в УК РСФСР — это недобросовестное отношение к выполнению своих обязанностей, повлекшее ущерб.

Так вот. В совхозе «Молчановский» произошёл падеж скота. Происшествие само по себе из ряда вон: каждое животное на счету, учтено, на него рассчитываются и корма, и надои — это же наука, не просто так. А тут — на тебе! Надо отметить, что «Молчановский» — хозяйство не из последних, удачно расположено: город Свободный — вот он, близко. Но это уже другой район. Деревенские туда частенько гоняли: то колбаской дефицитной затариться, то одежонкой какой помоднее, — всё не деревенский уклад. А до своего, мазановского начальства, не так, чтобы и близко, 60 километров, да еще и дороги не самые подходящие. Так что, понятно было, что проверяющие каждый день не наезжают. И такое положение дел, понятно, несколько расхолаживало и руководство совхоза, и его работников.

Вот и получилось так, что однажды там падеж скота произошел. ЧП! И не одна коровка пала по случайности, а больше десятка! Это ж убыток какой! Начали разбираться, что да как. Выяснилось: скотник-пастух, которому солнце уж очень голову напекло, решил утолить жажду, поэто-

му раздобыл спиртного и хорошо приложился. А у нашего человека, наверное, знаете, рюмка в рот попала — пиши пропало! Да еще у него-то фамилия какая — Пойлов. В общем, несколькими глотками дело не закончилось, и коварное солнце свою роль сыграло: мужика сморило, и он спокойно уснул под кусточком.

А коровы, не чувствуя хозяйской руки, не слыша посвиста хлыста, так же спокойно разбрелись по полю и наелись удобрений, которые по халатности и бесхозяйственности были брошены под открытым небом работниками «Сельхозхимии».

Виноватых там, конечно, если по справедливости — не один пастух-скотник. Там и агроном, там и директор, там и начальник той самой «Сельхозхимии». Всем на орехи досталось! Предписания были выписаны, каждый ответил в меру своей ответственности. Но больше всех перепало, конечно, тому пастуху. В назидание другим: нельзя во время работы употреблять спиртные напитки.

Это дело тоже мне пришлось расследовать: всё ведь не в простой констатации факта заключается, как считает большинство обывателей.

Профессиональные сотрудники правоохранительных органов понимают, что ни один суд не примет к рассмотрению дело, если не провести специальных экспертиз, опросов всех свидетелей, понятно, самого подозреваемого.

Просто так резюмировать, мол, пастух-де виноват — можно только бабушкам на лавочке. А по-настоящему, по закону это еще доказать надо!

Но мы всё доказали. И, если здесь факт был достаточно очевидный, то в другом случае — я сейчас о нем расскажу — пришлось повозиться!

Как-то один местный рыбак-любитель решил посидеть на бережке весьма большого озера с удочкой. День выдался спокойным — не жарким, с ветерком свежим. Удовольствие! Закинул снасти, не успел глазом моргнуть — увидел, как щука всплыла. Следом — раз! Сом на поверхность под-

нялся, потом еще какая-то рыба.

«Что за напасть?» — Думает рыбак и понимает при этом, что дело — нечисто, видит же, что рыба — снулая, — вот беда-то какая! А озерная гладь — смотрит он — уже чуть ли не вся поднявшейся рыбой усеяна! Смotal он наскоро удочки — и в прокуратуру, так, мол, и так, диверсия какая-то, давайте, злоумышленника искать.

Выехали мы на место, глядь — мать честная! Сколько рыбы погибло! Я и не думал, что ее такое количество водится, каких только пород не увидели, каких размеров! Факт, как водится, зафиксировали, фотографии сделали, свидетелей приобщили, а дальше-то что?

Обратились к специалистам-ихтиологам. А те массу причин приводят в пример, у них, ученых, версий на эту тему — за день не перечислить. Много от чего мор может начаться. А сразу — не скажешь, рыбу на экспертизу нужно везти. Ну, пока суть да дело, всё-таки выяснили, что в организм рыбы попали химикаты. Я уж не буду вас утомлять названиями.

Начинаем анализировать: откуда эти яды в водоёме?! Сто лет как никто вроде бы не пользовался, если и есть склад, то достаточно далеко, и хорошо накрыт, никаким дождем не смоеет. Да, если и смоеет, никакими водами подземными до водоема того не донесет: повторяю, потому как далеко.

Помог случайный свидетель. Местный старожил как-то тоже на берегу сидел, думку думал, да на небе птиц считал: клёв в тот день что-то не удался. А тут стрёкот раздался и по небу синему самолет пролетел — небольшой самолет, «кукурузник». На таких удобрения распыляли над полями и всякие отравы, чтобы вредителей уничтожать.

И вот, видит тот рыбак, как вроде бы качнулся тот самолет, а от него облачко отделилось. Он еще подумал в шутку, что плохо пилоты к полёту подготовились, дровами сырыми топят: дыму-то сколько! На том и домой засобирался. А вернувшись в деревню, кому-то из соседей рассказал

и про самолет тот, и про облачко. А на другой день местные мужики на водоёме и начали рыбу гиблую замечать. Так до прокуратуры слух и дошел.

Начал я проверять, кто занимался протравливанием полей, когда это было, и по всем признакам выходило, что с самолётника того и сбросили в реку отраву.

Экипаж тот нашел в Хабаровске — тамошнее авиаотделение занималось в области распылением. Пришлось сверять все полетные документы, командировки пилотов, ну, и т. д. Прижали тех лётчиков к стенке. А они, надо сказать, очень убедительно отпирались! Но неопровержимыми были доказательствами: состав всего того, что обнаружили ихтиологи в организме рыб полностью совпадал с теми препаратами, которые распыляли авиаторы. И не просто было определить состав, но еще и доказать, что именно он является причиной гибели рыбы, на что тоже необходимо иметь заключения специалистов.

Ученые подсчитали количество погибшей рыбы, ущерб, нанесенный народному хозяйству. Он исчислялся шестизначными цифрами! И это в советское-то время!

Пилоты потом признались, что закончили работу, обработали запланированную территорию и собрались домой, а остатки химикатов решили сбросить где-нибудь в безлюдном месте. Да не рассчитали скорости ветра и сыпанули аккуратно над озером. Сыпанули — и дёру, надеясь, как говорят в таких случаях, «Бог не выдаст, свинья не съест».

Весь ход расследования я заново прокрутил, всё думал: а если б не увидел тот рыбак самолета, не заметил того облачка. Тем более, он не знал, что оно — ядовитое! Наконец, если б не пошли разговоры по деревне, не дошли слухи до прокуратуры — смог бы я тогда раскрыть это происшествие?

И сам себе ответил, что смог бы. Может и ушло бы на это чуть больше времени. А в остальном всё равно:

логика расследования привела бы к нарушителям законности.

Да и не я один задачку эту решал — сколько честных людей помогало!

О вреде самомнения

Из колонии в Возжаевке сбежал осужденный. Ему удалось обмануть охрану, всякие сигнальные приспособления, многочисленные заградительные спецпремудрости, и он прошел по маршруту Свободный-Майский, где его и заприметили старатели. Даже не сами старатели, а «вохровцы», вооруженные охранники. Они видели на стене какого-то здания портрет на плакатике «Их разыскивает милиция», проявили бдительность и гражданскую сознательность. Взяли на заметку, что незнакомый человек в их местах появился, да еще и очень на портретик похожий. А там поселок такой, что друг друга все знают до пятого колена! В общем, смекнули, что подозрительный тип возник тут не просто так. Задержали. Парни были не робкого десятка и силой не обделенные — туда, где золото добывают слабаков в охранники не берут. Навалились, руки заломили, связали, а дальше — пусть милиция разбирается: тот-не тот.

А беглец — Яков Сафонов — в Свободном успел магазин ограбить. Всё-таки, голод-то не тетка. Потом напал на глухонемого, оставив несчастного без денег, ну, и таким способом пробирався до Майского. Посёлок этот, как вы знаете, в глухом месте стоит, от глаз людских подальше.

Передвигался Яков с умом, оживленных мест избегал, и там, где его портреты могли висеть — не показывался. Внешне — очень симпатичный хлопец, и не скажешь, что «бандюг» какой. Примета у него была — прядь седины в волосах: жизнь все-таки побросала, не баловала. Хотя,

повторюсь, молодой был, по малолетству преступление совершил. Вот и мотал срок — 10 лет за убийство.

А в Майском у него родственники жили. К ним и пробирался через «кордоны». Здесь-то случайно и наткнулся на «вохровцев». Они позвонили в РОВД, сказали, что вроде бы по вашей ориентировке человек. Начальник отдела Василий Дмитриевич Савостьянов попросил их подержать некоторое время беглеца, пообещал тут же выслать машину с конвоем. И напутствовал, чтобы связали задержанного покрепче.

А в это время в посёлке у своих родителей гостил участковый из Новокиевского Увала Александр К. Приехал к ним в новенькой форме — как раз заменили старые образцы. Пофорсил перед родными и знакомыми. Человек он такой был, любил побыть на виду.

И вот заходит Александр в дежурку, видит такое дело, и говорит охранникам, что, как раз в райцентр возвращается, и может довезти задержанного! Уж очень захотелось молодому сотруднику выслужиться, показать себя, рассчитывал таким образом получить какое-нибудь поощрение.

Сам по себе мужик-то он был неглупый, но характерец у него. Как бы это помягче. Не очень. Я его еще по райкому комсомола помнил: то он просил рекомендовать его в Высшую комсомольскую школу, чтобы сделать карьеру по партийно-комсомольской линии, то еще как-то старался выбиться, лишь бы заметили. В общем, не самый приятный был человек.

Вот и в том эпизоде у него возобладало желание блеснуть собой и заработать «очки» перед начальством.

Охранники поначалу упёрлись, но видят — милиционер, при форме, ответственность на себя берет. И невдомёк им было, что у милиционера того и оружия при себе не было.

А в форме новой, в шинельке, карманы глубокие, и у Александра там что-то лежало — может тот самый пресловутый пирожок, о котором анекдоты ходили. Карман

оттопыривался и можно было подумать, что там спрятан пистолет.

Задержанного Александр велел развязать, мол, еще неясно, преступник он или честный человек. Решил таким образом поиграть в справедливого, доброго милиционера, показать, что не узнал беглеца. Вот проверят его в отделе — так может еще и извиняться придется.

А преступник — человек прожжённый, овечку из себя строит, со всем, что говорит Александр, соглашается, утверждает, что честный человек, просто «непонятка» какая-то вышла.

«Вохровцы» довели их до трассы, той самой, что мимо Новороссийки проложена, видят, ЗИЛок идет новенький, остановили, объяснили ситуацию. Шоферу до Свободного нужно было ехать, то есть, по пути, тот и согласился. Посадили Яшку в середину, молодой милиционер возле двери, и поехали. Машина новая, трасса еще не разбитая, в кабине тепло, уютно, участковый мысленно себе дырочки на погонах сверлит, благодарности от начальства принимает, на сослуживцев победно посматривает — в общем, празднует победу.

А задержанный видит хорошее расположение духа своего сопровождающего и начал просить: отпусти, мол, да отпусти, ничего плохого ж не сделал, подумаешь, без документов, тоже мне преступление, не всегда паспорт с собой носишь.

Александр К. отвечает:

— Что ты переживаешь, сейчас доберемся до райотдела, быстренько сверятся и отпустят на все четыре стороны.

А тот канючит, что легко говорить про четыре стороны, а сами вон уже сколько километров от Майского отмахали!

И так, лениво перебраниваясь, приближаются они к Новокиевскому Увалу.

Вот уже и Путятино проехали, до райцентра каких-то двадцать с небольшими вёрст осталось. Вот и посёлок Пионерский близко, окраина его видна. Тут подконвойный

опять говорит:

— Лейтенант,пусти, не доводи до греха!

— Какого греха, о чем ты говоришь? — Расслабленно отвечает сопровождающий, пребывавший в благобно-дремотном состоянии.

— А вот до какого! — Отвечает преступник и достаёт сапожный нож. И этим ножом начал бить своего конвоира. Понял, что его не отпустят, что вольная жизнь, не успев начаться, заканчивается. Терять нечего!

Как случилось, что выпускник школы милиции — «краснодипломник» (!), знавший, что преступник отсидевший за убийство 8 из 10 лет, способен на самые отчаянные поступки, не обыскал задержанного, позволил развязать ему руки, — уму непостижимо! Вот ведь до чего довела жажда покрасоваться, показать себя героем-суперменом!

Так совпало, что в этот день в районном отделе внутренних дел был назначен общий сбор сотрудников — такой определенный день месяца, когда собирались со всех кустов Мазановского района участковые для обмена опытом, оформления документов, сдачи отчетов, учебы и т. п.

И получилось, что следом за ЗИЛком ехал на «раздолбанном» стареньком ГАЗике участковый по Майскому старший лейтенант Василий Сердышев. Он где-то на середине пути увидел в грузовике человека в форме и на какой-то трёхминутной остановке спросил у того, что да как, да кого сопровождаешь. Лейтенант горделиво так, даже несколько покровительственно, мол, в райотделе узнаешь! В общем, героем себя чувствовал на все сто! И поехали дальше. ЗИЛок-то проворно бежит, а развалюха ГАЗик коптит еле-еле сзади, поотстал, да и прилично.

А в кабине грузовика драма разворачивается, беглец ножом орудует, как профессиональный мясник, но теснота кабины ему мешает быстро расправиться с сопровождающим. Шофер в испуге по тормозам, видит, ситуация неподконтрольная. Александру удалось открыть дверь и вывалиться на дорогу. Шофёр на другую сторону рванул с пере-

пугу. А в кабине, в ногах, лежал топор. И этот бандит Яшка схватил топор, и уже хотел добить сотрудника милиции, выпрыгнув за ним следом, но тут Сердышев подоспел.

Увидел, что творится страшное, а тоже при форме был, и тоже без оружия — выскочил из машины и во всю мощь лёгких:

— Стрелять буду! Яшка понял, что попадает в переплёт, и с этим топором — ходу в лес. Александр — в крови, весь изрезанный. Потом уже узнали, что и легкое у него пробито, и руки исколоты, и на теле раны. Тут уж не до поимки преступника, нужно срочно везти раненного в больницу.

В райотделе, как только Сердышев доложил обстановку, подняли на ноги всех, кто, как говорится под ружьём был, и двинулись в лес, искать дважды беглеца. Оперативную группу возглавлял, как сейчас помню, капитан Геннадий Рудых.

Сердышев указал то место, где события развернулись, а в лесу снег рыхлый, тяжёлый, дело было в самом начале апреля, следы хорошо видны, далеко преступнику не уйти. В общем, догнали его, а он с ножом, с топором, стоит зверем — не подступиться, кидается на всех. Конечно, можно было бы одним выстрелом решить этот вопрос — право на то у милиционеров было, но Рудых приказал:

— Брать живым!

Сердышев быстро выломал приличный сук берёзки, подкрался к преступнику сзади и хорошо, от души, огрел его дубиной по голове. Не поверите, башке хоть бы что, даже шишки не было, а сук тот — сломался. Но тем не менее, сознание у Яшки помутилось, тут-то его и схватили, скрутили, привезли в отдел.

Допрашиваю его «по горячим следам», говорю находящимся рядом милиционерам, чтобы наручники сняли.

— А он особо опасный! — Отвечают.

— А вы для чего здесь находитесь?!

Начал работать с ним, расспросил, как ему удалось обойти все технические заморочки, всякие сигнализации

и охрану — он не скрывал, все подробности выложил.

Говорит, просил же «лейтенантика» вашего по-доброму отпустить. Ну, отпустил бы, здоровым бы остался, а я бы погулял маленько, да может сам бы и вернулся. И чего тот милиционер встрял. Наверное, орден хотел заработать.

— А что вообще заставило бежать? — Спрашиваю, — ведь уже к концу срока дело шло, считай, освоился за колючей проволокой!

Но преступник так и не сказал, почему он решился на побег. Что им двигало, что заставило — так и осталось тайной за семью печатями.

И так мы спокойно разговариваем, рядом сотрудники милиции находятся: Коля Ларионов, мой одноклассник, еще инспектор УР Сорокин Валентин, все при оружии. А я вопросы задаю и тут же записываю показания: гляну — и пишу, гляну — и пишу. И вот поднимаю голову: оп-па, а мне в глаз иголка наставлена, толстая, длинная, их еще цыганскими называют.

Не могу сказать, что я не испугался — наверное, просто не успел, а инстинкт заставил не суетиться. И я так спокойно, как взрослый расшалившемуся ребёнку, говорю ему:

— Иголку-то положи, о себе позаботься.

Усмехнулся он, зыркнул глазами своими, говорит мне:

— Смотри-ка, не испугался! Ну, живи, смелый.

Тут милиционеры в очередной раз скрутили его, получив потом выговор за то, что не смогли обнаружить при обыске у преступника иглу. Но на этом дело не кончилось.

Надели на него наручники, отвели в камеру. Он через несколько минут стучит в дверь, кричит:

— Волки, заберите свои железяки!

Дежурный двери открывает, а тот выкидывает наружу самые настоящие, советские, крепкие наручники!

Оказалось, как-то умудрился раскрыть их. Его опять в наручники, руки назад, сделали «ласточку» — все в пределах закона — а через какое-то время, он опять эти наручники снял. Оказалось, смог это сделать простой спичкой,

которую, как и иглу, прятал в рукаве своей телогрейки. В общем, калач тёртый был. И сколько бед мог бы еще натворить. Увы, во многом благодаря головотяпству слишком много о себе возомнившего сотрудника милиции.

Срок Якову, конечно, потом добавили, как и положено по закону, а участковый тот по выходу из больницы из органов уволился. И так вышло, что никто об этом и не пожалел.

Обычные текущие дела...

После успешно расследованного дела по молочному комплексу в Архаринском районе прокурор области поручил принять к производству уголовное дело, возбужденное отделом общего надзора по факту приписок в автоколонне №1275. Там областное контрольно-ревизионное управление (КРУ) выявило, что предприятие завысило количество перевозок грузов на сумму более миллиона рублей.

Факт оказался резонансным, ход расследования контролировал обком партии. Результаты проверки КРУ были опубликованы в «Амурской правде» с карикатурным рисунком — на нём изобразили автомобиль автоколонны с рулоном бумаги в кузове вместо настоящего груза, разумеется, а на рулоне крупно написано: «Приписки».

Допрошенные руководитель и бухгалтер утверждали, что каких-либо нарушений законности не допускали и выразили сомнения в правильности выводов ревизора.

Изучив имевшиеся на тот момент материалы дела, я также усомнился в результатах проверки: как-то всё просто получалось, слишком явными были эти приписки, даже без намёка на какую-то маскировку. Что и вызвало мои сомнения. Назначил судебно-бухгалтерскую экспертизу, поручив её Хабаровской научно-исследовательской лаборатории. И чтобы досконально изучить проблему, разобраться

в хитросплетениях самых разных отчетов, пришлось предоставить экспертам в прямом смысле целый кузов бухгалтерских и иных документов.

Увидев «вагон и маленькую тележку» бумаг, эксперты заявили, что заключение будет готово не ранее чем через три месяца. Необходимые следственные действия к тому времени были проведены, и, по сути, я больше ничем не был загружен, разве что ожиданием заключения экспертизы. Но это не значит, что мне пришлось сидеть, сложа руки, — не та у меня работа.

Буквально на следующий день в кабинете первого заместителя прокурора области Анатолия Ивановича Туненко на оперативном совещании следственного отдела рассматривался вопрос о состоянии следствия по ряду дел в прокуратуре Сковородинского района.

Одним из первых, обсуждаемых, было уголовное дело, возбужденное по факту убийства прораба Зыкина из строительного управления города Тынды. Дело возвращено судом на дополнительное расследование. Суд пришел к выводу об отсутствии мотивов преступления и усомнился в правильности квалификации действий виновного, посчитав, что подсудимый Лавров убийство совершил с целью завладения имуществом и деньгами потерпевшего, а не из личных неприязненных побуждений. Поставил под сомнение суд и полноту установления личности потерпевшего. Эти огрехи и предстояло устранить в процессе дополнительного расследования.

Когда началось обсуждение, свое мнение и предложения по выполнению требований суда поочередно высказывали участники совещания. Пришла и моя очередь.

— Анатолий Иванович! — Сказал я, — считаю, что суд обосновано и правильно вернул дело. И с позицией суда надо согласиться, а не опротестовывать его определение о доследовании.

— Раз ты такой умный, — с сарказмом заметил Туненко, — вот и принимай дело к производству. А по прибытии в Сквородино еще возмись за два приостановленных уголовных дела об убийстве там солдата, а еще бывшего полиция в поселке Большой Невер.

— А как же дело о приписках? — Поинтересовался я.

— Со всеми справишься! — Был короткий ответ, — отправим тебе в помощь оперуполномоченного уголовного розыска.

Не знаю, как кто, а я никогда не возражал против загруженности работой: это здорово — ощущать свою востребованность, осознавать, что тебе доверяют самые сложные дела. В конце концов, не умею бездельничать.

Собрался за считанные минуты, как говорится, паровоз уже стоял под парами, и выехал в длительную командировку в суровый во всех отношениях по тем временам район. В вагоне соседкой по купе оказалась молодая симпатичная женщина, которая, увидев меня в форменной одежде, стала интересоваться кто же я — железнодорожник или лесник? Тогда вместо погон носили петлицы, и форма совершенно различных ведомств, за исключением эмблем, действительно была в некоторой степени схожа. Когда она узнала, что я старший следователь прокуратуры области, поведала, что в юности тоже мечтала пойти по этой стезе, но, к сожалению, не сложилось, и теперь она педагог-воспитатель вспомогательной школы-интерната в Белогорске, куда и направляется.

В завязавшемся разговоре она поведала, что у них в интернате и конкретно в ее группе есть паренёк из Большого Невера, Мишей звать. Он по ночам плохо спит, боится какого-то полиция в стogu и всё переживает, что отчим может и его затолкать в стог.

— Я считаю это какой-то навязчивой фантазией. Может начитался чего-то, может чей-то рассказ повлиял на психику, — закончила свой рассказ попутчица. И спросила, а как бы это расценил я?

А в моей голове уже промелькнула мысль: «Не ключ ли это к раскрытию преступления?» И в ответ предложил своей соседке по купе расположить к себе воспитанника и попытаться выяснить, что с ним случилось, что у него лежит на душе грузом, о каком-таком полицае он хочет рассказать и в чём желает раскрыться, да не хватает по малолетству духа?

При этом сказал, что во время командировки намерен побывать и в Большом Невере, и ее найду, чтобы узнать результаты беседы с мальчиком. Воспитатель согласилась и даже пообещала, что сама позвонит в прокуратуру области или в Сковородино. На станции Белогорск попутчица сошла, а я продолжил путь по намеченному маршруту.

Начал с разработки дела об убийстве прораба, поскольку сроки расследования были ограничены.

Мне необходимо было установить, прежде всего, личность потерпевшего и проверить версию корыстного мотива преступления. Полагал, что это самое сложное из того, что мне предстояло выполнить, но оказалось, что всё не стоило и выеденного яйца: просто местным сотрудникам прокуратуры не хватило терпения, настойчивости, прилежания — ну, в общем, желания подойти к раскрытию преступления должным образом. Судите сами: в заключении судебно-медицинской экспертизы сообщалось о том, что одежда потерпевшего — куртка — передана в комнату хранения вещественных доказательств прокуратуры района.

— Осматривали куртку? — Спрашиваю.

В ответ мнутя, переступают с ноги на ногу.

Когда я в эту «вещдоковую» комнату вошёл, волосы мои чуть не встали дыбом: такого бардака в жизни своей не видел. Беспорядочная куча одежды, обуви, каких-то ломов, топоров, ножей. Всё это сопровождалось стойким, крайне неприятным запахом слежавшихся вещей. Понятно, почему сами сотрудники местной прокуратуры не смогли, а скорее, и не захотели, найти то, во что был

одет убитый. В течение всего рабочего дня я разгребал накопившиеся за несколько лет вещественные доказательства, и, наконец, обнаружил пропажу. Пригласив понятых, стал осматривать куртку.

И вот на тебе, удача! Во внутреннем кармане обнаружил завернутый в целлофановый пакет паспорт и жетон от камеры хранения железнодорожной станции Большой Невер. Паспорт был выдан гражданину Зыкову. То есть, выходило — всё, личность установлена. Увидев документ, удостоверяющий личность, да еще и жетон, прокурорские работники стояли, опустив головы и потупив глаза, словно провинившиеся школьники...

Чуть позднее мои сковородинские коллеги и вовсе расстроились, когда в камере хранения станции Большой Невер по жетону получил чемоданы с вещами, принадлежавшими потерпевшему. Было действительно стыдно. Им за такие нарушения и провалы в работе, а мне — за них, за то, что они позорят звание прокурорского работника. Кстати, на следующий день меня пригласил прокурор района и, извиняясь, сообщил, что они привели комнату хранения вещественных доказательств в соответствие с Инструкцией.

Далее расследование пошло своим чередом и в установленный срок успешно закончено. Обвиняемый Лавров был осужден к максимальному сроку по статье 103 УК РСФСР (умышленное убийство без отягчающих обстоятельств).

Затем мне предстояло разобраться в убийствах солдата и человека, которого за глаза в посёлке все называли полицаем. Уже потом я узнал, что этот житель посёлка во время войны служил у немцев, был осужден, отсидел в наших суровых краях положенный срок, да так и остался здесь, не захотел возвращаться туда, где его знали, как предателя и пособника фашистов. В Невере жил замкнуто, дружбы ни с кем не водил и жил своим подсобным хозяйством.

Так вот, лиц, совершивших убийства, установить не удалось, дела были приостановлены. За них-то я и взялся. Попутно отмечу, что с профессиональной точки зрения они оказались и одними из самых интересных.

Бедный солдатик был обнаружен мертвым на железнодорожной насыпи с огнестрельной раной в области сердца. Сразу же по обнаружении его личность установили и выяснили обстоятельства происшедшего. Оказалось, что этому военному служащему, двадцатилетнему молдаванину, накануне был объявлен приказ об увольнении в запас, и на следующий день он должен был покинуть расположение своей части и отбыть домой, где его, единственного сына, в солнечной Молдавии ждала мать. Но в тот последний день своей службы он вместе со своими товарищами, такими же «дембелями», ушел в «самоволку», захотел проститься со своей девушкой.

К отбою, разгоряченные употребленным спиртным, солдаты возвращались быстро и довольно шумно, и когда стали преодолевать полотно железной дороги, раздался ружейный выстрел. Молдаванин, бежавший первым, упал замертво. Солдаты залегли прямо на железнодорожных путях, опасаясь продолжения пальбы. Но выстрелов больше не последовало.

Расследование и оперативно-розыскные мероприятия, проведенные следователем и работниками угрозыска, результатов не дали, и дело по окончании срока следствия было приостановлено за неустановлением лица, совершившего преступление.

Прежде всего я провёл повторный осмотр места происшествия и следственный эксперимент. Не буду вдаваться в подробности, скажу лишь, что это дало практический результат. С помощью геодезистов и эксперта-криминалиста мы определили расстояние и место, откуда был произведен выстрел, а также тип оружия. Когда все участники подписали протоколы осмотра и следственного эксперимента, мы с Борисом Бардаковым, старшим оперуполно-

моченным уголовного розыска УВД, майором милиции, прибывший для оперативного сопровождения расследования нераскрытых убийств, стали обсуждать планы наших дальнейших действий.

И в это время из дома, откуда, как мы определили, возможно, и был произведен выстрел, вышел молодой человек, держа в руках ружье и вещмешок. Направился он прямо к нам.

Подойдя, он сказал, что пришел с повинной, так как узнал, что случайно убил солдата, а не своего обидчика. Впоследствии выяснилось, что в тот злополучный для него вечер он пришел домой из депо, где работал помощником машиниста, и был ни с того, ни с сего беспричинно избит, оскорблен и унижен местной шпаной, ворвавшейся в его собственный дом. Закончив его избивание, они вышли во двор и побили все окна дома, заявив, что скоро вернутся и еще на нем потренируются.

Доведенный до отчаяния, парень взял ружье и вышел во двор. И в это время по жестокой иронии судьбы увидел бегущих по полотну железной дороги людей. И когда один из бегущих стал приближаться к его дому, парень посчитал, что это возвращаются его обидчики и произвел прицельный выстрел.

Вот так в течение недели было раскрыто неочевидное убийство.

А в день составления обвинительного заключения по этому делу, меня пригласили к телефону. Звонила директор белогорской вспомогательной школы-интерната. Она сообщила мне, что просьба моя выполнена — ученик Миша рассказал, что видел, как его отчим с помощником по работе убивали полиция, а потом запрятали его в складе в соломе.

Потом уже Миша рассказал мне, что его мать, когда он приехал домой на каникулы, послала его отнести еду отчиму, работавшему скотником в подсобном хозяйстве. Выполняя мамино поручение, Миша подошел к складско-

му помещению, где должен был находиться отчим, и в этот момент услышал крик и просьбу помиловать.

Испугавшись, он не стал заходить в склад, но решил посмотреть в приоткрытую дверь, что же там происходит. И увидел, как его отчим Панков и его напарник Коваль зачитывали приговор человеку, которого в поселке знали, как бывшего полиция. Тот был сильно избит, по лицу струилась кровь, и он просил не убивать. Но с возгласами: «Бей фашистских прихвостней и предателей!», его стали колоть вилами, а потом спрятали под тюками сена и соломы.

Тело полиция обнаружили через несколько месяцев, ближе к весне, когда местные собаки, разрыв захоронение, стали бегать по поселку с частями рук и ног человека.

Судебно-психиатрическая, психологическая экспертизы признали подростка вменяемым, а его показания достоверными, а не какой-либо фантазией или желанием избавиться от отчима, которого он не любил и боялся. Панков был вынужден признаться в содеянном.

При этом не сожалел о том, что совершил, считая, что он и его напарник поступили правильно, расправившись с бывшим полицаем, свершили, так сказать, справедливый суд.

Не встретить я попутчицу или же не проводи дополнительный осмотр места происшествия и, наконец, побрезгуй покопаться в накопившихся за многие годы вещественных доказательствах, не факт, что преступления были бы раскрыты, а виновные привлечены к уголовной ответственности. Согласны?

Случайность это или закономерность — вам судить.

Я же со своей стороны, на всякие замечания, что мне просто повезло, не устаю повторять: «Везёт тому, кто везёт!» То есть, при любой работе — не обязательно в прокуратуре, — нужно со всей ответственностью относиться к порученному участку деятельности, уважать и ценить выбранную профессию.

Теперь пришла пора вернуться к самому началу моего повествования о приписках — наверняка вам интересно узнать, чем же всё закончилось.

А закончилось всё весьма прозаично.

Полученное заключение судебно-бухгалтерской экспертизы гласило об отсутствии в автоколонне каких-либо приписок. Ревизор, имевший всего-навсего восьмилетнее образование, а не высшее специальное, — именно такие требования предъявлялись к сотрудникам этого учреждения, при подсчете не справился с объемом и допустил элементарную арифметическую ошибку! И дело было сразу же прекращено, а руководителям автоколонны принесены извинения.

Прокурор области от души отругал сотрудников общего надзора — за то, что поставили его в неловкое положение, а сам с удовольствием доложил в обком партии о благополучном исходе дела.

Немного отвлекусь от главной линии моего рассказа. Во время той долгосрочной командировки в Богом забытый северный город, в магазинах которого не было даже молока, не работали столовые, а гостиница была такой, что о ней до сих пор вспоминаю с содроганием, сложно было прожить почти полгода. Но меня выручала прокурорская форма, которую в городе железнодорожников принимали за свою. На весь город работала только деповская столовая — там питались поездные бригады и работники железнодорожного транспорта. В столовую всегда была очередь, как в мавзолей.

И вот прокурорские работники посоветовали мне питаться в этой самой столовой. Пошел я на обед первый раз. Народу — не пробиться! Стою добросовестно в хвосте очереди, и тут ко мне обратилась повариха на раздаче:

— Что же вы стоите — бригады поездных бригад обслуживаются вне очереди, давайте подходите!

Скажу честно: не стал вносить ясность в свой портрет.

От без очередного обслуживания не отказался и частенько там питался. А когда уезжал, зашел поблагодарить поваров за содействие, и, не выдержав, признался, что я старший следователь областной прокуратуры, а не бригадир поезда. Тут же и спросил, почему они приняли меня за своего.

— А у вас костюм двубортный, пуговицы — герб СССР, и на петлицах аж по четыре звезды — такие у наших бригадиров. А вот эмблему в перекрестии двух мечей только сейчас и разглядели! — Смеялись бойкие, не лезущие за словом в карман поварихи.

И на прощание добавили:

— Но вы все равно к нам заходите, мы-то вас уже давно своим считаем!

Шаровая молния

Все мы, конечно, читали в школьном учебнике про шаровую молнию. Но встречаться с ней, пожалуй, мало кому привелось. Но одним из «счастливиц» оказался я. И скажу прямо: упаси вас Бог с таким явлением встретиться! Достаточно жуткое зрелище — поверьте на слово! Говорю со знанием дела, потому что мне в моей следственной практике однажды довелось столкнуться с этим шариком почти лоб в лоб.

Случилось это в моем родном селе, ближе к августу, в совершенно ясную — без облачка на небе — погоду, и ничего не предвещало об ее изменении.

Я в то время исполнял обязанности прокурора района. Не могу не отметить, что чуть ли не все неординарные события со мной происходили, как, правило, именно в периоды, когда я занимал аналогичные должности. Возможно, это просто совпадения, возможно, некий знак свыше. В этой истории, без сомнения это был именно такой знак.

В прокуратуру обратился руководитель местного дома-интерната для престарелых и инвалидов. Он обнаружил, что сорт и цена колбасы, поставляемой в его богоугодное заведение из продовольственного магазина райпотребсоюза, не соответствует документам. Знаете, как это зачастую бывает: экспедитор подсунет счёт-фактуру от одного начальника, другой начальник ее, не глядя, подмахнёт — и дело с концом. Надо ли пояснять, что разница между товаром, заявленным в товаротранспортной накладной и тем, что привозили на самом деле, составляла кругленькую сумму!

Наш заявитель оказался человеком добросовестным, к обязанностям своим относился со знанием дела, всё проверил досконально, и понял, что его, а значит, и всех немощных и больных стариков, хотят провести, что называется, на мякине.

По заявлению возмущённого столь бессовестным обманом директора дома инвалидов прокуратурой была проведена проверка. Её результаты давали основания для возбуждения уголовного дела в отношении заведующей отделом магазина, совершившей хищение путем мошенничества.

В доме, где проживала подозреваемая, был произведен обыск. Обнаружили коробки с похищенной колбасой и значительная часть выручки магазина, что меня не особо и удивило — примерно такого результата и ожидал. Возмущало, что воровка была полностью уверена в своей безнаказанности, не прятала краденное где-то в укромном месте, а просто держала коробки прямо в квартире. Ворованная колбаса — если вы помните, продукт достаточно дефицитный по тем временам, — впоследствии планировалась для продажи близким и «нужным» людям по завышенной цене.

Добытые доказательства давали возможность задержать подозреваемую на трое суток. Её поместили в изолятор временного содержания подследственных при райот-

деле милиции. Слышали бы вы, какие кары она сулила сотрудникам нашего ведомства! А мне лично пригрозила, что со мной «будут разбираться большие начальники».

К таким обещаниям, признаться, по своему опыту работы стал привыкать: каждый мало-мальский преступник имеет среди своих знакомых тех людей, которые покровительствуют, а то и напрямую содействуют (!) их противоправным действиям, которые близки к влиятельным особам. Ныне это называется просто «крышей», и ни у кого не вызывает удивления.

Во втором часу ночи у меня дома раздался звонок. Звонил — как бы вы думали, кто? Начальник милиции! Извиняющимся тоном он попросил разрешения освободить Светлану — так звали задержанную. Иначе, начал объяснять он, и у него, и у меня будут большие неприятности.

— Позвольте узнать, — заинтересовался я. — на каком основании?! Почему вы так обеспокоились судьбой этой особы?!

Начальник зло выругался и сказал прямым текстом:

— Ты что, не знаешь, что она любовница секретаря райкома партии?!

Тут я возмутился, что называется, по полной программе. И без того в обществе всё чаще говорили о так называемом «телефонном праве», и эти разговоры подрывали доверие к правоохранительным органам, а тут меня это коснулось напрямую.

— Никаких освобождений! Даже и не пытайтесь! — Ответил я начальнику милиции, — если сами не хотите иметь неприятности. У нас на руках все необходимые доказательства! А секретарю райкома передайте, чтобы сам мне позвонил. Если хочет услышать то, что я вам только что сказал.

До утра меня так никто больше и не побеспокоил.

Понимая, что «наверху» возникло некое брожение, что начали работать всякие связи и сложившиеся взаимоотношения, что в это дело могут вмешаться из облпрокурату-

ры, я принял решение прямо с утра предъявить подозреваемой обвинение и избрать в отношении неё конкретную меру пресечения — заключение под стражу.

Когда все необходимые процессуальные документы были готовы, я прибыл в отдел милиции, попросил дежурного найти свободный кабинет и доставить туда задержанную. Помощник дежурного по отделу старшина милиции Рыбаков открыл Ленинскую комнату, вот уж, воистину, ирония судьбы, (!) и привел туда подозреваемую. Отмечу, что ночь, проведенная в непривычной обстановке, в изоляции, сыграла свою роль. У нее пропала та нагловатая самонадеянность, с какой она угрожала прокурорским работникам. Видимо, поняла, что, если за ночь ничего не изменилось, значит, от нее отвернулись.

Ознакомившись с постановлением о привлечении её в качестве обвиняемой, она признала себя виновной по существу предъявленного обвинения и стала давать показания.

Видимо, всё это: неожиданная смена обстановки, осознание того, что жизнь ее может круто измениться, и далеко не в лучшую сторону, повлияло на её самочувствие, ей стало не хватать воздуха и она, сказав, что в комнате душно, попросила открыть форточку.

Помещение было небольшим, около двадцати квадратных метров; два также небольшого размера окна выходили в сторону двора отдела, совершить через эти окна побег было невозможно, никакой опасности задержанная собой не представляла, да еще и рядом, за дверями, находился конвоир Рыбаков. Я открыл форточку. При этом крикнул старшине, чтобы он напоил задержанную — я и сам заметил, что женщина выглядит не лучшим образом.

Старшина принёс воды, создав тем самым, в комнате пусть небольшой, но сквознячок.

Обвиняемая стала знакомиться с протоколом допроса и подписав его, передала мне в руки. Когда же я стал сам, склонившись, подписывать документ, то почувствовал

какое-то необычное тепло и услышал треск, похожий на работу массажной щетки, которая применяется в физиокабинетах поликлиник — наверняка и вы что-то подобное слышали. Я даже не успел удивиться этому непонятному явлению, как вздрогнул от внезапного громкого, пронзительного крика Светланы. Это был вопль ужаса. Когда я поднял глаза, то сам от неожиданности и увиденного остоленел... Вбежавший на этот крик старшина вдруг застыл, как статуя...

Лицо обвиняемой было белым как стенка, и по нему скользили, словно играя, голубоватого цвета лучики. А буквально в десяти сантиметрах от лба висел небольшой, с голубиное яйцо, шар — сгусток какой-то мощной энергии; он походил по цвету, да и вообще по всему своему состоянию на газ, что горит на кухне. И вокруг этого загадочного шара проскакивали искрами электрические разряды.

Даже и сейчас, спустя годы, не могу точно сказать, сколько времени мы оставались в оцепенении, но, помню точно, в один голос, не сговариваясь, скомандовали с Рыбаковым не двигаться. В этот момент мы уже поняли, что это шаровая молния.

Шарообразный сгусток вдруг затих, стал подниматься над обвиняемой и, поднявшись на метр над её головой, поплыл медленно в сторону окна, потом немного повисел у открытой форточки, будто думал — оставить нас в покое, или все-таки свершить Божий суд, не дожидаясь суда земного — а затем, вздохнув, да-да, именно такое впечатление у нас всех создалось, (!) исчез за окном.

В тот момент, когда все это происходило, погода была совершенно ясная, не было ни раскатов грома, ни сверканий молний — небо сияло чистотой. На нем, повторяю, не было видно ни единого облачка (!), и откуда взялась шаровая молния — никто не смог бы объяснить.

Прибежавшему на нечеловеческий крик начальнику милиции, мы рассказали, что здесь случилось, объяснили,

что могло произойти с нами, коснись шаровая любого из нас и подчеркнули, что молния находилась рядом имен-

но с проворовавшимся заводителем магазина.

На что он заметил вполне философски:

— Надо же, Бог «шельму» метит.

Когда я дома рассказал эту историю, мать повторила слова начальника райотдела и добавила, имея в виду меня:

— А береженного, Бог бережет.

Так что, старайтесь не грешить, а то вдруг появится рядом с вами подобное знамение.

И, заканчивая сюжетную линию о проворовавшейся работнице торговли, скажу, что дело было направлено в суд, виновная народным судом осуждена к реальной мере наказания. Секретаря райкома в скором времени направили в народное хозяйство. А начальник милиции распорядился держать форточки закрытыми — с запертыми форточками ему было значительно спокойнее, хоть он и был совершенно безгрешен.

Пустая, бессмысленная жизнь...

Тот морозный 40-градусный декабрьский вечер 1975 года запомнился мне надолго. В дверь постучали около полуночи, на пороге стоял водитель милицейской машины.

— Сергей Максимович, вся оперативная группа в машине и готова на выезд в село Краснорылово: там двойное убийство и посягательство на жизнь участкового! — Обратился он ко мне, — мы за вами!

До Краснорылово, это была центральная усадьба совхоза «Краснорыловский», — 50 километров. На полуживом ГАЗ-69 добрались за полтора часа.

В здании конторы совхоза находился подозреваемый со связанными оконной шторой руками. Его охранял сам потерпевший — сержант милиции участковый Добрецкий с черенком от лопаты в руках. У него не было табельного

оружия, и он брал вооруженного преступника, как говорится, голыми руками и смекалкой.

Когда я, допрашивая участкового, стал выяснять, что вообще произошло, а также, где же трупы, о которых изначально шла речь, оказалось, что о случившейся трагедии ему сообщила прибежавшая к нему домой сожительница преступника. Она рассказала, что Геннадий Кузнецов, ее гражданский муж, недавно освободился из мест лишения свободы и устроился в совхозе скотником на молочно-товарной ферме. В этот день он после работы пригласил к себе двух своих напарников — скотников этой же фермы, Леоненко и Тишкова для «проставления» по случаю принятия его на работу. Она знала своих односельчан, как добропорядочных семьянинов, весельчаков, хороших работников и совершенно безобидных людей. И вот во время застолья гости достали из сумки принесенное с собой мерзлое сало и предложили хозяину его порезать на закуску. Тот вынул из кармана маленький складной нож и попытался порезать сало, но оно было настолько промерзшим, что не поддавалось.

Леоненко и Тишков посмеиваясь, стали говорить, что в доме нет доброго ножа, а этим можно разве что карандашики точить. В ответ Кузнецов из-под кровати достал нож с длинным лезвием — около 30 сантиметров — и ударил им вначале Тишкова — в область живота, а затем ударил в грудь Леоненко. Те, обливаясь кровью, побежали из квартиры. Тишков еще смог дойти до своего дома и умер у порога, а Леоненко, пробежав с полсотни метров, перелез через высокий забор, ограждавший территорию хранения сельхозтехники и упал замертво там. У каждого, как потом стало известно из заключения судебно-медицинской экспертизы, лезвие ножа вошло непосредственно в сердце.

Кузнецов заставил свою подругу спрятать нож, и она была вынуждена, боясь расправы, выкинуть орудие убийства на огород. Допив оставшуюся водку, Кузнецов, как ни в чём не бывало, лёг отдыхать, она же побежала к участко-

вому сообщить о происшедшем.

Получив такую информацию, участковый прибыл вместе с заявительницей к месту происшествия. Зайдя в комнату, сержант Добрецкий увидел спящего и стал будить его. Кузнецов, проснувшись, выхватил из-под подушки топор и сразу набросился на сержанта. Тот увернулся от удара и выскочил из квартиры. Кузнецов ринулся в погоню.

Сержант Добрецкий, перескочив через забор, забежал за стоящий комбайн. Убийца — следом за ним! Милиционер, увидев лежавшую на гусеницах комбайна лопату, схватил и со всего маха ударил лопатой по подбежавшему с топором преступнику.

Кузнецов упал, а Добрецкий быстро сделал ему «ласточку», то есть завернул руки за спину с помощью подбежавшей со шторой сожительницы преступника, и доставил его в контору совхоза, где мы по приезду всех и застали.

Преступник был задержан мною на трое суток и отправлен в изолятор временного содержания райотдела милиции. Мы приступили к осмотру места происшествия — нужно было найти вещественные доказательства.

Подогнав несколько машин, осветили место происшествия. Вначале осмотрели квартиру, а потом прилегающую территорию. Когда я стал искать в огороде выброшенный нож, мороз был за сорок, снег в огороде слежавшийся глубиной около 30 сантиметров. У нас не было металлоискателя, и мне пришлось «лопатить» шесть соток голыми руками. Когда поиски не увенчались успехом, а руки вконец заledenели, я в отчаянии пнул ногой уже казалось проверенное место и — вот удача — при свете фар блеснуло лезвие ножа.

Свидетельница преступления подтвердила, что именно этот нож она выбросила на огород.

Следствием установлено, что Кузнецов был четырежды судим, признан особо опасным рецидивистом, после освобождения был взят под административный надзор.

Но участковый свои обязанности выполнял ненадлежащим образом, что позволило рецидивисту безнаказанно избивать и грабить односельчан, которых он запугивал расправой в случае обращения в милицию.

Поскольку вмененные обвиняемому составы преступления были в компетенции областного суда, дело по окончании расследования и утверждения обвинительного заключения прокурором Амурской области, было направлено для рассмотрения в Амурский областной суд.

Суд над душегубом проходил в новом, рассчитанном на 450 мест Доме культуры села Краснаярво. Это был открытый процесс, который обеспечивался повышенными мерами безопасности: преступление вызвало высокую социальную напряженность, сельчане готовы были устроить самосуд. Чтобы этого не произошло, порядок обеспечивали усиленные наряды милиции.

В назначенный день в зале некуда было яблоку упасть, люди стояли в проходах, в дверных проемах. В судебном процессе участвовал и поддерживал обвинение от имени государства по поручению прокурора области прокурор Октябрьского района советник юстиции, участник ВОВ Алексей Карпович Колтунов.

Подсудимого доставили и охраняли в процессе рассмотрения дела солдаты конвойного полка. Судебное следствие, прения сторон читателю не столь интересны, важен венец правосудия, справедливый приговор. Кузнецов не отрицал содеянного, но и не сожалел о происшедшем, говорил, что на свободе жить тяжело, а тюрьма для него — дом родной.

И вот в воцарившейся тишине председательствующий оглашает приговор и его резолютивную часть: приговорить Кузнецова Геннадия Ивановича к исключительной мере наказания — расстрелу!

Что стало твориться в зале — не описать пером. Зал взорвался аплодисментами. А на руках бледного, как стенка, убийцы щелкнули наручники!

Спустя шесть месяцев в сельский Совет пришло уведомление о том, что в помиловании Кузнецову Г. И. отказано, и приговор приведен в исполнение. К уведомлению приложено свидетельство о смерти. И вот прочитал я только что написанное, еще раз взглянул на заголовок «Пустая бессмысленная жизнь». И подумал: а жизнь ли это?

Однофамильцы

Тревогу забили вечером, когда пришли за Настей в детсад: вдруг выяснилось, что она там и не появлялась.

— Да как не появлялась?! — Тяжело опустилась на стул мать, — мы же утром ее отправили, мы же весь день спокойны были, да у нас и сомнений никаких не возникало.

— Ну, вот ее ранец — она как вчера вечером оставила его в раздевалке, так он и лежит, никто не трогал, — тоже обеспокоенно отвечала воспитательница.

Предчувствие беды тяжело вползло в души родителей. Как же так, отправили ребенка утром в садик...

А как отправили...

Детсад находился через дорогу от дома, как раз напротив, всего-то и нужно было — перейти улицу — и всё. Обычно ребенка собирали, выводили из подъезда, а затем провожали взглядом. Иногда это делали из окна. Вот и на этот раз, поцеловали девочку на прощание, закрыли за ней дверь. А дальше что-то отвлекло, в окно не посмотрели, до двери детсада взглядом не проводили, весь день никакие дурные мысли не приходили в голову, и вот вечером...

Мать ребенка в панике, что понятно, отец в отчаянии, тут же сообщили в милицию, начали бегать по подъездам и подвалам близстоящих домов, по соседним улицам. Тщетно! Девочка — как сквозь землю провалилась!

Два дня поисков ничего не дали. Дело дошло до проку-

ратуры. Я дал указание возбудить уголовное дело по статье «Убийство»: существовал приказ Генерального прокурора в случае пропажи детей сразу же возбуждать такие дела. Это подразумевало повышенный уровень расследования, привлечение всех лучших специалистов.

Работа по раскрытию преступления была взята на контроль областной прокуратурой, а дело впоследствии принято к производству следователем по особо важным делам облпрокуратуры, создана оперативно-следственная бригада, куда вошли сотрудники уголовного розыска, криминалисты.

Поскольку сразу по горячим следам не удалось ничего выяснить, а происшествие стало по городу обрастать всяческими слухами, в том числе и о появлении в городе сексуального маньяка, на оперативном совещании при прокуроре города было принято решение начать поиски с самого начала, с чистого листа, по-новому совершить подомовой обход, обшарить все закоулки в городе.

Поиски не прекращались ни днём, ни ночью. На родителей девочки было невозможно смотреть: убитые жутким предчувствием, свалившимся на них горем они были просто похожи на тени. Их состояние мне было понятно: моя дочь была ровесницей Насти и ходила в тот же садик.

Пятилетнюю Настю нашли на чердаке именно того дома, где проживала семья. Её тельце было прикопано разбросанным по чердаку, для утепления крыши, керамзитом, и её ручонка выглядывала из-под него, будто подавая знак: я здесь!

Раскопали. Видеть садистки изуродованное тело пятилетнего ребенка было выше человеческих сил.

Сотрудники милиции с ног сбились в поисках каких-либо зацепок, выпрашивали, чем и в какое время были заняты жильцы дома, составляли буквально поминутный график передвижений всех соседей.

Для усиления бригады из Благовещенска прислали опытного следователя Константина Воронина.

В день похорон среди провожающих девочку в последний путь находились и оперативники — в таких случаях нужно держать ухо востро: в толпе мог появиться и преступник, мало ли что может прийти в воспалённую голову!

Но в тот день ничего подозрительного не произошло. Зато через день родители Насти сообщили, что на могилке кто-то посторонний прибрался и выбросил подзасохшие цветы. Устроили там засаду: один из сыщиков влез на дерево, замаскировавшись в ветвях. И чтобы вы думали! Задремал! И пропустил момент, когда на могилке появился какой-то незнакомец. Проснулся он тогда, когда тот уже уходил. Опер начал спускаться с дерева — и спугнул посетителя, тот убежал. Уже потом выяснилось: это действительно был убийца. Но вот сообщение: преступник, вероятно, не в силах нести бремя греха, сам пришел с повинной. Его задержали и привезли в прокуратуру для получения санкции на заключение под стражу.

В процессе его допроса было установлено, что пришедший с повинной — 16-летний недоросль, ученик специальной вспомогательной школы. То есть, чтобы было понятно, парень с некоторыми отклонениями в развитии. И ещё до встречи с ним у меня возникли сомнения в достоверности его признания в совершении убийства и явки с повинной.

Повезли его на то место, где было совершено преступление. И там мои сомнения полностью оправдались: парень на чердаке повёл нас не в ту сторону, где было найдено тело. Чтобы убедиться в достоверности моих подозрений, я задал несколько каверзных вопросов, ответы на которые мог знать только тот, кто совершил злодеяние. Парень стушевался, сник. Начал путаться в показаниях. Пришлось дать команду, возвращаться назад. Но и вернуться оказалось не так просто: горожане прослышали, что мы привезли на место преступления подозреваемого, и стихийно собрались возле милицейской маши-

ны, готовые устроить самосуд. Страсти кипели нешуточные, многие держали в руках палки, и грозить людям силовыми методами разгона пожарными машинами и дубинками не было смысла — это еще больше обозлило бы их, что не исключало и массовых противозаконных выступлений. Не вступая ни в какие переговоры, ни в какие увещевания, тихонько, по крыше чердака, вывели парня в соседний подъезд и уже оттуда незаметно ретировались.

Допрашиваю его в своем кабинете, попросив оставить нас один на один. Когда подросток совсем «поплыл», не зная, как отвечать на мои вопросы, объяснил ему, что сразу понял, что это не он совершил преступление, но что ему придется отвечать за ложные показания. После чего, чтобы не усугублять своего положения, он рассказал, что в школе работает завуч по воспитательной работе, с которым у него не сложились отношения, и который постоянно к нему придирается, и, чтобы «насолить» завучу, он и пошел на такой шаг. Увидев на стене одного из домов объявление о пропаже ребенка, решил, что, если сдастся в милицию, завучу нагорит за плохую организацию воспитательного процесса. А в невиновности паренька всё равно разберутся и отпустят подобра-поздорову. Вот такая логика была у отстающего в развитии ученика спецшколы.

— Ну, а откуда подробности знаешь? — Уточнил я.

— Так милиционеры вопросы задавали наводящие, типа, а это делал? Делал. А это делал? Делал.

Поразившись в очередной раз преступной безалаберности милиционеров и поставив начальника РОВД перед этим фактом, потребовал задержанного освободить и обеспечить ему охрану: настоящего преступника еще не поймали, а если этот вдруг выйдет на улицу — греха не оберешься: еще забьют, думая, что ему удалось выскользнуть.

И опять напряженные поиски, обходы квартир, опросы тех, кто хотя бы мельком мог оказаться в этом районе города.

За те почти два месяца поисков было раскрыто много других преступлений, опрошены многие сотни человек, на учёт поставлены неблагополучные, с точки зрения закона, горожане, но никак не удавалось ухватить за тот кончик ниточки, который бы привёл к тому, кого мы все искали.

В одном из подъездов дома, где жила семья Насти, снимали квартиру девчата, работницы какого-то предприятия.

Ранее в поле зрения они не попали, потому что — то ли на работе были, то ли еще где, а делавший обход сотрудник милиции не придавал особого значения, — узнал от соседей, что девушки живут, ну, и махнул рукой: с девчонок какой спрос? И вот спрашиваем у девушек, кто и где находился во время совершения преступления, и в разговоре выяснилось, что к ним в гости приходил токарь с завода «Автозапчасть». И что? Да ничего, приходил в этот день с утра, посидел, симпатий ни к кому не проявил. Вообще, какой-то — ни рыба, ни мясо. Парни-то если приходят, то пожениться, как-то проявить себя настоящим мужчиной, а этот... И одна из девчат, рассказывающая о визите, пренебрежительно махнула рукой. Как зовут? Гена Богачёв. Время совпадало. Оперативники — на завод, в отдел кадров, нашли карточку учёта, личное дело, — да есть такой, характеризуется хорошо, вопросов со стороны руководства нет. Однако, есть некая зацепка: дважды судим. За хулиганство, но судим. Его задерживают, привозят на допрос, а он — ни в какую: знать ничего не знаю, видеть ничего и никого не видел. О преступлении — да, слышал, а кто в городе не слышал?! А вы что, ко мне только потому, что я сидел? И вполне откровенно заявляет, мол, гражданин прокурор, я вот в морду кому угодно дать могу, но, чтобы на ребенка руку поднять... Ему объясняют, что очень уж многое совпадает, в том числе, и его посещение квартиры, где девицы обитают. Мужик — в конкретную «несознанку»: не видел, не делал, не был, не знаю. Пригласили на опознание и очную ставку девчат. И что?! Девушки в один голос

утверждают: не он. Да как же так, фамилия, имя, отчество, специальность — всё совпадает! А не он! Может, их гость другим именем специально назвался? Получается, опять в тупик попали?! Пока препирались с девушками, тут наш задержанный вдруг встрепенулся: «Так в соседнем цеху у меня однофамилец есть! И тоже Генкой зовут! Не его ли ищите?!» Оперативники — опять в отдел кадров. И — в это трудно поверить — но оказалось, что в другом цеху и тоже токарем работает полнейший тёзка задержанного подозреваемого. Наиполнейший! И такого же возраста, и места рождения. Задержали.

Его, как подозреваемого, при принятии решения о взятии под стражу, я допрашивал лично в течение более трех часов, и он дал показания, которые были записаны на магнитофон. Признался в совершении преступления. То же самое, во всех подробностях, он собственноручно изложил на бумаге.

Во всём сознавшись, Богачев расписался в протоколе допроса. Из его показаний выходило, что, приходя к знакомым девушкам, он несколько раз встречал в подъезде девочку, и очень она ему понравилась. Встретился с девочкой в подъезде он и в тот день. Свои показания он подтвердил при выезде туда, где совершил своё злодеяние, и в ходе следственного эксперимента — точно указал место и рассказал детально об обстоятельствах совершенного преступления. А с женщинами он не знал, как себя вести, были у него в этом смысле трудности, ну, в общем, пересказывать его объяснения — еще раз пережить то состояние, которое пришлось переживать, допрашивая этого нелюдя. Что самое печальное, доказательств его преступления, по сути не было: ни свидетелей, ни следов на месте преступления, ни отпечатков пальцев на жутких орудиях пыток. И только, на штанах убийцы нашли небольшое пятнышко похожее на засохшую кровь. Московская лаборато-

рия, для экспертизы отправляли одежду туда, подтвердила практически стопроцентное совпадение с кровью несчастной жертвы. Это были годы, когда на смертную казнь в нашей стране ещё не было моратория, и все горожане, да и мы, кто участвовал в расследовании дела, рассчитывали на то, что преступника, признанного, надо сказать, вполне вменяемым, совершившего свое гнусное преступление в здравом смысле, приговорят к исключительной мере наказания. Но областной суд, почему-то, отнес к смягчающим обстоятельствам положительную характеристику с завода, участие в художественной самодеятельности и службу подсудимого в армии, — мол, родину защищал, хотя ни в каких горячих точках тот не пребывал, и приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы. Ну что ж, как вы знаете, гуманность нашего суда вошла в легенды...

Папаха

В селе Новотроицком произошёл кошмарный случай: пропала женщина с двумя детьми — 7 и 14 лет. В первый-то день никто и значения этому не придал: вечером заглянул на огонёк её отец, проживавший отдельно, видит, сидит на кухне квартиросъемщик — дальний родственник с генеральской фамилией Папаха, ест суп, на вопрос, где дочка, спокойно отвечает, что не знает, мол, пришёл с работы, а дома и нет никого. Хотя — тут же вспоминает — вроде бы собиралась в город за покупками, кажется, обувь младшенькому присмотреть. Ну. и так, по мелочам чего. Отец, не заподозривший ничего худого, ушёл восвояси, на следующий день заходит — опять: ни дочери, ни внуков.

— Да где ж она так загуляла? — Беспокоится отец, зная, что никого из близких родственников или уж очень хороших знакомых, у кого можно остановиться, в городе нет.

— Да уж, наверное, все магазины решила обойти! — Успокаивает жилец, — не волнуйся, дед, приедут!

На следующий день пожилой человек, у которого, понятно, душа была не на месте, пришел с бутылкой, предложил парню выпить, немного, чтобы хоть как-то успокоиться. Опять же, план поисков пора было продумать — самому ли куда ехать, в милицию ли обращаться.

— А почему бы и не выпить? — Соглашается жилец и вышел на улицу: то ли за дровами, то ли еще по какой надобности.

А отец женщины, поскольку находился не у чужих людей, а считай, у себя дома, по-свойски полез в подполье за закуской: всяких банок с соленьями и прочими припасами там хватало.

Залез в подполье, и волосы на голове зашевелились: мать честная! Лежат там тела заколотых ножом дочери и внуков. Что ж такое?! Что ж творится! Вместе с жильцом бегом к участковому, ну, тут дело и закрутилось. У следователей сразу же вопросы возникли к жильцу. Кто ж еще в первую очередь на подозрении окажется? Про него знали, что недавно он уволился в запас после срочной, устроился в деревне работать, а пока своего жилья не было, снял комнату у своей тетки, незамужней матери двоих детей. А что? И той какая-никакая помощь: тех же дров наколоть, не женское дело!

Спрашивают у него, что известно о пропавшей, а он своё твердит, дескать, пришёл с работы, уставший порядочно, никого дома не застал, на печке еда готова, а с работы придешь замотанный, поскорее бы поесть, да на боковую. Вот и не стал домашних дожидаться, сел поужинать. А тут и дед нарисовался, ну, и вспомнилось, что собиралась хозяйка в город. А к кому да чего, он и не знает, помнит, что сына приодеть хотела, был как-то разговор.

Хоть и гладко говорит, и зацепок никаких, и ведет себя вполне уверенно, ни в каких деталях не путается, всё же

было принято решение задержать его до выяснения обстоятельств.

Привезли его в ГОВД г. Благовещенска, и, чтобы соблюсти все формальности, я, дежуривший в тот день по прокуратуре, от начальника следственного отдела Юрия Петровича Шуватова, работавшего на месте происшествия совместно со следственно-оперативной бригадой, получил поручение: формально допросить подозреваемого и задержать по статье 122 УПК РСФСР. Что означает в этом случае «формально»: просто должен был допросить, как подозреваемого, задать несколько самых обычных вопросов о личности и о том, что он может пояснить о преступлении, после чего оформить протокол о его задержании. Не более. Всё остальное в мою компетенцию не входило. И вот в помещении ИВС встречаюсь с писанным красавцем: высокий, стройный, еще житейским жирком не обросший, недавно из армии, девки по таким обычно сохнут. Начал задавать ему процедурные вопросы. Спрашиваю — записываю, всё идёт как по накатанным рельсам. Спрашиваю — записываю. При этом я вполне доброжелателен, тем более, что иначе и быть не может: передо мной ведь не преступник-злодей, а нормальный советский гражданин, по воле случая оказавшийся под подозрением. Вот следователи разберутся — и дело с концом. И так веду свою работу, спрашиваю — записываю, иногда какие-то совершенно незначимые детали из его армейской жизни уточняю, — и получается, что у нас и не допрос какой, а чуть ли не душевная беседа. И так я разговаривал с ним, разговаривал, а потом, думаю, дай-ка, возьму его «на abordаж»! И спрашиваю напрямик: «За что ж ты, мил-человек, аж троих людей жизни-то лишил? Ты ж сколь много и долго можешь отпираться, но твоё злодеяние в окно сосед видел! Аккурат в это время до полочки перехватить хотел, глянул в окно, а ты там ножом орудуешь!» Тут я, признаться, взял его «на арапа»: соседа-то, разумеется, никакого и не было. Побледнел красавчик, не ожидал такого вопроса, он ему —

как обухом; за голову схватился, запричитал, заелозил на стуле, заблажил дурным голосом, мол, и не хотел убивать, да сама она виновата, да... Но тут я ему сказал:

— Заканчивай пьесы разыгрывать, и не таких артистов видывали!

Привёл его в чувство, дал ручку и бумагу, чтобы собственноручно описал все подробности. В общем, всё было банально просто: парень решил добиться от женщины благосклонности и думал, что получит ее легко и быстро — как-никак, — одиночка, а тут целый мужик под боком оказался! Но женщина дала ему отпор, что жильца и разозлило. Он и взмахнул ножом. А на шум выскочила проснувшаяся дочь, его двоюродная сестренка. И тоже под нож попала. Следом он заколол и маленького братишку Андрюшку, чтобы не было свидетелей. А потом, осознав, что наделал, спустил тела убитых в подполье, а кровь в комнате затёр, замыл.

Всё сказанное было зафиксировано в протоколе, а также собственноручно записано. И когда позвонил начальник следственного отдела Юрий Петрович Шуватов, интересуясь, выполнено ли поручение, доложил, что перевыполнено: формальный допрос закончился признанием Папахи в совершении этого тяжкого преступления. И не спрашивайте меня, какое наказание потом получил убийца троих человек, — в предыдущей главе я уже упомянул, что наш суд — самый гуманный...

Случай

А то, вот в Маргаритовке был случай. Но это раньше произошло — я тогда был и.о. прокурора Мазановского района. В селе был обнаружен труп женщины с ножом в области сердца. Поехали туда я и сыщик из РОВД. Приехали, показали нам небольшой, но ладно скроенный дом,

в котором проживали дедок-участник войны и его супруга. Не случайно говорю «дедок» — человек уже в возрасте был, под семьдесят. Ну, входим в избу, сидит у стола усатый старикан, еще крепкий, разве что усы седые да лоб в морщинах. Сидит и плачет. А на полу — женщина лежит. И нож в области сердца. Картина, мягко говоря, печальная.

— Что случилось? — Спрашиваю.

— Да вот, пошёл в магазин за вином, возвращаюсь, а тут такая трагедия, бабушку мою кто-то уколошил!

— А ничего не взяли? Не смотрели? Может украли что?

— Да шут его знает! Я как увидел это — сразу к участковому, мне не до того, чтобы что-то проверять.

Что ж, резонно. Говорю сыщику, чтобы сходил в магазин, выяснил подробности прихода деда: когда, во сколько, сколько минут пробыл, что покупал, о чем говорили, — надо попытаться всё поминутно восстановить.

Сыщик вышел, а я с дедком тем начал по душам разговаривать. Уж так вышло, что заподозрил я его сразу. Дело в том, что участковый, встречая нас, успел сказать, что семья внешне, вроде, как и благополучная, чистенькая, но вот, случается, поругиваются. И нередко. А что так? Да дед любитель «за воротник заложить», а бабушка за то его костерит.

И вот пока ждали совхозную машину, чтобы тело убитой отвезти в райцентр, разговорились мы с дедом.

Спрашиваю, мол, воевал, дед, наверное.

— А то, конечно, воевал!

— И награды, поди есть...

— А как же — вон медаль «За отвагу», вон еще куча всяких.

— А и мой батька воевал, — говорю. — Мой танкистом был. А ты, дед?

— А я разведчиком был! — Отвечает с гордостью. И документы достаёт, в них всё расписано — какой фронт, какое подразделение.

— По тылам, — рассказывает, — находился, с опасностью, считай, каждую минуту встречались, языков брали.

— Ух ты, — восхищаюсь я, — да ты, дед, поди, и всеми видами оружия владеешь!

— А как же! И стреляю, и метаяю! И топоры, и ножи!

— Дед, так ты, судя по всему, и бабуку свою... Того...

Дед опять в слёзы:

— Ой, сынок, не говори, не наводи напраслину, любил я её, бабуку-то свою, — и заливаётся слезами горячими, прямо заливается.

А тут сыщик вернулся, вышли мы с ним, рассказал он, что дед действительно в магазине был. Но только его данные не совпадают с теми, что в объяснении, которое взял со старика участковый. Разница — в целых полчаса.

Дед, получается, алиби себе сделал. Вернулся я в дом, говорю деду:

— Давай продолжим беседу. Конечно, говорю, ты воевал, разведчик, уважаю, но мальчишки-то соседские, услышав, как вы с бабушкой ругаетесь, начали подглядывать в окошко — и видели, как ты метнул в нее нож!

Дед аж завыл после моих слов:

— Ой, сынок, не поверишь, старые привычки сработали. Я резал сало, попросил у нее на бутылку, а она раскричалась, а я и с разворота, по-разведчески, не раздумывая. А потом глядь — а и в самое сердце. Ах, беда-то какая! А что теперь мне делать-то? Перед детьми — позор какой, мамку убил! Как в глаза-то смотреть? Нет мне прощения!

Привезли его в Новокиевский Увал. С делом этим никаких проблем не было, всё было ясно. Повинился дед на суде перед детьми, глаза прятал. И его жалко, и... Да всех жалко. Сложно всё это...

Приговорили его по минимуму, к 6 годам. Потом пришло сообщение, что во время отбытия наказания в колонии, разведчик скончался.

Расчистка Авгиевых конюшен

Не самая здоровая и благопристойная (это мягко говоря) обстановка сложилась в Райчихинском горотделе милиции, которую мне однажды пришлось выправлять и отлаживать. Клубок проблем: очковтирательство, укрывательство нарушений среди личного состава, подтасовка фактов и многое другое, — превратили отдел, в прямом смысле этого слова, в выгребную яму. И только вмешательство прокуратуры области и города (я работал в то время заместителем прокурора города) позволило навести там порядок и вернуть гражданам доверие к городской милиции.

Меня вызвали в Благовещенск к прокурору области Виктору Ивановичу Богомолу, где он ознакомил меня с документами, присланным из Генеральной прокуратуры СССР.

Все подробности пересказывать не буду, но по сути там говорилось, что в Верховный суд обратились двое заключённых, которые считают своё осуждение незаконным. Стоит отметить, что обращались эти сидельцы сами, без каких-либо помощников-юристов, без адвокатов. В те времена обязательное участие адвокатов обеспечивалось лишь тем, кто проходили по тяжким, «расстрельным» статьям. Заявители были осуждены за нетяжкие преступления — кражи личного и общественного имущества. Они описали все детали, хоть и без знания юридических тонкостей, но прямо, откровенно, без прикрас и казуистики. Открыто известили, что не совершали никаких преступлений, а к ним со стороны сотрудников милиции были применены пытки, физическое насилие, психологическое воздействие и проч. и проч., указали имена и фамилии конкретных должностных лиц милиции, которых винили в несправедливости ведения их дела. При этом, сами они на момент нового незаконного обвинения отбывали условное наказание с обязательным привлечением к труду,

находились на территории спецкомендатур. На них, как на библейских «козлов отпущения», и навесили кучу нераскрытых преступлений, а именно краж, и приговорили к максимальной мере наказания в виде лишения свободы.

Верховый суд, изучив жалобу, усмотрел обоснованность доводов и отменил обвинительные приговоры судов, направив уголовные дела в Генпрокуратуру для организации расследования по вновь открывшимся обстоятельствам.

Далее всё спустили в область. Клубок этот должен был распутывать следователь по особо важным делам, но тот сообразил, что дело «пахнет керосином» — сложное во всех отношениях, сослался на болезнь, что желудок забарахлил и срочно придется лечь в больницу. И рад бы, мол, заняться расследованием, всё-таки ответственное поручение, контроль осуществляется самой Генеральной прокуратурой, но, здоровье — вот незадача-то — подвело... В общем, спрятался в кусты. А я, таким образом, попал, как ротан на крючок!

Разговаривая со мной, Виктор Иванович, конечно, высказался, что вряд ли найдется в области специалист, который с таким делом справится лучше, сослался, что совсем недавно я был старшим следователем, напутствовал: «Тебе и карты в руки, принимай дело к производству!» Обычно к похвалам отношусь равнодушно — это с одной стороны, но мне всегда, с другой стороны и это главное, самому было интересно заняться трудным делом: чисто профессиональный азарт!

Начал изучать документы, знакомиться с личным составом ГОВД, хотя по долгу службы многих знал и раньше. Картина стала проявляться действительно неприглядная. Доказательств полновесных еще не добыл, но стало ясно: мужиков действительно привлекли к ответственности против всяких правовых норм и человеческой морали. Даже мог с уверенностью назвать причины случившемуся:

за успешное раскрытие краж раз в квартал сотрудникам выплачивали премию в размере должностного оклада. Вот за эти 90 рублей оперативные сотрудники милиции готовы были (такое впечатление сложилось) маму родную продать, правдой-неправдой доложить о раскрытии преступлений. Липовая раскрываемость.

А за этим скрывалось и другое: неквалифицированная работа следователей, безответственность замполита, покровительство со стороны начальника угрозыска, как минимум, халатность начальника ОВД и, самое главное, — постановление незаконного обвинительного приговора судьей.

Когда в отделе узнали, что дело поручено мне, коллектив раскололся на две половины. Одна часть сотрудников была на моей стороне — это честные, добросовестные работники, патриоты своего дела, а на второй стороне — как раз всякие прохиндеи, фабриковавшие ложные раскрытия, допускавшие избиения и другие противоправные действия в отношении подозреваемых.

Я какую тактику выбрал... Не стал вызывать их в прокуратуру, а сам приходил в отдел — я же по своим должностным обязанностям осуществлял надзор за следствием и имел право свободно находиться в здании ГОВД. Вот я и ходил по отделам, общался, разговаривал, вызывая людей на откровенность. «Подогревал температуру».

Кто-то старался уйти от прямых ответов, за что, даже мысленно, я их не осуждал. Понимал, что я человек пришлый, надзирающий, а им — работать и работать вместе. Постепенно люди оттаяли, начали рассказывать, давать показания, признавать, что практика у них сложилась неправильная: допрашиваемых бьют, истязают, у меня появилась конкретика.

Парней — тех, кто жаловался в Верховный суд, — освободили, с ними я тоже работал. Они дали показания: кто их бил, как пытали ложные сведения, склоняли к самоговору.

Попутно, пока суд да дело, были обнаружены настоящие преступники, воры, чьи грехи «навесили» на условно-освобожденных бедолаг, а самое главное, всё явственнее стала проявляться фигура начальника отделения уголовного розыска, который к тому времени находился в Москве. Он поступил учиться в академию МВД. Выяснилось, что помимо покровительства всякой противоправности, её прямого инициирования, он вдобавок ко всему перед самым отъездом в столицу в пьяном виде на служебной машине приехал на танцплощадку, затащил в машину девчонку, студентку, приехавшую на практику, и куда-то поехал с ней. По пути следования проигнорировал запрещающий дорожный знак (шла укладка теплосетей, дорогу перекрыла траншея) и на полном ходу загремел в ров. Машина — вдребезги, у девушки всё лицо порезано осколками. Чтобы скрыть происшествие, он среди ночи созвал своих дружков, те вскрыли склад, добыли дефицитные запчасти, а девчонке пригрозили: если пикнет — он ей всю жизнь испортит. В общем, оказался самым настоящим злодеем.

Фактуры на него набралось столько, что можно было возбуждать уголовные дела сразу по нескольким статьям. Поехал я на доклад к Богомолу, обрисовал всю обстановку и предложил объединить усилия с комитетом государственной безопасности, иначе милицейское начальство воспрепятствует продолжению работы в отношении своего сотрудника.

Виктор Иванович согласился, встреча с руководством УКГБ состоялась, был выработан план совместных действий.

Встал вопрос, как же вызвать из Москвы преступавшего закон начальника райчихинского угрозыска. Если обращаться к руководителю УВД, генералу Марьясову, значит обречь дело на провал: спасая честь мундира, быстро бы вынудили сотрудников, давших правдивые показания, отказаться от них. Методов для того существует и по сей

день очень много.

Прошу дозволения у Богомолова на некие оперативные действия. Виктор Иванович немного подумал, а потом сказал: «Действуй, только чтобы я не знал».

И я отправил в Москву, в академию МВД телеграмму от имени руководства областной милиции с просьбой откомандировать в Благовещенск нашего «героя» на предмет рассмотрения его кандидатуры на должность начальника ГОВД.

Представляю, какую радость испытал наш подследственный, никогда не скрывавший своих карьеристских устремлений, когда ему в академии сообщили столь приятную новость. Это ж надо: всего лишь старшего лейтенанта милиции — и на должность начальника отдела городского масштаба! Он тут же позвонил своему приятелю и покровителю начальнику райчихинского горотдела, мол, вызывает Марьясов, должность собирается предложить... Вместе они порадовались такому известию.

А в аэропорту его уже ждали переодетые в пограничную форму сотрудники комитета госбезопасности. Под видом проверки документов (отмечу, что он громко вслух возмущался, мол, знают ли пограничники, что собираются проверять будущего начальника?!) его препроводили в дежурку, откуда уже в наручниках привезли в областную прокуратуру.

На этом рассказ можно и закончить, просто добавлю, что вина его по всем позициям была доказана, и он получил реальный срок заключения. В местах не столь отдалённых прошел неплохую школу и, освободившись, стал во времена перестройки очень успешным предпринимателем.

А горотдел милиции после этих событий изрядно «пошерстили»: начальника сняли с должности, те сотрудники, у кого рыльце, как говорится, было в пушку, поувольнялись (к сожалению, не все), у замполита случился инфаркт, судью, вынесшую неправильный приговор тем,

кто жаловался в Верховный суд, отправили в отставку — в общем, пусть и не в полной мере, но правда всё-таки, восторжествовала и, выражаясь языком древних греков, авгиевы конюшни были вычищены...

А я продолжу рассказ на тему оздоровления милицеских коллективов.

Вот уж, как говорится, прилетело, откуда и не ожидал: вдруг вызывает прокурор области Илья Федорович Бурик и весьма строго пеняет на то, что я не в курсе того, что делается на подведомственной мне территории. Распекает, что упустил случай, когда сотрудники милиции покалечили человека, переехав его на машине. Уже два года прошло, никто этой проблемой не занимается. В результате, виновные не наказаны, а потерпевшему ни материального ущерба не возместили, ни морального вреда не компенсировали. А между тем — продолжает распекать меня прокурор области (хотя я и не понимаю, о чем речь!) — этот человек получил тяжелое увечье, остался без ноги, ныне находится на инвалидности, не может работать так, как работал до того печального случая.

В разговорах с руководством вообще лучше всего слушать, а не перечить, тем более, что прокуратура и не позволяет подобных вольностей: соблюдение субординации здесь, пожалуй, жестче, чем в армии, тем не менее я всё же попытался вставить несколько слов, что мониторинг такого рода ситуаций не входит в мою компетенцию — это раз; второе: случай произошёл еще до того, как я — старший зональный прокурор следственного отдела — был назначен ответственным за целый территориальный куст — это г. г. Шимановск, Тында, Сковородино и Свободный (а несчастье произошло именно там); третье: неясно, почему происшествие абсолютно ни в каких документах не зафиксировано; четвертое...

Но прокурор области, повысив (и весьма здорово, чего

ранее за ним не наблюдалось) тон, сказал, что не намерен разбираться, кто за что отвечает, главное — из Генеральной прокуратуры пришёл запрос, и мне даётся 10 дней для наведения порядка.

Тут многое встало на свои места. Оказалось, что два года назад автомобиль, принадлежавший Свободненскому ГОВД, в котором находились не совсем трезвые сотрудники милиции, допустил наезд на пешехода, мирно переходившего дорогу в установленном месте. Пешеход сильно пострадал, перенес несколько операций, уже не мог полноценно передвигаться, а когда начал искать правду, вдруг выяснилось, что милицкий автомобиль был угнан, а кто находился за рулём — выяснить не удалось, так как угонщики бросили автомобиль на какой-то окраинной улице, не оставив никаких следов.

Дальнейшие злоключения пострадавшего иначе, как «хождением по мукам», сложно было бы назвать. Куда он только не обращался, по каким только инстанциям не ходил, куда бы ни жаловался, — всюду наталкивался на холодную отчужденность, равнодушие, нежелание с ним общаться, на отписки и отговорки, суть которых заключалась в следующем: угонщик машины не выявлен, виновного в аварии найти не удалось, дело закрыто, нас не беспокойте. Всё.

Но человек не смирился, что с изощрённым садизмом по нему катается ещё и бюрократическая машина, и начал писать жалобы на бездействие местной милиции в Москву. Одно из таких писем было отправлено в Генеральную прокуратуру, да не просто по почте, на которую в то время надежды было мало: а вдруг перехватят? — а с нарочным. Не стал дожидаться ответа, и сам поехал в Москву, к самому Рекункову, который в то время был Генеральным прокурором. Дошёл он до него или нет — сейчас сказать не могу, но жалобы его возымели действие: из столицы в областную прокуратуру пришло требование во всём разобраться и дать ответ в сжатые сроки.

Тут уж не до выяснения отношений с вышестоящим руководителем. Здесь, получив приказ, надо просто «рыть землю».

Чем я и занялся.

Поднял из архива списанное дело, и, выяснив, кто находился под подозрением, начал анализировать протоколы допросов. Читаю — вроде бы все чистенькие, ни в чем противоправном не замешанные, доблестные защитники правопорядка, служаки, каких поискать...

Изучаю послужные списки и личные дела этих сотрудников, разговариваю с их коллегами, при этом не веду формальных опросов-допросов, а просто общаюсь по-человечески на внеслужебные темы о том-о сём, как в семье дела, да как служба продвигается, не в тягость ли, а какие отношения с сослуживцами, а кто и что из них стоит, можно ли с ними идти в разведку. Вроде и ни о чем, а на самом деле составляю портреты тех, кто был в этом деле замешан. И потихонечку выглянуло у одного из них не самое приятное, что называется, нутро: на первый взгляд — добросовестный служака, но не всегда откровенен, не всегда правду скажет — лучше промолчит, ну и, такое впечатление у тех, кто рядом с ним работает, что перед руководством старается показать себя в лучшем свете, не имея на то оснований, всё выслужиться хочет, и, прямо скажу, узнал, что вроде как «подстукивает» руководству на своих же.

Решил я этого субчика взять в оборот, с него начать расследование порученного мне дела. Но, чтобы не «с кондачка», не сразу с оголённой шашкой, — подготовился, обеспечив все тылы и фланги. Узнав, что один из тех, кто был участником преступления, находился в тот момент в подмосковном санатории, будто бы случайно, в обществе нескольких человек проговорился, что отправил в Москву телеграмму с предписанием, чтобы того допросили по поводу давнего происшествия.

Понятно, что слух моментально распространился

по всему отделу, то есть, стало ясно, что «Бойченко — копа-ет»!

А буквально через день сделал так, что в отделе прошел слухок, будто ответ я получил положительный, и что меня спрашивают, есть ли необходимость этапировать в область сознавшегося во всем виновного. После этого первым на допрос вызвал именно того, кто выглядел послабее других.

Разговаривал с ним жёстко, без всяких сантиментов. Сказал, что допрошенный в Москве по существу давнего дела Лобанов (фамилия того, кто находился в санатории) дал правдивые показания, рассказал все подробности, поэтому утаивание каких-либо деталей чревато усилением строгости наказания. В то время, как полное признание, позволит наказание смягчить.

Ну, наш герой и «поплыл»...

Как на духу выложил, что в нарушение всех правил, поехали с друзьями-сослуживцами на служебной машине в баню, попарились, выпили, на обратном пути отвлеклись за разговором — и сбили мужика.

Сбить — сбили, а потом и сыграли «в труса». Тот, кто за рулём был, говорит, давайте мужики, одной линии придерживаться, скажем, что знать ничего не знаем, что машину у нас угнали, а мы не при делах. Сообщили в ГАИ, что вот такая незадача, из-под носу кто-то на машине уехал... И дальше — всё понятно.

Допрашиваемый, понятно, просил, чтобы я ни в коем случае не говорил никому, что он первый дал правдивые показания.

— Так всё равно же все будет известно. — Не понял его я.

— Ну, хотя бы будут думать, что я в знак товарищеской солидарности упорно стоял на том, о чем договаривались!

Дальше, понятно, мне было уже легче, дальше я основывался на показаниях первого, и, таким образом, раскрутил весь этот клубок событий.

Вместо десяти дней справился за четыре.

Еду на доклад в Благовещенск, меня встречает довольный прокурор области, улыбается, нахваливает, молодец, помог прокурору города справиться с задачей, можете, если захотите, работать рука об руку!

Я не стал разубеждать своего руководителя, что результата добился именно я: меня занимал именно процесс расследования, мне была интересна галерея людей, с которыми пришлось столкнуться, — их психологические портреты, их внутренний мир, их убеждения — настоящие ли это борцы за социальную справедливость, или случайные люди.

А славословие и прочие награды...

Я уже говорил, что ко всяким похвалам отношусь весьма равнодушно.

Резонансное дело

Самым серьезным своим расследованием считаю «Дело Кушнарука». Заканчивал это дело, правда, не я, меня перевели в другое место, но именно я дело начал, долго и кропотливо им занимался вместе со старшим следователем, профессионалом, каких редко встретишь, Галиной Александровной Пысиной, пережил очень много неприятных моментов. Подследственный был весьма авторитетным человеком, о нем чуть ли не в каждой газете писали, все время в передовиках, все время в почете. За него столько влиятельных лиц заступалось, столько подножек мне пытались поставить — всего не опишешь! Скажу так, после этого дела мне уже не было страшно ходить с открытым забралом против всяких нарушителей законности.

Я же был, по сути, мальчишкой, хотя и исполнял обязанности прокурора города, и на мою голову сколько высокого начальства было!

А почему потом ничего не было страшно, так это потому, что именно то дело позволило утвердиться в вере в силу закона. Дело было громким, дело было сложным, по большей части из-за серьезного противодействия, но буква закона — восторжествовала, несмотря даже на то, что подследственный был личным другом Первого секретаря обкома КПСС Степана Степановича Авраменко!

Кто такой Первый секретарь обкома в советское время — рассказывать не надо. Хозяин! Хозяин всему и вся! А тут на его друга руку подняли.

А как всё произошло...

В прокуратуру поступила жалоба от Ивана Тимофеевича Дудко, машиниста тепловоза — он уголь перевозил. Передовой рабочий, орденоносец писал, что за самоотверженный труд его поощрили автомобилем ГАЗ-69. Автомобиль, при этом, был списанный — сами понимаете, в советское время «Газики» в торговую сеть для населения не попадали, это ж не «Жигуль» какой, не «Запорожец», которые тоже, кстати, попробуй купи! А для нашего труженика даже списанный, но очень ещё на ходу, автомобиль — радость на всю оставшуюся жизнь.

Так вот, написал этот машинист, что автомобиль оплатил, как положено, а начальник разреза Кушнарук машину не отдает, сам ее использует.

Понятно, что на жалобу необходимо реагировать.

Вызываем начальника разреза в прокуратуру для беседы — не идет: он же себя «центром земли» считал. Раз повестку послали, два... Решили, что если гора не идет к Магомету, то — наоборот. Вместе с сотрудниками ОБХСС приехали к нему. Вот она, стоит машина. А в ней полным-полненько новейших запчастей! И на эту же самую машину, и на другие марки. Еще в смазке! Как? Почему? Откуда запчасти? Ну, ясно же, что не из магазина! Какой магазин, когда вокруг сплошной дефицит абсолютно всего! И запчастей этих — на кругленькую сумму, а это уже не злоупотребление служебным положением, здесь попа-

хивало самым что ни на есть хищением.

Так мы и ухватились за кончик ниточки. Решили действовать дальше.

Вначале по заявлению провела прокурорскую проверку с выездом на место помощник прокурора. Оказалось, что рабочие разреза, государственного предприятия, в рабочее время строили из материалов разреза два личных гаража для своего руководителя, при этом на месте были застигнуты полные автомашины готового раствора бетона: как раз заливали погреба в этих гаражах. Возбудили уголовное дело и устроили уже полноценный обыск. Я за свою практику, конечно, многого навидался-насмотрелся, с какими только преступниками не встречался, ко многому привык (хотя разве можно к преступлениям привыкнуть?!), но тогда впервые поразился людской жадности. Как мог человек, наделенный властью, очень хорошо зарабатывавший, облаканный руководством, имеющий всё, что можно иметь, как мог такой человек опуститься до подобной мелочной мерзости: до кражи книг, до присваивания уже использованной техники. Официально на допрос привезли его после обыска, начали выпрашивать подробности противозаконной деятельности. Понятно, не трудовой. Он сослался на болезнь, сказал, что у него сахарный диабет, что ему необходимо в определенный срок принимать лекарства, что плохо себя чувствует. Его и отпустили домой. А потом к нам поступило сообщение, что вечером Кушнарук, живший в коттедже, выстрелом из мелкокалиберной винтовки разбил фонарь, который освещал территорию его земельного участка, и всю ночь что-то закапывал в своем дворе и огороде. Наутро мы попросили у военных нормальный войсковой металлоискатель и отправились проверять, что же подозреваемый в совершении хищения государственного имущества прятал в земле.

Приехали, видим, земля взрыленная, и куда не сунешь технику — показывает, что под слоем земли что-то есть. Выкапываем абсолютно новые автодвигатели в заводской

смазке, другие крупные и мелкие в заводской упаковке автозапчасти.

А в одном месте — датчик просто «бесится», сигнал не прекращается. Выкопали новёхонький холодильник с шагающего экскаватора — техника тогда уже была оснащена так, чтобы рабочему было удобно, чтобы все под рукой было. Короче, не брезговал начальник ничем, наживался на своих же рабочих.

Вещдоков из его усадьбы повезли — полностью загруженный кузов ЗИЛ-130. Оформили задержание на трое суток. Райчихинск, небольшой город угольщиков, загудел, как улей от такой новости.

А меня вызывает в Благовещенск прокурор области — В. И. Богомолов. Со всей строгостью, я бы сказал, даже зло так, спрашивает:

— Ты что делаешь? Да ты знаешь, что Кушнарук — друг Степана Степановича?! Да если до первого дойдет — нам с тобой мало не покажется!

Очень серьезно мы с ним поговорили, жестко.

Я на своём стою, говорю, что поступаю строго по закону, что нет тут случайностей, что не просто превышение служебных полномочий, не волюнтаризм местного пошиба, а самое настоящее воровство! Как ни твердил Богомолов, а он высокий мужчина, крепкий, голос у него громкий, басовитый, что и сам я на неприятности нарываюсь, и другим добра не приношу, я сказал, что не отступлюсь.

Закончил Богомолов нашу встречу вполне «отеческим» напутствием, мол, провалишь дело — не работать тебе в прокуратуре!

Тут я осмелился поперечить прокурору области:

— А если не провалю?

Помолчал Виктор Иванович, попытал маленько, что и говорить, переживал очень сильно, понимал, на какое обострение идет с Авраменко.

— Если доведешь дело до суда, если всё докажешь, — сказал, потом помолчал и продолжил, — в общем, желаю

удачи!

И добавил:

— А Кушнарука — выпусти.

— Да, как выпусти, я же вполне законно его задержал, для этого все основания есть, ничего не нарушил абсолютно!

— Выпусти, выпусти! — Распорядился Богомолов, ему-то, главное было, с Авраменко не ссориться, — придумай что-нибудь!

Вернулся в Райчихинск, душа не на месте. С одной стороны, кто, как не мы должны стоять на страже законности, с другой — можно оказаться на улице, при этом не принеся никакой пользы. Значит, нужно было искать дипломатическое решение вопроса.

Написал постановление, что в связи с болезнью подозреваемого надлежит изменить ему меру пресечения — содержание под стражей на подписку о невыезде. Ну, и выпустили его.

А ранним утром меня вызывают в горком партии и второй секретарь, Первый в отпуске был, на меня, как танк сразу же и наехал, не успел войти. Он и сесть не предложил, давай, как мальчишку отчитывать: как посмел уважаемого человека, члена городского комитета КПСС, депутата горсовета, орденоносца, руководителя передового предприятия — за решетку посадить?! Моих доводов не слушает, кулаком по столу стучит, кричит, с одной стороны думает, как это какой-то прокуроришка мог без высочайшего позволения самостоятельно вопрос решать, а с другой, вижу, ему страшно: узнает Степан Степанович, и с городского руководства шкуру снимет!

Кричит он, кричит, а я ему тихо:

— Да что вы кричите, никто не сажал Кушнарука, на свободе он.

— Как на свободе, да весь город гудит, что посадили!

А я простачком прикидываюсь, говорю:

— Давайте в изолятор позвоним, чтобы вы убедились.

Не поверите, действительно позвонил он начальнику следственного изолятора, а тот с чистой совестью отвечает, что нет там такого подследственного.

А горкомовский секретарь, хоть и сбавил после этого немного обороты, все равно продолжает свою линию гнуть, мол, почему вообще к Кушнаруку привязались, как посмели на его доброе имя тень навести.

«Ах, доброе имя, думаю», а вслух говорю:

— Не знаете вы, товарищ секретарь горкома, что ваш друг-приятель, «уважаемый человек» помимо всего прочего оказался еще и обыкновенным трусом и, спасая свою шкуру, рассказал много такого, о чем, по сути, его и не спрашивали.

Послушал я, послушал, как изгаляется над правосудием товарищ секретарь горкома, да и выложил ему на стол документы.

Тот впился глазами в написанное, начал читать — и побелел. Всю спесь, как рукой сняло. Буквально на глазах переменялся. Из грозного вершителя судеб превратился в заискивающего человечка.

А я объясняю ему, что на основании показаний мы должны дать правовую оценку тому, что происходило, говорю, что налицо преступление в чистом виде, что мы обязаны расследовать.

И так он, и этак со мной, интересуется, как можно изъять из показаний часть сказанного. И у кого спрашивает, у исполняющего обязанности прокурора города, самого главного защитника закона он спрашивал, как закон нарушить.

Конечно, в той ситуации я не чувствовал себя каким-то победителем, сумевшим доказать свою правоту, абсолютно нет. Ощущал огромную усталость от осознания того, что первые лица города, те, кому доверили большую власть, кому доверили построение нормальной человеческой жизни, на самом деле — стяжатели, любители лёгкой наживы, двурушники. И еще я понимал, что в очередной раз нажил

себе влиятельных врагов.

При всех препонах, подводных течениях и прямом противодействии и со стороны властей, и со стороны подозреваемого в преступлении, мы продолжали расследование. Сделали запросы в финансовые учреждения на наличие денежных вкладов на имя Кушнарука. Оказалось, вклады были по всей стране на крупные суммы, невообразимые по тем временам. Горняки хоть и получали хорошо, но не настолько же. Честным трудом в советское время таких денег никто не мог заработать. Я, конечно, немного утрирую. Наверное, были большие ученые, получавшие особые премии, в том числе, и государственного масштаба, но, чтобы руководитель среднего звена. В общем, стало понятно, что здесь целый букет: и хищения, и злоупотребление служебным положением, и мздоимство.

Во время проведения расследования поступил сигнал, что подследственный, проигнорировав подписку о невыезде, куда-то срочно выехал. Рванул он в сберкасса Новобурейска, где закрыл один из своих счетов на сумму 26 тысяч рублей. Позднее пояснил, что такого количества денег в кассе банка не оказалось и ему выдали облигациями, которые по пути домой он сжег в поле. Эти его показания вызывали, мягко говоря, улыбку, и были сомнительными. Но таков был способ его защиты. Арест на другие вклады в разных городах страны был наложен органами следствия вовремя.

Вообще, отмечу, что в процессе расследования, всё больше проявлялись именно неприятные стороны этого человека. Все его покровители от его защиты отказались.

Дальнейшие детали расследования не так важны, это сложная рутинная работа: опросы, осмотры, очные ставки и т. д. Главное — дело было доведено до суда, и зарвавшийся начальник угольного разреза получил по заслугам.

Результат несоблюдения правил. Поиски пропавшего солдата

К нам в прокуратуру на Увале запрос поступил — пропал парень, солдатик демобилизованный. Служил он в железнодорожных войсках, получил при увольнении в запас приличные по тем временам деньги — полторы-две тысячи рублей. Добирался до дома, путь его пролегал через Новокиевский Увал, и здесь, в райцентре, ему пришлось подзадержаться. Уже и не помню точно, но, кажется, у него была пересадка на другой автобус. И вот вечером — сами понимаете, дело молодое — пошел он на танцы в Дом культуры. Пошел, да и пошел, и внимания толком никто не обратил, как он затерялся — молодежи-то хватало.

Время прошло, мать ждет, волнуется, он ведь телеграмму ей давал, что возвращается — она и обратилась в прокуратуру с просьбой помочь найти парня.

Начали проверять, приступили вплотную к расследованию. Выяснили, что в тот вечер в клубе ансамбль играл, и этот «дембель» познакомился с одним из музыкантов. Интересы у них общие проявились — современная музыка. На этой почве и сошлись. А музыкант тот был, скажу так, поверхностный парень, постоянного места работы не имел — всё на каких-то «подтанцовках» — то в ресторанчике подрабатывал, то еще где.

Далее мы узнали, что после танцев они ушли вместе. А куда ушли? Раз вместе ушли, наверное, к этому музыканту.

Решили навести справки, отправили к нему домой оперуполномоченного — Николая Михайлова. Подозреваемый, как только сотрудник милиции у него на пороге появился, сразу в амбицию, спрашивает, почему, мол, интерес к его фигуре? Есть ли у Михайлова поручение на проверку?

— Да, есть, — отвечает, — военная прокуратура сделала

запрос, изучаем всё, что касается этого дела. Плюс, видели, что вы вместе уходили, вот и проверяем все версии исчезновения.

Речь, понятно, пока не шла об убийстве — только об исчезновении.

Музыкант на вопросы отвечает:

— Да, ушли вместе, но тот собирался уезжать, прошлись по улице, поговорили, на том и распрощались.

Ничего подозрительного опер не заметил, хотя взгляд у человека был опытный. Но все-таки обратил внимание на неестественное поведение парня.

Вот об этом и доложил.

Опер докладывает, и я тоже чувствую, что-то не так. Давайте, говорю, возьмем собаку — и к нему!

Почему почувствовал — не знаю. Интуиция, наверное. И информация — видели его с солдатом, видели, что заходил к нему в дом, а больше — никто ничего. Значит, надо проверить.

Я вообще всегда очень дотошный был, докапывался до самой ничтожной мелочи, до всего того, что на первый взгляд было совершенно незаметным, незначительным. Меня не случайно за глаза называли «удавом»: уж если кто-то попадался в поле моего зрения — можно было быть уверенным, что уже не выпущу, пока не докопаюсь до истины. Кстати говоря, однажды я от своего правила отступил — вроде и по независящим от меня обстоятельствам, что меня, разумеется, не оправдывает. По сию пору корю себя. Я немного изменю хронологию рассказа — и на этот эпизод обращаю внимание.

Дело серьезное было. В совхозе «Успеновский», это в Бурейском районе, злоумышленники попытались ограбить совхозную кассу. Узнали, что там есть деньги, 40 тысяч рублей, их привезли, чтобы выдать зарплату.

Ночью подъехали на машине, все рассчитали правильно — и время глухое, и ночь, как на заказ темная, и инструменты у них необходимые при себе. Все бы полу-

чилось, если б не просчет: сторож, его фамилия была Семиколенов, оказался на редкость добросовестным, не спал где-то в уголке, а исправно нес свою службу. Боевой был дедок!

Грабители думали, что все спокойно обернется, а не тут-то было! Сторож услышал шум подозрительный, взял в руки свое ружьё и пошёл узнать, в чем дело. И нелюди-грабители, увидев деда, да еще и с ружьем, застрелили его.

А в это время один из подельников бензопилой распиливал сейф, чтобы достать деньги. Услышав выстрелы, испугался и дал дёру.

И в общем, всё у бандитов пошло не так. Они отказались от своей затеи и, чтобы скрыть свое преступление, подожгли контору.

Уже потом, расследуя преступление, выяснили, что и сейф они резали совсем не тот, в котором были деньги. Нужный сейф находился за дверью, не виден, а, самое интересное, он и заперт не был. Но это просто к слову.

Так вот, постановлением прокурора области создана серьезная оперативно-следственная бригада УВД, в которую вошли опытейшие сотрудники во главе с начальником УГРО Шалениным Юрием Васильевичем и мной, старшим следователем прокуратуры области. Если сказать, что землю рыли — ничего не сказать! Проверяли, кто хоть каким боком попадал в поле зрения, хоть каким-никаким намёком!

И вот однажды, буквально через две недели после начала расследования, мне поступила неофициальная информация, что есть человек, который интересуется, где бы найти взрывчатые вещества.

А для чего советскому человеку такие припасы? Решил этого человека порасспрашивать поподробнее, что за интерес у него такой. Им оказался водитель директора Райчихинской обувной фабрики, возил своего шефа на ГАЗ-21.

Вызываю этого фигуранта для беседы, и как только он вошел, я сразу почувствовал, что он связан с нашим основным делом: глаза бегают, руки дрожат, на лице неестественное выражение. Вроде, хочет показаться спокойным, а мимика выдаёт внутренний трепет.

И он рассказал, что на служебной машине в компании приятелей ездили кататься, мол, искали падких на приключения девушек, заезжали на центральную усадьбу совхоза. Приятелей назвал — уже потом оказалось, что он мне перечислил всех участников ограбления.

Я спрашиваю:

— А как это ты брал машину без разрешения директора?

— Да вот, нарушил дисциплину... Но иногда директор разрешал мне ездить по своим делам.

— А если, — спрашиваю, — заезжал на центральную усадьбу, не заметил ли чего подозрительного?

Отнекивается, говорит, что ничего не видел. Но я-то чувствую, что-то знает, что и ответы слишком обдуманны, и нервничает, хотя виду старается не подавать.

И тут я ему конкретный вопрос задал:

— Для чего тебе взрывчатые вещества?

Он, как слизняк стал...

Мне оставалось, по сути, только «дожать» его. То есть, даже если б он не был причастен к ограблению, то всё равно что-то скрывал, и эту тайну я бы раскрыл, но...

Но в это время заходит работник уголовного розыска УВД, бывший начальник отделения в Райчихинском ГОВД, он членом нашей оперативной группы был, Владимир Борисович, и говорит шофёру:

— О, Серега! А ты чего тут сидишь?

— Да вот, — отвечает. — допрашивают меня.

— Сергей, — тут уж опер обращается ко мне, — перестань, это наше доверенное лицо, наш штатный сотрудник.

Я начал пояснять, что есть определенный оперативный

интерес — да где уж там!

— Да брось ты, — говорит он мне, — нам нужно ехать отрабатывать информацию, а он как раз на машине, — всё, вперед!

Мне пришлось согласиться, тем более, он пояснил, что это доверенное лицо.

Я прекратил разговор. А сам подумал, что это нужно крепко уточнить. И в своей записной книжке пометил — проверить версию причастности к расследуемому делу. Между прочим, книжка по сию пору сохранилась с этой пометкой. Я ее берегу, как напоминание о том, что при расследовании нет никаких мелочей, что всё нужно скрупулезно проверять.

Проходит время. Мы перелопатили всех и вся. Чувствуем, дело «гаснет», в тупик заходим, нет никаких ниточек, а те, что появляются, ведут в никуда.

А расследование наше — на контроле в обкоме партии: в то время нераскрытое убийство — это же ЧП!

Пока мы искали грабителей и убийц — столько преступлений, столько «висяков» раскрыли! Попутно упомяну вот такой случай: в Бурейском районе была спецкомендатура. И к нам доставили двух досрочно освобожденных (?), которые, находясь под надзором, нарушили правила содержания, провели ночь где-то в другом месте.

Говорю им, что они подозреваются в совершении умышленного убийства сторожа.

— Начальник! — Отвечает один из них, — я «мокрухой» не занимаюсь, я вор!

— А где ты был той ночью? Рассказывай, мы уже знаем, что ты нарушил режим!

— Да, я у бабы был!

— У какой бабы?

Называет имя, адрес.

Едем, проверяем. Соврал. Наверное, не успел договориться со своей подругой.

Давай дальше с ним работать.

И что! Оказалось, что в Молчаново они «на уши» магазин поставили!

Хорошо взяли — и продукты, и пальто женские дорогие, с мехом чернобурки, — да мало ли.

Звоню начальнику Мазановского РОВД Савостьянову, уточняю, не было ль кражи.

— Была, — сетует, — пока не могут преступников найти.

Ну, а тут мы с таким подарочком, с уже раскрытым преступлением...

И таких примеров были десятки.

А тот самый шофер, которого я допрашивал, его фамилия была Секретенко, рассказал своим подельникам, о том, что «следак» чуть не расколол его, и похоже докопается, и они решили меня убрать. Убить, проще говоря. Ужинала наша следственная бригада поздно: пока все дела завершишь, пока все необходимые документы заполнишь, пока обменяешься мнениями, информацией, набросаешь планы дальнейших действий — уже и ночь на дворе! А после ужина — бригада в гостиницу, а я к брату, у которого жил. И бандиты меня выследили, два дня провожали, ходили следом, высмотрели, куда хожу. И решили, как в их среде говорят, «замочить». Спас меня, не зная того, сам брат. Он как раз вышел выносить мусор, и мы перед подъездом перекинулись с ним парой слов. А брат у меня работал в КГБ. Увидев, что я разговариваю с комитетчиком, бандиты от своей затеи отказались.

И пока суть да дело, один из грабителей, чтобы, как говорится, поглубже уйти на дно, совершает какое-то незначительное преступление, какую-то «мелочовку», что-то украл такое, что и слова доброго не стоит. За то его и посадили на нары. И вот сидит он там, бдительность всякую потерял, думал уже, что вышел сухим из воды, и однажды сболтнул языком нечто такое, что быстро донеслось и до наших ушей — я уж не буду раскрывать всех тонкостей нашей работы. Так и раскрутили все детали долго не поддававшееся раскрытию преступление.

Если подводить итог, то — удалось бы мне закончить допрос шофера Секретенко, грабеж в совхозе раскрыли бы в считанные дни. Вот такой серьезный урок мною был получен на будущее.

Но я продолжаю рассказ о пропавшем солдате. Запустили мы в дом к подозреваемому собачку. Она забеспокоилась, видно, что не просто так... Мы давай уже детально квартиру осматривать — видим, на стене пятнышки крови — откуда, почему? Заметили, на полу есть место тщательно замываемое, видно, что терли усиленно. То есть, косвенные признаки — налицо.

Предлагаю я срывать половицы.

Пол срываем, из-под земли — рука и погон выглядывают...

Начали допрашивать, музыкант, или кто он там, сразу признается, что разговорился на танцах с солдатом, много общего между собой нашли, и пригласил его переночевать. А уже дома увидел, что у того большая сумма денег, обуяла жадность — и забил его.

А труп куда девать — некуда девать, закопал его прямо под половицами.

Рассказывает всё это, и плачет, и умоляет, только не расстреливайте меня, я с вами важной информацией поделюсь.

— Что за информация?

— А вот на Увале есть китайский шпион.

— С чего ты взял?

И он называет того, кого считает шпионом. А на Увале было два фотографа — в быткомбинате работали, и один из них — китаец Саша. Второй фотограф — русский, и, бывало, по производственной необходимости ездил на военный аэродром, и Сашу брал с собой в помощники, чем тот и пользовался, как потом стало выясняться. Но как это понял наш подследственный?

Рассказывает, когда выпивал с солдатиком, тот говорил, что фотограф-китаец у него интересовался грунтами — плотностью, составом, какова степень промерзания, какая техника используется. Солдатик и «смикитил», что не все тут чисто.

Мы к этому китайцу, давай его расспрашивать, он, конечно, в отказ, ни о чем не говорил с солдатиком, а мы его жилье попутно осматриваем, а у него справочников различных. Полки забиты. И по авиации, и по авиабомбам, и по грунтам — чего только не было. Видно, что серьезно относился к своей «фотографии».

Передали это дело мы в КГБ — это уже не наша компетенция была, нас Саша интересовал только с позиции убийства «дембеля».

Вот только одну еще интересную деталь расскажу: арестовали этого фотографа, руки в наручниках за спиной, подвели к автозаку — машине, в которой заключенных перевозят, а машинка не просто так, высокая, ГАЗ-66.

Так вот он как стоял на земле, оттолкнулся обеими ногами — и впрыгнул в дверь. Вы так сможете? Так не каждый циркач-акробат сделает. То есть, выучка у парня была — та еще. Не прост был.

Вот так история с исчезновением солдатика переросла еще и в шпионскую, но тут, повторю, — дело других органов.

Стечение обстоятельств. Охотничий билет

Мне не раз приходилось слышать, что я «везунчик», что чаще всего мне попадались такие преступления, раскрытие которых лежит чуть ли не на поверхности, что судьба преподносит мне, как на блюдечке, уже готовые решения. Кто-то мои успехи называл везением, кто-то случайными стечениями обстоятельств, и почему-то редко кто

добавлял к этому наблюдательность, знания, опыт, умение обращать внимание на самые незначительные, на первый взгляд, детали. Интуицию, в конце концов!

Смешно было слышать такие выводы: получается, что преступники специально выбирали меня, чтобы подsunуть мне лёгкую задачу. Но все знают еще со школьных времен, что задачи успешно решаются только теми, кто старается их решать. Кто постоянно учится и работает над собой.

Хочу рассказать о случае, когда в раскрытии весьма сложного преступления мне помогло всё то, что я успел перечислить, и даже — не поверите, — моя охотничья страсть. Между прочим, как знать, не будь я охотником-любителем, удалось бы найти преступников по горячим следам?!

Произошло это в лихие девяностые, когда я служил закону прокурором г. Свободного. Не проходило ни дня без серьезных преступлений, разборок преступных групп; участились преступления против личности. Случались и убийства — в основном, на бытовой почве, и они были очевидными, не представлявшими особого труда при их раскрытии.

Но иногда приходилось фиксировать и такие, для раскрытия которых нужно было трудиться в поте лица. Они совершались, как правило, с особой жестокостью, найти преступника было очень сложно и, к сожалению, не всегда возможно. Впрочем, в моей практике неудачи не встречались. Это я к вопросу о том деле, о котором пообещал рассказать. Его вполне можно назвать эталоном раскрытия неочевидного убийства следственным путем.

Начну традиционно с телефонного звонка. Именно с него начинается очередное расследование.

— Товарищ прокурор, в городских лесопосадках обнаружен труп! — Сообщил дежурный горотдела милиции, — оперативная группа уже на месте и ждет прибытия вашего следователя!

По таким преступлениям на место происшествия вме-

сте со следователем был обязан выезжать прокурор. Вот и в этот раз, как и во многие другие, мы со старшим следователем прокуратуры Эдуардом Буровым, — сотрудником очень дотошным, скрупулёзно относившимся к своей работе, обладающим многими знаниями, поехали к месту обнаружения труп.

В салоне нашей машины для плодотворного взаимодействия с различными службами правоохранительных органов в целях быстрейшего расследования была установлена и работала радиостанция, настроенная на милицескую волну. Слыша переговоры начальника отдела с сотрудниками уголовного розыска, мы сделали вывод, что милиция не уверена в раскрытии преступления, считает его «глухарём».

На месте происшествия, в молодом сосняке, недалеко от накатанной между елок дорожки, на небольшой полянке лежал труп мужчины. На нем была окровавленная цветастая рубашка; лицо изуродовано до неузнаваемости. Бросались в глаза большие губы, было непонятно: то ли они распухли от нанесенных побоев, то ли были такими по воле матушки-природы.

Хотя вся одежда трупа была окровавлена, на том месте, где он лежал, крови не было, как и не было видно следов борьбы, что давало основание полагать, что тело откуда-то привезли. И действительно, при еще более тщательном расширенном осмотре были обнаружены вдавленные следы протекторов грузовой машины, идущие со стороны трупа к накатанной дорожке. Рядом с убитым нашли кусочек алюминиевой проволоки, от чего-то отвалившийся. Никаких документов либо чего-то такого, что могло бы хоть как-то пролить свет на личность убитого, на месте обнаружено не было.

Следователь закончил составлять протокол осмотра. Труп отправили на экспертизу, все разъехались выполнять поставленные после небольшого совещания задачи.

Мы с Буровым возвращались в прокуратуру, когда

по дороге слышали по радиостанции о краже в одной из квартир в микрорайоне Ударный. Дежурному по отделу сообщали, что квартира вскрыта без взлома, по словам соседей вынесены ценные вещи, при этом было сказано, что на полу видны во многих местах капли, похожие на кровь.

Услышав эти переговоры милицейских сотрудников, я ощутил волнение, возникло такое чувство, будто я напал на след. Говорю следователю:

— Поедем, проверим, не нашего ли мужика там убили?

По приезду, вместе с милицейскими следователями, которые уже были на месте и производили осмотр, изучили и обсудили происшедшее. Было件нятно, что кровь появилась от пореза разбитым стеклом на дверях балкона и вроде бы не имела отношения к обнаруженному трупу. Но что-то подсказывало мне, что эта кража всё же связана с убийством.

Внимательно осматривая квартиру, я обратил внимание на лежащий на краю холодильника охотничий билет. Будучи сам заядлым охотником, заинтересовался, кому же он был выписан и раскрыл его. И вот на тебе! С фотографии на меня смотрел губастый мужчина, одетый точно в такую же рубашку, что и на обнаруженном трупe. Сомнений у меня не было: хозяин квартиры и труп — одна и та же личность.

Поделился с Буровым своими мыслями, показал ему фото. Тот даже ахнул: «Сергей Максимович, получается, что личность установлена и ваша интуиция не подвела!»

Вернулись с Буровым к машине, начали намечать план действий. Получалось, что первые шаги к раскрытию преступления по горячим следам были сделаны, оставалось за малым, найти преступника и, судя по всему, не одного.

Пока обсуждали очередность действий, к машине подошла воинственно настроенная соседка, и стала ругаться на нас по поводу того, что ей с самого раннего утра не дают нормально отдыхать, что машины раскатались одна

за другой, а тут еще и мы приперлись.

— Да мы не приперлись, — поясняем, — мы преступление расследуем!

Представились. Показали удостоверения. Женщина стала извиняться и рассказала, что поутру к дому подъехала серая грузовая с будкой машина, и в ней двое молодых парней стали вызывать соседа, разбудили всех. Хозяин к ним вышел, и они куда-то уехали, а потом часа через три парни вернулись, но с хозяином или без него, она не может сказать. Но видела, как парни потом вышли из квартиры с большими сумками и уехали.

С тех пор она соседа больше не видела, а вот жена его находится на курорте. И что самое для нас отрадное — номер машины соседка запомнила, хотела сообщить в милицию, но потом уснула и забыла позвонить, чтоб их наказали за то, что они будят честной народ, разъезжая по утрам и сигналив на всю катушку.

Буров допросил свидетельницу прямо в машине и отпустил. И вот — таково стечение обстоятельств, — всё действительно происходило, как в кино: сотрудник ДПС ГАИ (опять же по рации) сообщает, что на подъезде к городу обнаружена брошенная грузовая машина с сантехнической будкой, в салоне кабины окровавленная монтировка, а в бардачке найден путевой лист на имя водителя Эпова.

Не выдержав, я у него по рации спросил номер автомобиля, и инспектор назвал такой же номер, что и свидетельница. Это была несомненная удача. Оставалась задержать преступников. Инспектора ДПС попросили обеспечить нас понятыми и без особого распоряжения никуда не отлучаться. Прибыв к месту обнаружения машины стали делать ее осмотр и допрашивать лиц, сообщивших о ее нахождении, а также и самого инспектора. Во время осмотра обнаружили ту самую монтировку с подтеками засохшего вещества, похожим на кровь, а на двери, в запорной скобе — кусок алюминиевой проволоки. Когда совместили эту проволоку с найденным возле трупа куском, стало ясно, что это

одно целое. Позднее все наши предположения подтвердили проведенные многочисленные экспертизы.

Я вышел на связь с начальником милиции и попросил его подъехать к обнаруженной машине, при этом порадовал его, сказав, что преступление раскрыто и необходимо задержать по подозрению в совершении этого преступления конкретных лиц.

Конечно, ему было немного обидно, что преступление раскрыли прокурор и следователь, а не его подчиненные-сыщики. Но, с другой стороны, грех в таких случаях обижаться: делали общее дело, боролись за торжество закона, в таких случаях взаимовыручка играет огромную роль! И благодаря такой слаженности, когда плечом к плечу сотрудники различных ведомств выкорчёвывают преступность — и достигаются высокие результаты в работе.

В завершение скажу, что в квартире подозреваемого был произведен обыск, во время которого были найдены похищенные вещи, а у его супруги золотые украшения, принадлежавшие жене потерпевшего. Эпов и его подельник были задержаны и изобличены, и впоследствии осуждены к длительным срокам за совершение убийства с целью завладения имуществом.

Вот так интуиция, основанная на опыте, везение, стечение обстоятельств, в числе которых и случайно обнаруженный охотничий билет, помогли раскрытию преступления.

Вот пишу эти строки, а сам думаю, что, наверное, я и впрямь везунчик — согласитесь, как удачно складывались в этой истории все обстоятельства. Но удача сопутствует только тем, кто упорно добивается ее расположения.

Бег с препятствиями. Сталинский прокурор

Не многие сейчас, наверное, знают, что в 1986 году, когда я принимал прокуратуру города Свободного, она не имела своего собственного здания. Да-да, как ни трудно в это поверить, но с момента создания прокуратуры в одном из самых больших городов Приамурья, это учреждение не имело постоянного месторасположения!

Прокуратура города ютилась в части арендованных помещений на втором этаже деревянного здания, принадлежащего железной дороге, то есть постоянно находилась в зависимом положении: продлят договор аренды, или у железнодорожников изменятся планы на использование доживавшего свой век ветхого строения. На первом этаже этого, прямо скажем, сарая располагался линейный отдел милиции.

До сих пор не могу понять, что за шутник определил местонахождение кабинета прокурора прямо над котельной. Заодно почти вплотную к окну стояла дымовая труба. К середине рабочего дня находиться в кабинете было небезопасно для здоровья из-за угарного газа. Душегубка, одним словом!

Случайно так вышло, или кто-то по злому умыслу обустроили кабинет в таких, прямо скажем, адских условиях — только Богу ведомо. Точнее, чёрту. Да и то — вряд ли.

Но это еще не всё. Если в кабинете прокурора мебель была более-менее сносная, то там, где размещались следователи и помощники, она своей древностью, самодельными подпорками, подставленными для устойчивости кирпичами, полнейшим износом, а проще сказать — затрапезностью, вызывала у посетителей удивление, жалость и откровенные насмешки. Рассказываю об этом для того, чтобы показать, в каких условиях приходилось работать.

Конечно, перед посетителями: простыми гражданами,

руководителями и сотрудниками милиции, — было крайне неудобно за такое убожество, такой неприглядный вид государственного учреждения.

Надо отметить, что в городе тогда сложилась тревожная оперативная обстановка: наблюдался в целом рост преступлений, особенно против личности, в том числе, в отношении несовершеннолетних; проблемы с раскрываемостью. Гражданам не давали покоя кражи личного, а хозяйствующим субъектам государственного, имущества.

Но и хозяйствующими организациями допускались нарушения действующего законодательства. Почти каждый второй руководитель, работающий с железной дорогой по поставкам угля, приглашался в прокуратуру для дачи объяснений о причинах простоев вагонов. Это приобрело, по сути, поголовный характер, пришлось приложить массу усилий, чтобы справиться с этой проблемой.

И вот среди тех, на кого тоже накопилось много нареканий, оказался бывший заместитель председателя горисполкома, работающий уже в тот момент начальником управления бытового обслуживания населения, партиец с большим стажем, умудренный жизнью человек, опытный хозяйственник Михаил Федотович Юрченко. Он впервые оказался в моём прокурорском кабинете. Растерянно оглядевшись, он поздоровался, спросил разрешения сесть.

— Конечно, садете! — Не очень жизнерадостно пошутил я, — сегодня на стул, а завтра, если не справитесь со сложившимся положением дел с простоями вагонов, то возможно садете уже по уголовной статье!

Михаил Федотович задумался и начал рассказывать, как несладко быть руководителем, кругом масса проблем, отработанные схемы не действуют, советскую систему хозяйствования списали на свалку истории, а нового и действенного ничего пока не предлагается... И надо сказать, я его вполне понимал, и вполне сочувствовал ему, но закон никто не отменял. И это, безусловно, понимал и он, и в конце нашего вполне доверительного разговора

пообещал, что наведет порядок. И вдруг добавил: «Заверяю вас, сталинского прокурора».

— Почему же — сталинский? — Удивился я.

— Да потому, что вы жестко всех руководителей придали с этими исками да уголовными делами. Как во времена Сталина! Кстати, вас самого надо привлечь! — Иронично заметил он, — за такую прокуратуру, куда и заходить-то стыдно.

Ну, что ж, нового-то он мне ничего не открыл, я и сам видел бедственное положение, и уже не раз писал запросы в партийные и советские органы, разговаривал с руководителями города, но... Но всё это походило на неудачный бег с препятствиями по кругу.

На следующий день руководитель «бытовки» принес мне справку, что железной дороге уплачены штрафы за простои вагонов и организована их своевременная разгрузка, а на словах пообещал, что такого больше не повторится. Надо сказать, слово своё он сдержал, и больше проблем с простоями вагонов у него не было. Но его слова о жалком состоянии прокуратуры в очередной раз заставили меня задуматься о необходимости строительства собственного здания.

Опыт в этом деле я наработал еще в Мазановском районе, где мне тоже пришлось заниматься строительством, и первоначально мысль о том, что новое здание должно быть и у свободненской прокуратуры, пришла, когда только принимал дела. И думал об этом постоянно. А наш разговор с хозяйственным руководителем послужил толчком. И действительно, дальше терпеть такое положение дел просто было нельзя. И стал этим поэтапно заниматься.

На совместном заседании бюро свободненского горкома партии и городского Совета народных депутатов, где в октябре 1989 рассматривался вопрос о состоянии преступности и законности на территории города, был основным докладчиком. После моего выступления стали высказываться члены бюро, депутаты, руководители предприя-

тий и организаций.

И тут слово попросил Михаил Федотович Юрченко. Он дал положительную оценку работе прокуратуры и отдела внутренних дел горисполкома, а потом, обратившись к первым лицам города, сказал, что хоть у нас прокурор и сталинской закалки (очень — я так понял — нравилось ему это определение, он вкладывал в него своё понимание моей жёсткости по отношению к нарушителям и принципиальность при соблюдении законности), но всё равно ему надо помочь в строительстве нового здания прокуратуры.

Члены бюро переглянулись: все уже давно привыкли к тому, что прокуратура пока ютится где-то — и этого достаточно. В городе и без прокуратуры много забот. Время такое, что в стране кавардак, в городе неразбериха, а тут еще о новом здании заговорили.

Юрченко продолжает гнуть свою линию, говорит, что надо повысить престиж прокуратуры, чтобы злоумышленники, попадая в кабинет главного блюстителя законности, осознавали тяжесть своих противоправных деяний, чтоб за то время, пока они проходят от двери до стола прокурора, они успели подумать, что кара — неотвратима!

При последних словах Михаила Федотовича собравшиеся заулыбались, уж очень высоким стилем и пафосно он всё это произнёс. Но, по сути, всё сказанное было верно.

Несмотря на то, что вопрос не был включён первоначально в повестку, его обсудили. Сыграло роль и то, что я неоднократно поднимал его в беседах с Первым секретарём горкома КПСС и предгорисполкома. А тут набралась критическая масса всех официальных и неофициальных обращений, и было принято решение о строительстве нового здания прокуратуры.

Понятно, что легко принять решение теоретически, недаром ведь в народе поговорка существует: всё легко на бумаге, да про овраги забывать не стоит. Но в том же народе говорят и о том, что глаза боятся, а руки делают!

Так что дальше всё было делом техники, желания сто-

рон и, конечно, финансирования строительства.

Облисполком выдал акт на землепользование под строительство прокуратуры, я собрал и оформил всю техническую документацию, в том числе и проект здания. Всё это удалось сделать на удивление в кратчайшие сроки. Подножка была подставлена с той стороны, с которой ее не ожидал: первый заместитель прокурора области усомнился в возможности возведения здания и не отправил документы в генпрокуратуру для решения вопроса о включении в титульное строительство. Как говорят, положил «под сукно».

А я, что называется, ни сном, ни духом! Время идёт — решения нет. Вот бюрократы, думаю, казалось бы, благое дело, стараюсь для общества, а им там, в Москве, не хочется несколько минут этому вопросу уделить.

Минуло полгода — никакого результата. Стал потихонечку наводить мосты, интересоваться в областной прокуратуре, кто, в какое подразделение, когда отправил подготовленные мной документы, кто тормозит решение по строительству. И вдруг узнаю от главного бухгалтера, что документы, фигурально выражаясь, спрятаны в долгий ящик и в Москву не отправлялись! Бег по кругу продолжался.

Возмущенный таким поворотом дела, пошел на прием к прокурору области Викторовичу Ивановичу Богомолову и высказал всё, что думал по этому поводу. Оказалось, что это было сделано за его спиной, он не был в курсе, получалось, что и его обвели вокруг пальца, поставили в неловкое положение.

Виктор Иванович возмутился еще больше, чем я, и устроил разнос своему первому заму. Крепко досталось тому «на орехи» за волокиту, за затягивание процесса. Ему и в оправдание нечего было сказать, лепетал что-то о том, что в России очень сложное положение, не до новостроек. На что прокурор области очень строго попенял бюрократу, что тот негосударственно мыслит, в отличие от свободнен-

ского прокурора.

Забрав у провинившегося все документы, Виктор Иванович сказал, давай решать, что делать, в этом году мы не успеваем попасть в титул. И тогда я предложил построить здание по прямому договору. Виктор Иванович подумал-подумал — и согласился с моими выводами, разрешил.

Я встретился с начальником строительного управления №22 Виктором Зайцевым, как на духу признался ему в том, что положение аховое, что документы хоть и ушли в Генпрокуратуру на согласование, но решение явно затянется, что средства еще не выделены, но если работы по устному одобрению прокурора области не начать, то кто знает, с каким настроением руководство проснётся завтра.

Виктор Николаевич меня понял. Проникся.

— А если не откроют финансирование? — Спросил.

— Погоны сниму! — Коротко ответил я.

И мы пожали друг другу руки.

Что было дальше? Вряд ли стоит рассказывать о том, что денег не было ни копейки, что мне пришлось брать под моё собственное имя огромную сумму, чтобы залатать прорехи, что, бывало, приходилось подключаться к поиску дефицитных на тот момент стройматериалов — да мало ли переживаний было?! В конце концов, та же Генпрокуратура могла запросто отказать в финансировании — разве это не повод для волнений и бессонных ночей? Но это уже детали, которые, выражаясь прокурорским языком, для протокола не важны.

Главное — стройка началась, работы велись без сбоев, чётко, отлаженно, за что трудовому коллективу строительного управления и его руководителю Зайцеву я бесконечно благодарен.

Сооружение было возведено буквально за девять месяцев. Такие сроки по тем временам были редкостью. Здание принято госкомиссией в эксплуатацию в декабре 1991 года. В новом 1992 году в первые рабочие дни января мы перешли в новое прекрасное здание, где у каждого сотрудника

был отдельный кабинет, имелся актовый зал, гостиница, фотолаборатория, гараж на три машины, бомбоубежище.

И, конечно, в кабинете прокурора достаточно места для того, чтобы преступник, подходя к столу прокурора, мог переосмыслить свое настоящее и будущее, и при этом не забыл дать правдивые показания по своему делу.

Зданию уже более четверти века, и оно в прекрасном состоянии, и надёжно стоит, являясь немым укором бюрократам и волокитчикам — всем тем, кто старается поменьше брать ответственности на свои плечи.

Эхо смутного времени

Я почему не боялся идти при необходимости вразрез с мнениями сильных мира сего: как высоких чиновников, так и тех, кто рангом поменьше, — за моей спиной был закон. Жить по закону для меня — превыше всего. Впитал с молоком матери, так был воспитан родителями: человек должен жить по закону. И точка. И когда мне так или иначе — намеком ли, исподволь, вскользь или напрямую рекомендовали закрыть глаза на то или иное нарушение — во мне всё восставало. Помните, в известном фильме Жеглов сказал: «Вор должен сидеть в тюрьме!» Вот этот принцип я в своей работе и исповедовал. И дело касалось не только уголовных преступлений, это касалось любых поползновений против личности, против моральных принципов, против государственного права.

Как небольшой пример, могу привести события, уже немного тронутые мхом. Хотя у многих они сохранились в памяти.

Август 1991-го, смута, в стране разброд и шатание, а тут по телевизору народная любовь: балет «Лебединое озеро». И пока балерины ножками свои па выделывают, пока все ошарашенно думают, что последует за действиями ГКЧП,

в антрактах балета, показываемого на экране, ярые сторонники демократических перемен открыто заявляют свои права на, скажу так, право на всё.

Утром раскрываю газету «Зейские огни», а там постановление ГКЧП, что власть переходит в руки этого Комитета, и что нужно подчиняться только его Указам.

А ниже, на этой же странице, Указ Президента Ельцина, что самая высшая власть в стране — это он, и что органы прокуратуры должны привлекать к уголовной ответственности всех, кто будет прямо или косвенно выполнять указы ГКЧП, и все, кто не соблюдает Указов Президента, подлежат уголовному преследованию!

Понятно, что значит «косвенно» — значит, за мысли надо привлекать?!

Звоню в редакцию, разговариваю с ответственным секретарем. Нигде же этих документов нет, а тут вдруг в Амурской области, в небольшой газете «Зейские огни» такая категоричная информация. Мне интересно, почему редактор газеты, а она в то время была и членом бюро горкома КПСС, и депутатом городского Совета народных депутатов, и членом комитета по гласности, и членом т. н. Малого Совета, в общем, почему она очень активна была. И, прямо скажу, кровь многим тогда попортила. Ярлыков всем успела повешать.

Спрашиваю у того, с кем разговаривал, не как прокурор, а просто, как читатель, мол, откуда тексты, можно ли им доверять, по какому каналу пришли — ведь, согласитесь, такие вещи должны быть строго документированы, прийти только курьерской почтой по правительственным каналам. Ответсек толком ничего ответить не может, лепечет что-то насчёт того, что тексты пришли по факсу от Альберта Кривченко. Тот в ту пору был народным депутатом РСФСР, ярым сторонником демократических преобразований.

А мне в это время в прокуратуру из разных мест звонят — сами же понимаете, началась самая натуральная

анархия!

Люди в полнейшей дезориентации: кого слушать, кому верить, чьи указания воспринимать. Попутно отмечу, что к так называемым демократам в мгновение ока прилипли всякие сутяжники, любители половить рыбку в мутной воде и прочая нечисть. В общем, кто во что горазд, кто за Ленина, кто за Ельцина, как говорится.

Я всем коротко отвечаю: поступайте строго по закону. А кто будет нарушать законы, которые никто не отменял — буду привлекать к ответственности.

Звонит мне Первый секретарь горкома КПСС Бондарь и говорит:

— Сергей Максимович, меня и председателя горисполкома Ярославцева арестовали.

— Как арестовали? Почему?

— Не знаем. Вот у дверей сидит автоматчик, не выпускает.

Я — в горком. Взял табельное оружие, время-то тревожное. Вижу — точно, у дверей кабинета Первого секретаря горкома сидит милиционер, в руках короткоствольный автомат, всё как в плохом фильме. Говорю ему, мне нужно встретиться с секретарем горкома. Отвечает, что не положено, у него приказ.

— Чей приказ? — Спрашиваю.

— Начальника отдела милиции.

Показываю ему удостоверение, разъясняю, что я прокурор города и не подчиняюсь приказам начальника горотдела милиции, зато со своей стороны, имею право привлечь и самого начальника, и его, временного охранника, к ответственности за препятствие в работе прокуратуры и за незаконное лишение свободы граждан страны. За что, между прочим, грозит приличный срок.

Поставил его таким образом перед выбором: правильное решение вопроса или несвобода. Благо, молоденький милиционер оказался вполне разумным.

Это был первый мой шаг. Он потом мне аукнулся. Я

объяснил «арестантам», что для их задержания ни у кого нет никаких оснований, кроме на ту пору туманного (и, заметьте, не подтвержденного) Указа Ельцина.

А дальше приезжает ко мне редактор газеты «Зейские огни» с просьбой привлечь к ответственности директора завода «Автозапчасть» Лёвкина. А тот только перенес инсульт, — отлежался в больнице, немного восстановился — и снова с головой в работу, хоть и здоровье — чего уж душой кривить — плохое. Понимая это, болея душой и телом за производство, он готовил себе в преемники молодого специалиста, вполне толкового парня, который и внешне выглядел вполне прилично.

И вот этот перспективный хлопчик накатал нашему активисту-демократу на своего благодетеля «телегу», где говорилось, что Лёвкин поддержал ГКЧП, что издал приказ, запрещающий ответственным работникам уходить в отпуск. В принципе, это было правильное решение руководителя: только железная дисциплина и порядок могли тогда в смутное время удержать крупное предприятие на плаву. Но разгул так называемой демократии начался! Любые решения подвергались сомнениям и оспариваниям, особенно, теми, кто работать и не хотел!

Поехал я к Лёвкину, а он ногу подволакивает, видно, нездоровится мужику, но бодрится, молодец. Я ему:

— Владимир Николаевич, ничего против тебя не имею, только помочь хочу. Приказ издавали?

— Издавал.

— Кто видел?

— Секретарь, она печатала.

— А еще кто?

Он называет своего преемника. Я ему показываю бумагу, мол, смотрите, читайте! Он за голову схватился: вот кого пригрел на груди! Спрашивает:

— Что делать?

— Вызывайте секретаря, — говорю, — Вы доверяете ей?

— Доверяю.

Пригласил он ее, обсудили они все вопросы, порвали копии приказа, который еще не был вывешен на доске приказов, и который по существу никто еще не видел и не читал, внесли исправления в Книгу приказов. В общем, подчистили абсолютно все, комар носу не подточит!

Наверное, сегодня это выглядит смешно, но в то время начинался чуть ли не 37-й год! Все друг за другом следили, подглядывали, любое неосторожное слово, действие могли повлечь за собой ужасающие последствия! Страна рушилась, до личностей ли было!

После всего этого я написал постановление об отказе в возбуждении уголовного дела — ведь ничего не было. Вот сейчас можете рассказать редактору газеты — она и поныне здравствует — как я нарушил Указ самого Ельцина!

Но если по совести... Вы же понимаете, если б я слепо выполнял непродуманные приказы и указы, я просто убил бы того человека! Достойного человека!

Или вот еще один эпизод из того смутного времени. Вахтер райкома партии написал на имя того самого редактора (повторяю, она в одночасье стала чуть ли не самым главным демократом) донос, где указал, что во дворе райкома партии работники аппарата уничтожают какие-то документы. То есть, на своих же и «настучал»! Гадко, согласитесь. И ведь написал-то так, будто в жандармском управлении филером подрабатывал: «Сим доношу...» Каково, а? Вот такое мерзкое «симдоносительство»!

Приезжаю туда, вижу, точно жгут, но ничего особенного, ни от кого не прячась, простой мусор выкидывают, зная, что из здания им уходить.

И вот заседание Малого Совета. И редактор газеты, член и председатель самых разных демократических образований — комитетов, подкомитетов и прочих комиссий — на коне, ярко и образно выступает, раздаёт «всем сестрам по серьгам», обрушивается на всех, кто, по ее мнению,

не исполняет Указов Ельцина.

В том числе и на меня — оказывается, самого ярого саботажника, не исполнителя воли Президента!

Не могу молчать, попросил слово и рубанул сплеча, открытым текстом спросил, что это она ведет себя, как политическая проститутка? Прямо так — дословно. Это зафиксировано в протоколах.

— Как это? — Удивленно поднимает она бровь.

— А вы опубликовали это постановление исподтишка. Где-то нашли подпольное послание Кривченко, опубликовали, а сами не высказали своей гражданской позиции, получается, при случае, с вас взятки гладки! При любом исходе дела — вы ни в чем не повинны, белые ли придут, красные ли...

И надо сказать, моё выступление было поддержано в основном всеми членами Малого Совета, поскольку оно полностью соответствовало требованиям и закона, и отвечало нормам человеческой морали, во всяком случае, еще тогда существовавшим.

Так вот, мои действия, повторюсь, мне аукнулись: демократы тут же написали на меня жалобы сразу в несколько адресов. В первую очередь — самому президенту страны и в Генеральную прокуратуру.

Борису-то Николаевичу вряд ли удалось прочесть свідетельства моей подрывной деятельности, а в Генеральной прокуратуре привыкли к жалобам относиться внимательно. Возможно, и не ко всем. Но на ту, что касалась «антидемократической» деятельности, сам бог велел отреагировать в самом быстром темпе!

И вот к нам приехали проверяющие, в числе которых представитель Президента в Амурской области Захаров, и целую неделю выверяли, изучали, анализировали (написал бы «шмонали», да уж слишком грубо звучит, хотя по сути — именно так, нашу прокуратуру); проверяли законность принимаемых решений, действия сотрудников, их высказывания, мою позицию по разным вопросам,

высказанную на тех или иных собраниях, читали протоколы, смотрели массу документов, работали с новоявленной демократической общественностью, которая неожиданно-негаданно появилась в Свободном. «Ковыряли», где только можно и что только можно, вывернули всю прокуратуру наизнанку, как консервную банку. Выясняли, как вел себя на заседаниях Малого Совета, какие цели и задачи ставил сотрудникам милиции на совещаниях. А я, понятно, говорил только о соблюдении законности, настраивал на то, чтобы оперативная обстановка в городе была на высоте. Кстати, многие мои слова были истолкованы против меня, и некоторые милицейские товарищи присоединились к подписантам жалоб на прокурора.

Они думали, что это мой конец и смело поставили свои подписи.

По окончании проверки меня пригласил руководитель бригады проверяющих Захаров, показал этот пасквиль, иначе и не назовешь.

Что могу сказать. Неприятно читать такие письма. Неприятно и больно во многом потому, что увидел фамилии тех, кому доверял, с кем смог, как мне казалось, наладить нормальные рабочие отношения, на кого, как я полагал, можно было надеяться. А оказалось, что рядом были люди, готовые подставить подножку. И самое-то противное, что я ни в чем предосудительном не был замешан. Ну, был бы в моральном плане отщепенцем, нарушал бы законность и, если б эти люди отстаивали правду, — тогда можно было б их понять. Но Бог им судья.

Показали мне и справку о проверке. Вывод был сделан такой. Прокуратура в исследуемый период действовала в соответствии с Положением о прокурорском надзоре, с полным соблюдением законов Российской Федерации, прокурор действовал в рамках своих полномочий, нарушений конституционных прав граждан ни со стороны работников, ни со стороны прокурора не выявлено. На территории города не произошло ни одного преступления и ни

одного административного правонарушения.

И в самом конце документа — пометка, что я заслуживаю поощрения.

Так что, когда писал, что мне мои действия аукнулись, вкладывал вполне позитивный смысл: через некоторое время, так совпало — к дню рождения был представлен к внеочередному званию, получил чин старшего советника юстиции.

Конечно, это не было связано только с событиями того памятного августа 1991 года, скорее всего были учтены все мои заслуги в комплексе: и строительство нового здания прокуратуры в г. Свободном, и оперативная обстановка в городе, и моя профессиональная компетенция, и принципиальная позиция по многим вопросам.

Так закончилась история моего противостояния ГКЧП и новым демократам. Часть из них потом отметилась во власти, по некоторым потом пришлось вести уголовные дела — но это уже другая, совсем не демократическая история...

Незримый бой

Ничто не предвещало беды, всё долгое время шло своим чередом — тихо и мирно: охранники буквально в двух шагах от объекта спокойно сажали картофель и кой-какую зелень, в промежутках между сменами обрабатывая её; втихаря от руководства и проверяющих пили бражку, которую здесь же, в укромном уголке караулки выдерживали. Коротко говоря, не работа, а жизнь без забот. Наверное, так могло продолжаться долго, если бы однажды этот размеренный темп жизни не был нарушен.

В один из августовских дней 1993 года у меня в кабинете (а я тогда исполнял обязанности прокурора г. Свободного) зазвонил телефон — предвестник очередного про-

исшествия. Начальник горотдела милиции сообщил, что на складе взрывчатых веществ объединения «Амурзолото» происходят драматические события: начальник караула открыл стрельбу по сослуживцам, убил одного охранника, тяжело ранил другого, а также ранил одного из сотрудников милиции, прибывших на объект по сигналу караульного с вышки.

К месту происшествия уже выехала на задержание оперативная группа, и мне, в силу моих полномочий, надлежало присоединиться к ней. В состав группы распорядился включить следователя прокуратуры Логинова, эксперта-криминалиста и судмедэксперта.

Склады объединения находились за чертой города в лесопосадках и охранялись посменно вооруженными караулами ведомственной охраны объединения. Изначально, еще в советское время, там всё было обустроено правильно, согласно инструкциям и большому накопленному опыту: в караульном помещении имелась оружейная комната, где хранилось автоматическое оружие и боеприпасы к нему, а из окон караульного помещения, приспособленных для стрельбы по периметру, обозревались сами склады и подходы к ним, а также прилегающая территория. При этом окна являли собой настоящие бойницы — невысокие и узкие, предназначенные для того, чтобы в случае непредвиденных ситуаций можно было эффективнее обороняться.

Кроме того, имелась смотровая вышка для часового — она была оборудована автономными средствами связи. Всё это позволяло караулу в составе пяти человек во главе со старшего караула нести службу по охране объекта. Да, собственно, ничего чрезвычайного за многие годы здесь и не происходило. Как я упомянул, охранники даже начали заниматься там домашним хозяйством. Хорошо хоть, коров и поросят не завели.

Конечно, в доперестроечные годы о подобном нарушении внутреннего распорядка и речи быть не могло. Склад

взрывчатых веществ — объект повышенной опасности, требующий постоянного контроля. Но в девяностые годы прошлого века народ ко многому стал относиться наплевательски, спустя рукава, всё то, что строго исполнялось и соблюдалось в советский период, кануло, как говорится, в Лету. Сказалось это на подборе и расстановке кадров на особо охраняемых объектах народного хозяйства, что в том конкретном случае мы и имели.

Пока летели во весь опор к месту событий, начальник горотдела сообщил, что охранник с вышки, сам обстрелянный своим коллегой, вызвал милицию, а когда два сотрудника ОВД в бронежилетах, с короткоствольными автоматами вместе с работниками скорой медицинской помощи прибыли к караульному помещению, то злоумышленник, держа в руках автомат, пропустил всех под прицелом в караулку, разрешил забрать истекающего кровью охранника, которого сам же и подстрелил.

Милиционеры помогли врачам и санитарам вынести и загрузить раненого в машину скорой помощи и вернулись с тем, чтобы задержать стрелка, но тот перестал играть в гуманизм и в упор выстрелил в одного из них. Вероятно, он был слишком возбужден, стрелял, не целясь, и потому, слава Богу, пуля попала в затворную коробку автомата сотрудника милиции, и срикошетив, только перебила тому руку. То есть, тут обошлось малой кровью.

Слушая описание обстановки, в этом месте не смог удержаться от возмущенного возгласа:

— Ну, как так, находились рядом с преступником и спокойно занимались эвакуацией раненного, в то время как надо было, улучив момент, бросаться на него, заламывать ему руки, не миндальничая, бить прикладом — да мало ли что можно сделать для поимки того, кто угрожает чужим жизням?!

Впрочем, я уже посетовал на то, что в 90-е годы с нормальными кадрами, с профессионалами было тяжело, а вчерашние мальчишки... В общем, толку от них было

мало. Испугавшись, что, кстати, и не удивительно, милиционеры выскочили из караульного помещения.

О происходящем было доложено начальнику УВД области, который распорядился: в случае оказания вооруженного сопротивления — стрелять на поражение, чтобы избежать больших жертв.

Подъехали к повороту на «караулку». Дальше, чтобы не являть собой прекрасную мишень и не подставляться под пули, я предложил оставить машину и пешим порядком осторожно выдвинуться к месту.

Накануне мне пошили новую форму, и в тот день я ее надел впервые. На кителе в два ряда блестели пуговицы (чем не мишени), а на новых погонах сверкали полковничьи звезды. Впереди, тоже в форме, передвигался начальник милиции. Когда подошли к картофельному полю, в нашу сторону стали очередями вести огонь. Пули засвистели буквально в сантиметрах от наших голов. Не сговариваясь, мы попадали в картофельную ботву.

Начальник отделения уголовного розыска Казанцев, вместе с оперативной группой прибывший немного раньше, залег за хозяйственными постройками и, когда увидел нас, стал подавать руками знаки передвигаться в их сторону. Мы перебежками, припадая раз за разом к земле, чтобы не попасть на мушку, добрались до него. На месте провели короткое совещание; учли, что предложение оперативников прекратить стрельбу и добровольно сдаться, стрелок игнорировал и вел интенсивный обстрел наших временных укрытий, реагируя на любое передвижение, на малейший шорох. Тут уж, понятно, было не до осмотра лежащего на виду трупа, тут нужны были решения, блокирующие действия злоумышленника.

Забыв об опасности, я подобрался к дежурной машине милиции и через мегафон, представившись по всей форме, объяснил стрелку, что его никто не тронет, что следствие будет объективным, разберется в происшедшем, что у него есть мать, семья, и он должен подумать о них и о своем

будущем. То есть, я разговаривал с ним вполне по-человечески, спокойно, стараясь достучаться до его разума, осознавая, что у человека реально могло произойти помутнение рассудка. В ответ раздалась автоматная очередь. От попадания пули разлетелось боковое зеркало уазика, меня окатило острыми мелкими осколками стекла.

Я снова обратился к нему с требованием бросить оружие и выйти из караульного помещения, предупредил, что в противном случае нами будет открыта стрельба на поражение. Но мои слова не возымели успеха.

А далее случилось непредвиденное. Один из оперативников, проявляя служебное рвение и инициативу, бросил в окно караульного помещения газовую гранату, начинённую газом «Черемуха», рассчитывая, что стрелок не выдержит и выскочит из укрытия. И, возможно, так и получилось бы, но, к великому сожалению, злую шутку сыграл ветер: он дул в нашу сторону и слезоточивый газ понесло на нас!

В прямом и переносном смысле мы начали умыться слезами. Нестерпимое жжение в глазах выбивало нас из колеи. По очереди, короткими перебежками, мы бегали к емкости с водой, которая, по счастью, была рядом с полем, и промывали глаза. А в это время, чтобы не дать возможности вести огонь по нам, не попавшие под действие газа оперативники начали бить из всех видов имевшегося оружия по окнам караулки.

Сколько слов было отпущено в адрес метателя гранаты, опускаю — особого значения не имеет. Скажу просто: много.

А между тем, возникла опасность попадания пуль в хранилище с взрывчатыми веществами. Возможная детонация привела бы к значительным разрушениям прилегающей части города и многочисленным жертвам: преступником применялись трассирующие зажигательные и разрывного действия патроны, в боеприпасах у него недостатка не было. До беды было совсем близко!

В этой связи нами было принято решение, просить командование танкового полка, расположенного в двух километрах от места происшествия, с помощью танка перекрыть сектор обстрела и тем самым исключить возможность детонации и возгорания.

Отправили к военным одного из милиционеров. Танкисты не рассусоливали, поняли, с чем мы столкнулись, резину не тянули, мигом оценили обстановку и буквально через двадцать минут к месту боевых действий, а это было именно так, прибыли два танка под руководством начальника штаба полка подполковника Белобородова. Надо отдать ему должное, он быстро разобрался в ситуации и приказал командиру танка выдвинуться к караульному помещению и броней танка перекрыть сектор обстрела. Чтобы не рисковать солдатами-срочниками, экипажи были составлены только из офицеров, имевших боевой опыт.

Глядя на слаженные действия танкистов, вспомнил своего отца, механика-водителя тридцатьчетверки, его рассказы о том, как они в Кенигсберге, чтобы избежать прямого столкновения с противником и сохранить в предпобедные дни жизни наших бойцов, выкуривали немецких солдат, укрывшихся в подвалах и бомбоубежищах, с помощью выхлопных газов. Делалось всё просто: танк походил к подвалу, на выхлопную трубу надевали шланг, конец которого направляли в подвал, и на полную мощность запускали двигатель на холостых оборотах. Что творилось! Ад! Едкий ядовитый дым заполнял всё пространство, немцы, как тараканы, выползали из всех щелей, сдавались без боя, размахивая белыми тряпками и без конца повторяя: «Гитлер капут!»

Находясь с командиром танкистов за броней второго танка, рассказал ему о военном опыте отца и предложил использовать этот опыт в сложившейся ситуации. Белобородов охотно согласился и сам на танке, дав несколько очередей из крупнокалиберного пулемета по окнам, развернул башню, вплотную подъехал задом к караулке и начал

газовать на всю катушку. Изю всех окон-бойниц караулки повалил, словно при пожаре, чёрный едкий дым. Через некоторое время танк вернулся на прежнюю позицию и обе машины заглушили двигатели. Наступила напряжённая, жуткая тишина.

— Наверное, всё кончено. — сказал начальник милиции и вышел из укрытия, став метрах в пяти от помещения, где забаррикадировался преступник. Рядом со мной, чуть поодаль от центрального входа, спрятавшись за пулеуловителем, сидел участковый Ташкин с автоматом. В это время, как в кино, в клубах дыма в дверном проеме с автоматом наизготовку показался стрелок, навел ствол на стоящего перед ним и тоже с автоматом начальника милиции.

Ситуация была неожиданная: все подумали, что стрелок, самое малое, потерял сознание от этой газовой атаки. Никто не ожидал, что он не просто жив и здоров, но еще и способен держать в руках оружие.

Скорее инстинктивно, чем обдуманно, я прокричал: «Ложись!» и в ту же секунду раздались выстрелы. Стреляли одновременно и преступник, и участковый. Но начальник милиции успел упасть на землю, пули преступника его не коснулись, а рядом со мной взметнулись фонтанчики песка. В очередной раз смерть пронеслась мимо.

Преступник опять исчез за дверями, а начальник милиции, уже не бравирюя, зигзагами забежал за танк.

Какое-то время все оставались под впечатлением от этого мгновенного эпизода. Всеобщее оцепенение прервал хлесткий одиночный выстрел.

Участковый, блокировавший запасной выход из караульного помещения, заглянув с осторожностью внутрь, устало прокомментировал увиденное емким ненормативным русским словом, означавшим «конец».

Убедившись, что преступник мертв, следователь Логинов вместе с экспертами и остальными участниками под моим непосредственным руководством приступил к осмотру места происшествия. Он длился около трех

часов. Домой я вернулся уже далеко за полночь: в грязном мундире и с несколькими автоматами, изъятými с места происшествия. Жена, с удивлением и испугом увидев меня в таком виде, спросила, где же я был, не на войне ли.

— Именно на войне! — Ответил я ей коротко и, совершенно измотанный пережитым, рухнул как убитый на диван.

Уснул мгновенно.

В ходе расследования уголовного дела выявлено, что начальник караула, до принятия на работу, наблюдался и состоял на учете в психоневрологическом диспансере, был склонен к суициду. Вот так сработала кадровая и разрешительная службы, за что все виновные понесли потом соответствующее наказание.

Всех без исключения работников милиции, участвовавших в этом незримом бою, руководство УВД поощрило, а раненного сотрудника представили к награждению орденом «Мужества».

Почему этот бой я назвал «незримым» — так это потому, что о нём нигде не рассказывалось, скандальное происшествие замалчивалось на всех уровнях, поскольку хватать было нечем: налицо головоутизм руководителей объединения «Амурзолото» и непрофессиональные действия сотрудников ОВД.

Нам же со следователем за службу и смелость никто не сказал и «спасибо».

Но я еще со школьной скамьи уяснил, что человек должен трудиться не ради каких-то благодарностей, а так, как велит сердце.

Живой труп

Помню, звонит как-то начальник райотдела милиции Василий Дмитриевич Савостьянов. Я тогда исполнял обязанности прокурора Мазановского района.

Гудит в трубку:

— Максимыч, надо в Маргаритовку ехать — там жена мужа убила. Сейчас за тобой машина с моим замом подъедет.

А Маргаритовка, надо сказать, деревня похуже тех, про которые русский народ свои песни во время крепостного права сочинял: «и по будням там дождь, и по праздникам дождь». Самая окраина района, грязи по колено даже в солнечный день, а уж во время сезона дождей — сплошное многоточие.

И дорога туда — не асфальтом выложена. Едем на милицейском газике, подпрыгиваем на колдобинах, а сами рассуждаем, что выходные накрылись медным тазом: на носу суббота, а пока доберемся, пока вникнем в суть дела, пока осмотрим, опросим, опишем. В общем, думаем, к кому на ночлег будем проситься.

Подъезжаем к дому, где трагедия произошла, видим, народ толпится. Кто-то плачет, кто-то вздыхает с надрывом, кто-то шушукается — произошедшее обсуждают. Про мужика говорят, мол, ну, что там, ну, пил, ну, бывало и руку на жену поднимал — так на то она и жена. И это ж надо — мужика порешила!

И она, «убивица», сидит тут же, на лавочке перед домом: глаза пустые, понимает, что сотворила, головой только нет-нет, да и покачивает, видимо, мысли невеселые в голове-то проносятся.

Женщина, надо сказать, вполне нормальная, работала поварихой у мелиораторов, «впахивала», что называется, от зари до зари: это ж наварить, да прибрать, да перемыть, да на другой день приготовить надо — не до баловства.

А муж, механизатор, приревновывал ее, виноватил, что с работы поздно возвращается. Учитывая, что еще и поддавал крепко, то частенько ревность, перемноженная на винные пары, давала отрицательный результат.

И вот, когда они в очередной раз вдрызг разругались, когда довел он ее до белого каления, когда уже и сам руки прикладывать начал, схватила она сковороду и огрела его по голове.

Сидит на лавочке, рассказывает об этом, сама — никакая, нарисовала себе картину мрачную, мысленно себя за решеткой увидела, говорит сквозь слезы и всхлипывания.

Видим, самая обычная «бытовуха». И искать никого не надо — вот она, преступница, сидит рядом и во всём признается.

— Принеси, покажи сковородку, — говорю.

Почему попросил? А вдруг потом откажется? А тут и отпечатки пальцев на ручке, и свидетелей будет — чуть ли не треть села.

И вот выносит она сковороду. У меня аж дыхание перехватило. Да этой сковородищей быка убить можно было, не то что человека. Огромная, тяжеленая, представьте: полпуда сплошного чугуна!

Народ, хоть и не самая веселая минута была (все же мрачно сочувствовали — кто хозяйке, кто убиенному), так и грохнул! Гром хохота даже ворон распугал, так стайей и взлетели. Это ж не сковорода, а настоящий аэродром.

Осмотрели мы предмет, да, действительно, та сковорода, — и следы крови есть.

Начали спрашивать, кто в понятия пойдет. А кто пойдет — всем ведь неудобно, все друг друга, как облупленных знают, все друг другу, кто кум, кто сват, все отнекиваются. Еле-еле нашли женщин из конторы, и то пришлось на совесть социалистическую надавить...

Идем на летнюю кухню, туда, где труп лежит. На кухне чистенько. Все-таки, надо отдать должное, преступница

хозяйкой справной была. На кухне топчан — и на нем труп
лицом вниз.

«Ну, — думаю я, — «что-то тут не так: после того удара по лбу мужик должен был навзничь упасть, а он почти на животе. Но лежит бездыханный».

Спрашиваю:

— А что, сразу так упал?

— Не помню, — отвечает, — ударила и сразу убежала!

А когда опять зашла — вот так и лежал.

— А когда била, видела, как он падал?

— Нет, не видела! До того ли было!

А и то верно...

— А когда била — сильно пьяный был?

— Да как всегда!

Ну, думаю, значит, сильно.

Подошел ближе — посмотреть, фотоаппарат приготовил.

Переворачиваем, чувствуем — тело не заостеневшее, поддается нашим воздействиям. И пятен трупных нет, хотя времени уже достаточно прошло, чтобы они проявились. Рука его податлива...

Я наклонился — вижу пульсирует на шее жилочка!

Да он живой!

Глянули на лоб, а там, — Боже мой! Я таких шишек ни разу в жизни не видел! Вторая голова, только чуть поменьше!

Давай мы ему уши тереть — верный способ пьяного хоть чуть-чуть в себя привести.

Сколько он там заглотил спиртного — не знаю, не спрашивал, а в деревне той «глухоманской» и слова-то такого, экспертиза, не слышал никто, но явно доза была лошадиной.

Окатали мужика водой. Замычал он, как бычок. Начал кое-как подниматься.

Разлепил веки, увидел нас с опером. Тупо выдавливает из себя:

— А вы кто такие?

Сам ничего не соображает — невменяем абсолютно.

По лбу рукой провел — аж заорал:

— Что такое?!

Я ему зеркало подставляю, любуйся, мол.

Он:

— А где это я так? — То есть, абсолютно ничего не помнит.

Выходим из кухни. Обращаюсь к хозяйке, мол, что с тобой делать будем, Анна Ивановна?

— Да уж садите скорее, сколько можно ждать, сколько мне еще мучиться, перед людьми стыдно.

— Да не будем мы вас садить, — успокаиваю, — а вот за ложный вызов с вами будет замначальника милиции разбираться.

— Какой-токой ложный вызов? — Удивляется она. И народ, чувствую, уши наострил: что это за новый поворот событий?

— Да он живой! — Говорим мы ей. И она, как только услышала об этом, так со скамейки — бряк — и в обморок!

Нашли быстро нашатырь, откачали. Дело для нас, как говорится, привычное.

Вывели пострадавшего — вот он, живёхонек! Ну, тут деревня опять вся за животы схватилась, давай все гоготать во всю мощь легких: а что, напряжение нервное спало, всё обошлось, да еще и шишак на потеху всем — огромный и синий, как слива. Живопись в чистом виде!

Правда, замначальника милиции, увидев, что трагедия превратилась в комедию, решил привлечь женщину к административной ответственности за хулиганство и припать ей 15 суток, да я уж заступился, встал на защиту.

— И без того, — говорю, — сколько пережила, пока супруг был в «отключке», да и дети вон — без матери останутся...

Что было дальше? Да ничего и не было. Как жили вместе, так и продолжили, я потом не раз с ними встречался — был уполномоченным представителем по совхозу «Марга-

ритовский» от райкома партии, часто приезжал, а встретившись, бывало, шутил, что им в деревне фонари не нужны — тот шишак на голове долго еще сверкал!

А борщи хозяйка действительно вкусные варила, мастерица славная была...

О пользе чистоты сапог

С детства своими родителями приучен к тому, что порядок должен быть во всем: дома, на работе, а главное — в голове. Будет в голове всё правильно — и по жизни порядок будет!

Как-то, дело было в Новокиевском Увале, пошил я новую форму, и были у меня к ней хромовые сапоги: мягкие, удобные, нога в них — как куколка!

И вот однажды в райкоме партии собрали весь партийно-хозяйственный актив на очередное экстренное совещание. Те, кому довелось жить и работать в советское время, особенно в сельской местности, помнят такие мероприятия. По инициативе райкома партии в горячую пору (ну там, заготовка сена, или уборочная, или..., да на деревне любая пора — горячая) могли и среди ночи проводить внеочередной пленум райкома, чтобы в срочном порядке решить проблемы, а то и лишить кого-нибудь партбилета, случалось и такое.

Так вот, собрали весь актив и давай устраивать всем обструкцию за те огрехи, которых в каждом хозяйстве вагон и маленькая тележка.

Первым секретарем райкома партии в то время был Анатолий Иванович Молодцов, человек неумной энергии, говорить без бумажки мог часами, для каждого секретаря парткома, для каждого директора хозяйства у него слово находилось. Надо отметить, в любом вопросе разбирался, что твой профессор, — всё-таки, мужиком деревенским

был, не пришлым каким.

А куратором района в то время от обкома партии был Иван Филиппович Маврин, личность в области почти столь же легендарная, как и Степан Степанович Авраменко.

И вот выступают они перед руководителями района, мечут громы и молнии, сулят всевозможные и невозможные кары тому, кто не присоединится к порыву поднять родное сельское хозяйство.

Начальником РОВД был незадолго до этого назначенный Сергей Кадочников. Сидит он в зале, слушает партийных лидеров, а сам нет-нет, да и поглядывает на часы.

И тут Молодцов ему говорит:

— Что вы, товарищ майор, на часы всё смотрите?

— Да я на совещание в УВД опаздываю, — отвечает тот, — мне пора уже...

— А вы побывали в том хозяйстве, где назначены уполномоченным?

— Да, вы знаете, мне осталось 15 минут, пора выезжать...

Надо сказать, что он прибыл из областного управления, работал там следователем, проявил себя хорошо, и его назначили начальником Мазановского райотдела. Приехал недавно, в местных реалиях еще не разобрался, не подумал, что с Первым секретарем, особенно при всем честном народе, так разговаривать не след. Человек, кстати, был интеллигентный — стихи писал, девок любил.

— Так вот, еще раз на часы посмотрите — и никуда больше не поедете. И не быть вам, товарищ майор, никогда подполковником!

Мы поняли, что попал Кадочников в опалу.

Сел бедный начальник РОВД, помалкивает, не до поездки в область ему уже.

А Первый обратился непосредственно к представителям силовых структур и потребовал, чтобы уже буквально на следующий день все сотрудники милиции, военкомата,

комитета госбезопасности в своей форменной одежде были в хозяйствах, чтобы все рабочие и колхозники видели озабоченность представителей власти, ее внимание, и чтобы, он так прямо и сказал, побаивались. Форменная одежда иной раз лучше слов помогает решать поставленные задачи.

И уже непосредственно ко мне:

— И чтобы прокурор был в форме, и чтобы рассказал, сколько человек он привлек за падеж, сколько за нарушение дисциплины, сколько исков в суд направил и прочее, и прочее.

А я был уполномоченным по селу Романкауцы, где размещалось отделение совхоза «Мазановский». Там животноводческий комплекс не так давно был построен, а время, начало осени, дожди прошли, и всё там здорово развезло.

Начал готовиться к поездке, шофера предупредил, что выезжать надо еще потемну, и шофер наш, Василий Иванович Калинин, советует мне надеть резиновые сапоги.

С одной стороны, действительно, грязь там — непролазная, с другой — не хочется нелепо выглядеть перед людьми: всё же представитель власти, а одет, как фашист при отступлении. Да и не по уставу. Да и чисто по-человечески мне такое отношение к форме, которой, скажу прямо, горжусь — претит.

— А вы наденьте резиновые сапоги, а в машину бросьте хромовые. А когда проинспектируете отделение, спокойно переобуетесь — и вся недолга!

Послушался я мудрого, опытного человека, и сделал, как советовали.

Наутро, задолго до первых петухов, темень, глаз выколи, еще доярки на дойку не все проснулись, а я уже был на комплексе, излазил его вдоль и поперек, посмотрел, где окна разбиты, где, что подчистить надо, обо всем переговорил с теми, кто уже пришел на смену: со скотниками, зоотехниками, бригадирами, а потом и с пришедшими доярками, узнал об их проблемах, заботах, чем довольны,

что тревожит, что надо менять — нормальный житейский разговор о жизни и работе.

А накануне еще и всю статистику по этому хозяйству изучил, по этому отделению. Где плюсы, где минусы. То есть, был готов во всеоружии и к предметному разговору, и к поиску решения проблем.

Сделали все, подъехали к конторе, я в машине переобулся, машину за углом поставили, пошел в красный уголок.

Следом подъехали Молодцов с Мавриным. Тут же появился и директор совхоза Петр Павлович Кузнецов — хозяин крепкий, грамотный, не зря орденом Трудовой Славы был награжден.

И тут Маврин спрашивает у него:

— Где же ваш прокурор, что-то я его не вижу.

— Так он давно тут все обходил, облазил, изучил, думаю, готов доложить обстановку.

Тут Молодцов с Мавриным изволили заметить меня. Маврин посмотрел так внимательно, увидел мои блестящие сапоги и аж взъерился:

— А, так вот как они по фермам ходят?! Его что на руках носили? По воздуху летал?

Спокойно отвечаю, что ходил нормально, как и все те, кто там работает. Тут же со знанием дела раскладываю обстановку, при этом не говорю общеизвестные факты, а сразу вношу предложения. В конце концов, и меня на мякине не проведешь: и сам сызмальства знаю, что творог не из вареников добывают, поскольку в деревне родился и вырос, и специальную литературу постоянно изучаю, понимая, что, работая на селе, обязан в тонкостях сельского хозяйства разбираться лучше отдельных специалистов.

Говорить-то это говорю, а сам вижу, что Маврин смотрит на меня с недоверием, постоянно переводя взгляд на блестящие сапоги.

И Молодцов так смотрит, дескать, что ты «втираешь» ему — надо было хотя бы грязью свои «хромачи» замазать.

Доярка в красный уголок заглянула, они ей:

— Ну-ка, идите сюда.

Подходит. Они:

— А вы сегодня прокурора видали?

— Да что вы со своим прокурором! — Отвечает та в сердцах, — он нам сегодня с раннего утра покоя не давал, всем, чем мог интересовался!

Техник подходит. У него тоже выпытывают, мол, вы хоть в глаза прокурора знаете?

— Да что его не знать? — Удивляется тот вопросу. Человеку-то невдомёк, что высокое руководство таким образом мне недоверие выказывает.

— Он нас, пока вы спали, своей дотошностью замучил! Всё ему покажи, всё дай пощупать. Да и не только сегодня, достаточно часто бывает у нас, знаем Сергея Максимовича.

А я по ходу действия продолжаю докладывать обстановку и по падежу, и по привлечению к ответственности виновных, и о том, сколько дел на рассмотрении. Маврин глазами зырк-зырк, а Молодцов, смотрю, уже довольный.

Потом в райцентре подводили итоги. И, как всегда, начали всех чистить. А меня в пример поставили:

— Вы посмотрите, прокурор района. Форма блестит как огонь, сапоги блестят, в курсе самых мелких проблем и народ его не просто знает, не просто побаивается, потому что от его прокурорского глаза ничего не спрячешь, но самое главное — уважает, потому что он всегда среди людей, знает их проблемы, и не просто знает, но и помогает их решать! Если бы все так работали.

Ну и т. д. А уже после того совещания, где итоги подводились, шофер наш, Василий Иванович, рассказал, что Молодцов в машину специально заглядывал, проверял сапоги мои резиновые. А они — чистые. Покачал головой, ничего не сказал. Наверное, не понял, что шофер их успел сполоснуть. Шофер у нас хороший был, тоже порядок уважал, не любил, чтоб в машине грязно было.

Анонимка

Звонит мне Первый секретарь Райчихинского горкома партии Святовец, просит прийти, надо посоветоваться.

Когда просят прийти, чтобы «посоветоваться», значит, хотят «нагрузить» какой-нибудь не самой обычной просьбой. И хорошо, если бы просьба эта была вполне безобидной.

Встречаемся. Вижу, Первый действительно серьёзно озабочен. Рассказывает, что был у него недавно на приёме начальник пуско-наладочного управления Давлатбеков. И специалист — каких мало, и как коммунист — активен, член горкома КПСС. На работе горит, коллектив у него подобран — все люди грамотные, каждый на вес золота, коротко говоря, руководитель, каких поискать, всё у него под контролем. Да вот беда: кто-то на протяжении долгого времени строчит на него доносы, понятно, не подписываясь, и в этих анонимках чего только нет. Понятно, что инстанции, которые обязаны реагировать на сигналы трудящихся, организуют проверки, и таким ревизиям несть числа. Приезжают, неделями шерстят, изучают, вынюхивают, выбивают из привычного, налаженного ритма, щупают абсолютно всё: и бухгалтерию, и производство, и всякие подсобные службы. После составляют акт о том, что жалобы не подтвердились и уезжают восвояси, а на место одной инспекторской бригады приезжает другая.

— И мы, горком, его по своей линии партийной инспектировали, и ОБХСС по своему направлению проверял, и Народный контроль у него побывал, и кто только им не занимался! Потом масштабы проверок становятся все основательнее — из области стали приезжать. Потом представители из Москвы, из МВД. И это — Сергей Максимович, вдумайтесь! — Повторяется из года в год! Короче, мужик не выдерживает, и я, как руководитель партийной организации города, его понимаю. Скажу так: нам он очень

нужен, без него как без рук. Надо его сохранить для города, для производства. А пуско-наладочное управление — это очень ответственный участок, здесь и тросы, и электроника для шагающих экскаваторов, и... Не дай Бог, какой сбой, — и Первый секретарь в сердцах махнул рукой и попросил найти анонимщика.

— Прошу вас, по-человечески, помочь. Вы, я наслышан, человек опытный, к делу своему относитесь скрупулёзно. Помогите!

Я, конечно, понимал, что этот случай даже и близко не входит в компетенцию прокуратуры, что для подобных поисков существуют другие службы, что по-хорошему нужно пойти официальным путем. Но я видел, что Первый серьезно переживает по поводу неприятностей специалиста, видел, что всё происходящее может отрицательно отразиться на угольной отрасли, и пообещал сделать всё, что в моих силах.

Что такое, искать иголку в стогу сена — вы представляете. Вот похожая ситуация и с анонимщиками. Но взялся я за это дело не только потому, что наслышан был о Давлатбекове, как о порядочном человеке, но еще и чисто из профессионального интереса. Здоровый азарт: неужели злоумышленник может быть умнее следователя?! Тут уже игра умов.

Между прочим, надо пояснить, что сейчас приняты правильные законоуложения, разъяснения и прочие акты на тему того, что на анонимки можно не обращать внимания, если их суть не затрагивает безопасности страны и отдельных граждан. А в те благословенные времена, о которых мы с вами говорим, на каждую записку без подписи необходимо было реагировать.

Вот и дореагировались до того, что человеку — хоть в петлю лезь. Первое что в голову пришло — надо пойти в кадры. Почему в кадры. Понятно, что речь веду об отделе кадров управления, которым этот самый Давлатбеков командовал. Все считали, что анонимки со стороны прихо-

дят, а я обратил внимание, что писались они со знанием дела, с пониманием производственных процессов, указывались не общие какие-то вопросы, а именно узловые точки. Человек не знающий деталей производства, не смог бы так аргументированно писать.

В кадрах запросил списки, личные дела всех сотрудников за последние 10 лет. В том числе и тех, кто уволился. И начал их изучать. При этом, как вы понимаете, я не мог бросить основные, текущие дела, поэтому, по договоренности с начальником отдела, просиживал там в управлении и до глубокой ночи в будни, и по выходным дням. Сидел и изучал, и изучал... У меня уже все почерки в один сливались. И самому Богу известно, сколько б еще пришлось напрягать зрение, да все-таки, уже на второй неделе моих посиделок, попался знакомый почерк. Я крепко сомневался, что выбрал правильный путь, глядя на огромную гору оставшихся папок, подумывал, что ошибся. И вдруг даже сердце громче и чаще застучало: вот оно!

Пошел в горотдел милиции к криминалистам, попросил дать неофициальное заключение — для официального, понятно, нужны были и специальные бумаги-запросы, а здесь — просто благодаря приятельским отношениям... Глянули эксперты, покумекали и подтвердили мое мнение, что почерк по нескольким признакам совпадает. Так что, в конце концов выяснилось.

Оказалось, что писал доносы-жалобы никто иной, как сосед по площадке, приятель Давлатбекова. Тот вместе с пасквилянтом и на рыбалку ездил, и делился самыми сокровенными мыслями, и ходили друг к другу в гости.

Несколько лет назад они вместе работали, всё время приятельствовали, но однажды, когда в управлении открылась руководящая вакансия, начальника одного из отделов, Давлатбеков своему приятелю в должности отказал. Тот и затаил обиду. Проработав некоторое время в управлении, он уволился, перешел куда-то в другое место, но жить оставался в том же доме, и также продолжал ходить в гости

к соседу. И все это время писал в самые разные инстанции анонимные письма. Несколько лет! В глаза улыбался, за одним столом сидел, а вот таким образом пакостил, мужика до сумасшествия доводил.

А событие неприятное, когда тебя проверяют. Даже знаешь, что ни в чем не виноват, а все равно — стресс, нервы. Ощущение не из приятных!

Пригласил я этого писателя в прокуратуру повесткой. Совсем по другому поводу, благо такой повод был, но мало касался нашего героя. И предложил написать объяснение.

Тот начал писать, и понял, что не просто так я это потребовал. Видать, щёлкнуло что-то в мозгах у мужика, вероятно, внутренне всё равно опасался, что рано или поздно на его след выйдут. И, сославшись на то, что ему трудно сосредоточиться в прокурорском кабинете, он попросил возможности заняться этим где-нибудь в коридоре. А в коридоре, надо сказать, стоял столик, как раз для того, чтобы граждане могли написать свои заявления. И вот вышел он из кабинета, а я буквально через пару минут дверь открываю, смотрю, а он пишет левой рукой! Чтобы почерк не был похож!

Я его приглашаю в кабинет, говорю, что хватит ломать комедию, что у нас есть заключение эксперта, подтверждающее авторство анонимок. Объясните, почему вы это делали. Или вы заблуждались, или сознательно клеветали.

Отвечает, что не заблуждался, что просто целенаправленно мстил за то, что ему не дали продвинуться по службе, хотя он вполне был достоин этого. Я потом спрашивал Давлатбекова, почему он так поступил. Тот ответил, что для компании — нормальный, компанейский мужик. Но как производственник — слабый. Не захотел портить отношения ругаться, возможно, и увольнять потом. Не потянул бы ответственного участка.

Я разъяснил анонимщику, что если на него поступит

официальная жалоба, то мне придется возбудить уголовное дело по статье «Клевета». А если нет — пусть всё произошедшее послужит ему серьезным уроком. Во время разговора с Первым секретарём горкома мы решили, что не будем раскрывать Давлатбекову имя недоброжелателя — неизвестно, что тот в сердцах мог бы сделать. Но официальное заявление с просьбой найти анонимщика и оградить его от безосновательных обвинений — запросили.

Несправедливо обвиняемый во всех смертных грехах и глубоко возмущенный предательством Давлатбеков заявление написал. Анонимщик в результате получил 6 месяцев исправительных работ.

Несостоявшаяся взятка

Сейчас-то взятками разве кого-нибудь удивишь?! Берут и дают все, кому ни попадя, — от простых работяг до министров и тех, кто выше тех министров. Осмелюсь сказать, и еще выше тех, кто выше тех, кто выше. Впрочем, вы об этом и сами знаете. И, надо сказать, что в достопамятные времена, о которых сейчас многие вспоминают с большой теплотой, с почтением и доброй ностальгической ноткой, взятка тоже существовала. Всегда находились те, кто был готов за определенную мзду оказать конкретную услугу. Правда, в советский период взятка с одной стороны не была образом жизни и мысли, как сейчас, с другой — каралась жесточайшим образом, вплоть до смертной казни.

Однажды довелось мне разбираться с причинами падежа свинопоголовья в одном из отделений совхоза «Дмитриевский». Бригадиром животноводства там был мужичок с образованием всего 8 классов, но достаточно опытный, успел поработать на всех абсолютно участках: и трактори-

стом, и скотником, и... Да в деревне каждый знает, с какой стороны за вилы и лопату хвататься. То есть, не новичок в сельском хозяйстве, откуда у коров хвосты растут, и где плохо лежит тюк сена — разбирался.

Стали мы этим делом заниматься, выяснили, что падеж произошел именно по его вине. Там всё сплелось: и нарушение технологии кормления, и большая скученность поголовья — в свинарнике была теснотища, а значит, и всё остальное, то есть, грязища и вонища. Понятно, что животные сталидохнуть, выражая тем самым протест против подобного содержания.

Бригадиру, накоротке его все звали Кузьмичом, вменялась халатность. Ущерб хозяйству был причинен солидный. Правда, часть он уже успел возместить. Мерой пресечения избрали подписку о невыезде.

И вот, разобрались мы с этим вопросом, составили необходимые акты, приобщили к документам свидетельские показания, объяснения и прочее, то есть проделали всю необходимую рутинную работу. Далее нужно было передавать дело в суд, но прежде необходимо было задать еще несколько вопросов Кузьмичу, для чего я и вызвал его в райцентр. Приехал он, вошел в кабинет, отвечает на вопросы, сам глазами туда-сюда постреливает, и вроде бы чего-то не договаривает.

Выяснил всё, что мне нужно было, объяснил бригадиру, какое наказание «светит», дал расписаться в протоколах и заканчиваю встречу. И тут он говорит, мол, Сергей Максимович, а может, не будем доводить дело до суда? Давай это дело прекратим!

— Как это «прекратим»?! — Удивляюсь я, — что положено по закону, то и сделаем!

— А может, как-то по-иному вопрос решим?

— Что значит по-иному?! — Я уже стал возмущаться.

Он помялся-помялся и говорит:

— Ну, может, я вас отблагодарю, а вы не будете дело в суд передавать, «замнёте» происшествие, а? Я же знаю, —

добавляет, — что вы все берете: и судьи, и прокуроры.

Понимая, что мой обвиняемый имеет в виду, заинтересовался, какова же мне цена в глазах младшего руководящего звена.

— Ну, и что предлагаешь? — Спрашиваю.

— Да вот, вырастил я себе пару хряков. Один — поменьше, на центнер, второй — покрупнее, на пару центнеров потянет. Хорошие хряки, выложенные, отборными кормами кормленные. Загляденье, а не хряки. Какой вам приглянется, того и забирайте себе. А если вам живым весом неудобно, если возиться не хочется, так мы можем и мясом — поближе к зиме, чтобы подморозило.

Я себя мысленно поздравил: «Оказывается, Серёга, есть и у тебя цена: целых два центнера свинины живым весом».

— Так ты, — говорю ему и в шутку, и всерьёз, — решил мне в прямом смысле слова, свинью подложить?!

Но он мои слова понимает буквально и приглашает на улицу, где у него машина стояла.

Вышли мы, опускает он борт кузова, а там — уже готовая расплата за мою уступку: два хряка в кузове на соломенной подстилке лежат и лениво, с некоторой даже и наглостью, похрюкивают. И хряки, скажу вам, не просто здоровые — огромные. Хоть на ВДНХ в Москву вези — золотая медаль обеспечена.

— Как же это вам удалось их в кузов загнать? — Спрашиваю, — да их, слонов, и подъёмным краном не с первого раза закинешь.

Стоит, гордый передо мной, думает, что я его тем самым хвалю. Прикидывает, наверное, что можно было и подешевле сотрудника прокуратуры купить. Но тут я не дал его мыслям всерьёз разгуляться, оборвал их на самых сладостных местах и говорю:

— Ну, как своих поросят кормить, вижу, знаешь. А что совхозных-то мешало?!

А дальше напомнил ему, что он член партии, что должен честно, по-мужски ответить за свои преступные про-

счета в работе. Вдохнул мой подследственный, понял, что со мной его коварный план покупки следователя — не пройдет. Завел машину, которая недовольно взвыла мотором, и скрылся за клубами пыли проселочной дороги. Сельские дороги традиционно, сами понимаете, — сплошная пыль. Особенно, в погожий день...

Гуси-лебеди

В Новокиевском Увале пришлось столкнуться с таким происшествием: у директора маслозавода уважаемого Льва Самойловича Фрегера пропали гуси. Если б он не досчитался одного, ладно, пары гусей, тут все было бы понятно: всё-таки сельская местность, мог какой-нибудь хорёк задавить, а то и лиса вдруг забрести в писках чего повкуснее. Такие истории нет-нет, да и случались. Опять же, может, какому-нибудь выпивохе страсть как захотелось закусить, чем повкуснее, а хозяина рядом не нашлось, и взял взаймы без спросу. Но тут пропало чуть ли не всё поголовье: гусей у потерпевшего было ни много, ни мало — семь десятков. Иной раз, чем-нибудь недовольные, такой гогот поднимут — на другом конце села слышно. И вот — раз, — и пропали в одночасье. То есть, утром уходил на работу, покормил, как положено, подышать воздухом выпустил, весь день провёл в выполнении планов и обязательств, а вечером хватился — а и нету гусей. Что за напасть? Обежал с домочадцами все окрестности, по всем улицам села прошлись. Райцентр — село немаленькое. Нет гусей, и всё тут! Очень обеспокоился хозяин, кое-как до утра дотерпел, а как только лучи солнца позолотили крыши, был у дверей прокуратуры и милиции.

Приняли у него заявление, участковый, следователи и оперуполномоченный уголовного розыска побывали у хозяина дома, всё осмотрели, изучили обстановку, ниче-

го понять не могут: всё на месте, запоры не сломаны. Соседи ничего не видели-не слышали, еще и пошутили, мол, может, в тёплые края птица зимовать подалась?

Ничего не дали и расспросы живущих на других улицах односельчан. На том потихоньку-полегоньку дело и приостановили: как ни пытались прояснить, что же произошло — безрезультатно. Гуси, будто испарились.

Прошло немного времени, наступил праздник — очередная годовщина Великого Октября, да и, одновременно, день рождения Льва Самойловича. Как вы помните, в преддверие этого события, улицы украшались разноцветными гирляндами, флагами, в школах проходили утренники, на предприятиях и в организациях — торжественные собрания, а по радио передавали концерты-поздравления по заявкам трудящихся.

Многие помнят, что в каждой семье на стене, как правило, на кухне, висел радиорепродуктор, по которому передавали новости, правительственные сообщения, самые различные передачи на злобу дня, зарисовки о достойных людях. В общем, радио было, пожалуй, самым доступным и самым популярным средством массовой информации. А всевозможных концертов-поздравлений все ждали с нетерпением: передавались они нечасто, и поэтому люди старались не упустить возможности послушать хорошие песни.

И вот на радость мазановским радиослушателям голос диктора на радио объявляет торжественно поздравление их односельчанину. Понятно, люди сделали свои радиоприёмники погромче. И тут из репродуктора зазвучало: по многочисленным просьбам друзей и близких исполняется для глубокоуважаемого директора маслозавода песня «Ой, Вы гуси, до свиданья».

Знающие о пропаже гусей у директора маслозавода Фрегера, а знало всё село, оценили шутку неизвестного доброжелателя и от души посмеялись, зная непростой характер своего земляка и его прижимистость. А Лев

Самойлович был вне себя от обиды, долго сокрушался, воры, что за люди, съели гусей, так им мало еще и насмехаются, и требовал найти виновных.

А наши следователи заинтересовались таким поворотом дела, и в конце концов выяснили, что с полгода назад руководитель предприятия пригласил на наладочные работы сезонных рабочих. Если кто помнит, и в советские времена можно было найти такую рабсилу, которая не гнушалась никакого, даже самого неквалифицированного труда, и за приличное вознаграждение могла и горы своротить голыми руками. Сговорились с бригадиром, сошлись в цене, ударили по рукам, те выполнили положенный объем работ, а когда наступило время рассчитать, директор маслозавода их, мягко говоря, обманул — не доплатил. Жаловаться? А кому жаловаться: работали-то без всяких на то документов, надеясь только на устную договорённость и честное слово руководителя.

Обиделись рабочие — и компенсировали недостачу в своих карманах гусями своего работодателя. Кто-то из экспроприаторов и позаботился о поздравлении на 7-е ноября.

Искать тех рабочих? А где их найдёшь? Бригады такие были временными: поработали — разбежались. Да и документов, повторяю, никаких не было. Да и гуси к тому времени уже явно были съедены.

Между прочим, о гусях и еще одну забавно-драматическую историю могу рассказать. Дело было в том же Новокиевском Увале.

У одной из мазановских женщин-одиночек прижился приезжий строитель. В доперестроечные годы, как только начинались первые проблески весны, из южных республик в наши сельские районы в поисках заработков слетались строители: где в каком совхозе дом построить, где коровник, где еще что — работы хватало. Надо отметить, что чаще всего к качеству работ претензий не было, работали мужики от зари до зари без всяких выходных. И получали

вполне приличные деньги. Ну, и всякое случалось: приезжие здесь кто постоянные семьи заводил, кто — временные. А что, дело житейское.

И вот слюбилась парочка — приезжий и местная. Както в порыве благосклонности мужичок подарил своей подруге пачку лотерейных билетов. Вы же знаете, это в крови у горячих южных парней — эффектный жест сделать, впечатление произвести, пыли в глаза подпустить — хлебом не корми.

И так сложилось, что на один из этих билетов выпал крупный выигрыш, о котором можно было только мечтать: автомобиль ГАЗ 21 «Волга». Мужик тот и так, и сяк, — а ничего не поделаешь, машина не его. И какая машина. «Волга» по советским временам самым шикарным автомобилем считалась, обладатель ее уже гласно-негласно считался человеком весьма обеспеченным. И вот так женщина и привязала к себе того строителя. Так он и перебрался в наш район на постоянное место жительства. А что: и женщина — видная, и машина — заметная, и сам — не из последних.

У той дамы и хозяйство домашнее имелось, самое обычное, как и у всех: куры, утки. Но чего много было — так это гусей! Птица крупная, что твой поросёнок. Такую забьёшь — надолго хватает. Но прежде чем забивать, птицу же откармливать надо. Это сегодня зайдешь на крестьянский рынок — и тебе всяких кормов, бери — не хочу, а тогда. Тогда нужно было умудряться, «доставать», а то и, приворовывать. Хозяйство-то, если по уму к нему относиться, требует, ой какого трудолюбивого подхода.

И вот многие односельчане и удивлялись, как же это хозяйка может содержать такое количество гусей — птицы до корма охочей?!

А всё было просто: её сожитель умудрился договориться в паре близлежащих совхозах со сторожами на зерновых дворах и при их помощи потихонечку негласно добывал

зерно, когда за бутылку — самая ходовая валюта в советское время, когда за какую-нибудь услугу, да мало ли как договориться можно?!

И вот однажды увидели, что запас кормов кончается, надо бы пополнить. Затарился армянин несколькими бутылками спиртного — и к одному из своих поставщиков. Обсудил со сторожем, давним своим знакомым-подельником, международное положение, состояние сельского хозяйства и виды на урожай, после чего договорился об очередной партии зерна.

— А вон там бери — махнул рукой сторож на груды уставленных в одном месте наполненных зерном мешков. И снова отвлёкся на содержимое стакана.

Подъехал наш товарищ к этим мешкам на своей Волге, не понравились они ему чем-то, а в стороне увидел другие — аккуратные, туго затянутые — ну, и загрузил в свою машину именно их. После чего распрощался со сторожем и вернулся домой.

Вернувшись, проявил своё рвение в содержании птицы и набросал гусям зерна, щедро набросал, не жалко: хорошо совхоз пощипал. Рассыпает да приговаривает гусям с акцентом:

— Живи, как корол...

В хату вошел истинным хозяином: заботу проявил, живность накормил, что гуси будут теперь «жить, как корол», сообщил хозяйке надеясь, что от хозяйки привечание будет.

А наутро хозяйка ему такое устроила! Скандал до небес был! Уж не знаю, гоняла ли она своего любовника дрыном или коромыслом — о том история умалчивает, свидетелей не было. Но шуму было много!

Оказывается, вышла она утром гусей своих кормить, а на дворе тишина, и не чирикает даже никто! Глядь, а гуси все до единого замертво лежат! Совершенно бездыханные! Оказалось, позарился мужичок на красивые мешки, а там зерно протравленным было, то есть, для посева подготов-

ленным!

На том я эти гусиные истории и заканчиваю без всяких комментариев. Вы и без меня знаете народную поговорку о том, что губит фрайера — жадность. Кстати, именно так по этим случаям в Новокиевском Увале и говорили. А за отличившимся, пожалуй, навсегда, односельчане закрепили прозвище — «Живи, как король».

Ворошиловский стрелок

Шутливое звание «Ворошиловский стрелок» довольно долго сопровождало меня по жизни, и в этом не было ничего удивительного: стреляю хорошо, действительно, о чем знают все мои друзья и знакомые. Но именно так стали негласно называть меня после одного весьма комичного случая.

Однако, лучше расскажу всё по порядку.

Со стрелковым оружием я познакомился еще в начальной школе, когда учился в третьем классе. У нас дома была «мелкашка» — так по-простому называлась малокалиберная винтовка ТОЗ-12. Отец обучал меня как с ней, да и вообще с оружием, обращаться.

Вначале научил правильно целиться по различным объектам, а когда это было мною усвоено в теории, приступил к практике, разрешив выстрелить три раза по мишени.

В конце огорода, забор которого отделял наш участок от березовой рощицы, он из толстых досок соорудил непробиваемый пулями щит и прикрепил на него мишени для «воздушки» и «мелкашки».

Надо сказать, что тогда такие винтовки свободно продавались в хозяйственном магазине и стоили не очень дорого. В зависимости от модели, цена доходила максимум до 25 рублей, но можно было найти и что-нибудь более доступное. Взрослому человеку винтовку можно было спо-

койно купить по предъявлению паспорта и охотничьего билета, никаких милицейских разрешений не требовалось.

Зато у пьяниц и дебоширов оружие изымалось без всякого суда и следствия.

И вот первый выстрел с расстояния 25 метров. Я, конечно, немного волнуюсь, — всё-таки, это первый мой выстрел в жизни, первое «взрослое» оружие. Вот мушка остановилась под обрезом мишени — всё так, как учил отец, вот я задержал дыхание, вот палец плавно давит на спусковой крючок, вот лёгкий толчок в плечо. Выдох. Пошли смотреть.

— Неплохо. — сдержанно сказал отец, рассматривая на свет дырочку — след от пули, которая пробила цифру восемь.

Удача воодушевила меня, и я потом стрелял еще два раза. Попадания были опять в восьмерку и девятку.

— Ну, а теперь уже даже хорошо! — Подбодрил меня отец. — Первое попадание могло оказаться и случайным. А вот последующие говорят о том, что ты правильно усваиваешь стрелковую науку. Так держать, сынок, это тебе пригодится!

И действительно, пригодилось. В школе я стал ходить на занятия в стрелковую секцию. Позднее, уже в девятом классе, на районных школьных соревнованиях занял в личном зачете второе место, выполнив норматив первого юношеского разряда по стрельбе.

В торжественной обстановке председатель районной организации ДОСААФ Петр Григорьевич Савенко вручил мне удостоверение о первом юношеском разряде. Позднее, уже в десятом классе, по рекомендации Петра Григорьевича и директора школы Алексея Григорьевича Артеменко меня избрали председателем школьной первичной организации ДОСААФ.

За организацией закрепили шесть винтовок ТОЗ-8 и ТОЗ-12 и столько же «воздушек». Два раза в месяц, по воскресеньям, мы проводили стрельбы, не жалея патро-

нов, благо, что их выдавали в большом количестве. Но, сами понимаете, то была не пустая стрельба, не «пулялки» по облакам, — каждые стрельбы были организованы, как серьезные тренировки и подразумевали соревновательность. Скажу так, спортсменов-профессионалов мы не выращивали, но обращаться с оружием на хорошем уровне могли почти все мои сверстники-однокашники. Призы в Новокиевский Увал наши ребята привозили в том числе и с областных соревнований, побеждая даже тех, у кого спортивная база была не в пример нашей серьезнее. Но это так, к слову.

А вообще, так или иначе всю жизнь был связан с оружием. Например, когда работал сопровождающим почты, после школы, за мной был закреплен револьвер системы наган калибра 7,62. А после избрания членом бюро Мазановского РК ВЛКСМ и назначения на должность заведующего организационным отделом райкома, отвечал за сохранность спортивного пистолета Марголина. И здесь должен пояснить, что это были времена, когда военно-патриотическое воспитание молодёжи ставилось во главу угла, и спортивное оружие в райкомовском комсомоле не было редкостью, оно использовалось для тренировок и соревнований.

А когда работал в прокуратуре, то у меня четверть века было табельное оружие — пистолет Макарова.

К вышесказанному добавлю, что у меня было (и остаётся!) хобби — зимняя охота. Всё-таки, у большинства мужчин это в крови — добыча зверя. За несколько часов до выезда тобой овладевает азарт, мыслями весь в лесу, представляешь, как вдруг вскинешь ружье, когда увидишь... Впрочем, на охоте давно не был: и глазомер не тот, и сноровка не та.

Так вот, для своего увлечения приобрел карабин КО-44, проще говоря, это кавалерийский карабин, та же винтовка Мосина, только с укороченным стволом, а позднее — и более современное охотничье нарезное оружие. На охоте

почти всегда сидел на месте стрелка и в большинстве случаев оправдывал ожидания моих собратьев по добыче. Подводя некоторым образом черту, скажу, что в стрелковом деле я собаку съел, с какого конца к винтовке прикладываться, учить меня не надо.

Когда я уже состоялся как прокурорский работник и был назначен Генеральным прокурором РФ на должность заместителя прокурора Амурской области, мне приходилось по долгу службы и принимать делегации китайских прокуроров, и выезжать в КНР с ответными визитами, возглавляя наши делегации. И вот в одну из таких поездок мы прибыли в прокуратуру округа Хэйхэ провинции Хэйлунцзян.

Всё шло своим чередом, согласно заведенному протоколу — встреча, обмен мнениями, показ организации работы прокуратуры: условий труда и быта сотрудников, затем обсуждение, вопросы-ответы. А по окончании протокольной части нам предложили проехать в уездный городок Удалянчи, где можно было ознакомиться с работой уездной прокуратуры, а заодно с местными достопримечательностями, и, конечно же, с вулканами, уснувшим более двухсот лет назад после извержения. Кроме того, нам предложили посетить мертвое море: застывшую лаву и соляную пещеру, а также воспользоваться возможностью попить лечебной воды, славящейся своими целебными свойствами. Тогда всё это было для нас в новинку, на многое мы смотрели, чуть ли не в прямом смысле, разинув рты. Правда, должен сказать, что вели себя выдержанно, любопытства и интереса своего хоть и не скрывали, искренне восхищаясь великолепными пейзажами и творениями природы, но при этом были совершенно спокойны, соблюдали рамки дипломатических приличий. Нас сопровождали прокуроры, переводчик, служба безопасности и десятилетний сынишка одного из чиновников.

После всех официальных процедур нас подвезли к мертвому морю. Так китайцы называли застывшую после

извержения лаву. И мы по узенькой, иногда весьма трудно-проходимой дорожке, медленно поднялись к вершине вулкана. На самой вершине нашему взору открылась действительно похожая на море застывшая лава с причудливыми формами, похожими на гребни морских волн и чайками над ними.

Чуть ли не у самого кратера стоял тир, хозяин которого приглашал пострелять появляющихся там туристов. Увидев, что я проявил интерес к этому тиру, а я просто подошел, пощупал пневматические винтовки, даже прицелился из одной, — переводчик Ли Шэн передал мне, что прокурор уезда предлагает посоревноваться в стрельбе.

Я и Игорь Брониславович Андриенко, в то время прокурор Белогорского района, член нашей делегации, с удовольствием согласились на это предложение. Надо сказать, что китайские пневматические винтовки заметно отличались от наших и размером, и толщиной ствола, и калибром патронов, и были совершенно непривычны для нас. И тем не менее, мы приняли вызов: чтоб российские прокуроры, да пасовали?!

В качестве мишени нам выставили по десять воздушных шариков, на которые дул вентилятор, из-за чего они раскачивались с большой амплитудой, что усложняло попадание. Однако мы с напарником справились с этой задачей, поразив каждый по десять шаров. Китайские прокуроры отстали на два шара и признали нас чемпионами.

Переводчику Ли Шэну я дипломатично сказал, что эти стрельбы для нас, многоопытных стрелков, не очень интересны. Не ощущаешь того адреналина в крови, того азарта, который испытываешь, когда на охоте, в погоне стреляешь по зверю, да еще бегущему, и попадаешь. Вот тогда ты чувствуешь себя мужчиной, бойцом, чемпионом! А эти стрельбы по шарам — для нас просто детская игра. Ли Шэн покивал головой, согласившись со мной.

А в это время сопровождающий нас мальчонка поймал довольно большого кузнеца и стал показывать его своему

отцу. Я посмеялся, мол, вот видишь — тоже охотник. Зачем ему шарики, когда ловить кузнечиков гораздо интереснее. И тут прокурор уезда решил взять меня на «слабо»: спросил, а смогу ли я попасть в живого кузнечика? Ну, и тут же посетовал, вроде как давая возможность «отступной», что вряд ли я попаду: насекомое слишком мелкое, как в него можно попасть. Типа, да я пошутил, не стоит и браться.

Не знал наш визави, с кем он разговаривает.

Для вида я поцокал языком, мол, действительно задача не из лёгких. Она действительно, не была простой: вам когда-нибудь приходилась стрелять по кузнечику?! Да еще и метров этак с двадцати? Потом вроде как прикинул что-то в уме.

— Ну, давайте попробуем, — говорю наконец.

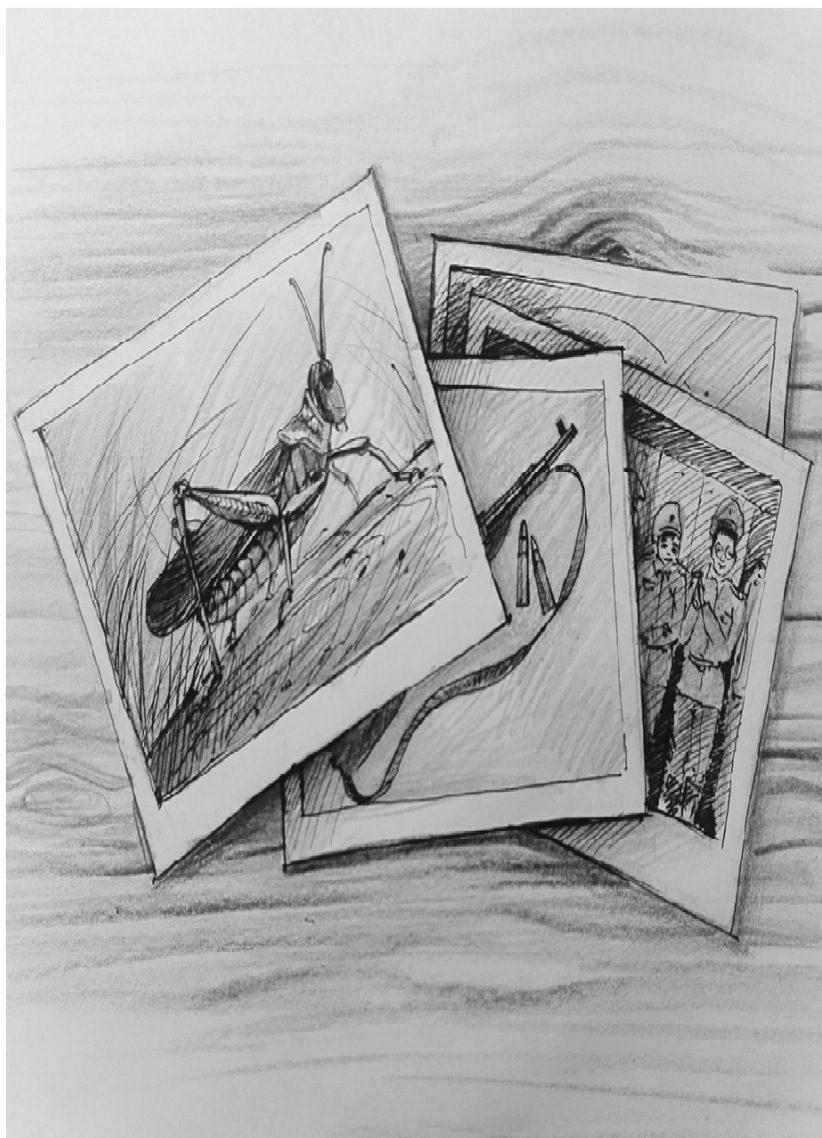
Мальчишка по команде отца побежал и булавкой прикрепил к дереву насекомое. Я взял винтовку и прицелился.

Кузнечик почти сливался со стволом, да еще мешало солнце, которое своими лучами било в глаза, явно подыгрывало хозяевам территории. Я провел ладонью по лицу: от солнца выступила слеза, на прицел-то смотреть было сложно, а надо еще совместить его с кузнцом, местонахождение которого выдавала лишь блестящая на солнце булавка. Сам при этом, конечно, понимаю, что ввязался в авантюру. С одной стороны, вроде бы — шутка, ничего особенного, но с другой стороны — за моей спиной стояла вся амурская, если не сказать больше, прокуратура. Мог ли я посрамить ее честь даже в таком шутилом, ничего не значащем поединке?!

— Ну, — шучу, прицеливаясь, — сейчас я вашему кузнечiku отстрелю то место, которое ему помогает размножаться. Окажу вам помощь в борьбе с саранчой, чтоб не делала она набегов на ваши посевы!

Переводчик рассмеялся и долго переводил мою тираду, продолжая улыбаться.

Окружившие нас китайцы загалдели, заулыбались, услышал я и одобрителные возгласы, и сомнения, — кое-

кто на ломаном русском говорил, мол, «капитана-хулигана, не попадешь!»

Я, тоже посмеиваясь, утверждал обратное. И тут хозяин тира предложил спор. И объявил, что если я попаду кузнецу в причинное место, то он отдаст мне все свои призы, а если не попаду, то буду должен заплатить их стоимость. То есть дело уже приняло вполне серьёзный оборот.

Спрашиваю, сколько же стоят его безделушки. Оказалось, немало, около пятисот юаней. А у меня в кармане единственная эта бумажка и была, и больше ни копейки, по-русски говоря. Оно, конечно, не проблема: кормили-поили нас за счет принимающей стороны, но и оказаться совсем без денег в чужой стране тоже, сами понимаете, не совсем уютно...

Но у меня такой характер: если что-то пообещал — в доску разобьюсь, но выполню.

И вот китайские прокуроры разбили нас по рукам и выступили гарантами исполнения спора, а я достал из кармана свои пятьсот юаней и, положив их перед хозяином тира, пояснил, что это моя гарантия.

Мои коллеги стали меня отговаривать, но поздно, я уже, что называется, закусил удила. Стоял на позиции и снова выцеливал кузнеца: отступать было некуда, надо было отстоять честь мундира, не дай Бог, ударить лицом в грязь перед китайцами.

Стрелял, практически наугад: солнце слепило глаза. Оно явно было на стороне хозяев! Кузнечик полностью слился по цвету с корой дерева, винтовка была непривычна и не по моему плечу, спусковой механизм был очень тугой. Кто бы стал выслушивать мои доводы, если б я промазал. Я попал точно в цель! Там, где только что был кузнечик, полетели брызги.

Аккуратно, с немного небрежным видом отставив оружие после толчка приклада в плечо, я посмотрел на дерево. На булавке оставалась лишь половина кузнеца, второй половинки, по поводу которой, собственно, и спорили — не было... Видели б вы лица китайцев, а особенно хозяина тира!

Все наши закричали:

— Попал! Ура, Максимычу!

Еле сдерживая смех, я потребовал выполнить обязательства, взятые проспорившей стороной. Китайские прокуроры потребовали, чтобы хозяин тира все призы выложил на прилавок. Признаюсь, было жалко смотреть на бедного «тирщика», который уже сто раз пожалел, что повёлся на такое пари.

Но, делать нечего, спор — есть спор, тем более, что гарантом выступили никто иные, как прокуроры. Тут уж, извините, не увернешься.

Хозяин тира достал из своей подсобки абсолютно всё, а там много чего было, и положил на стол передо мной.

— Капитана, бери, все твоё, — дрожащим голосом проговорил он. Потом взялся за голову обеими руками и сел на циновку.

Я молча взял блок сигарет «555» и отдал моему коллеге Игорю Брониславовичу. Тот начал раздавать их всем сопровождающим, подчеркивая тем самым, что победила на самом деле дружба, что произошедшее было просто удачным выстрелом, и что победивших — нет.

Китайцы оценили наш доброжелательный шаг. Сигареты эти пользовались спросом. Они с удовольствием рассказывали их по карманам.

Я же заведомо знал, что забирать ничего не буду, и, выдержав небольшую паузу, перестал мучить бедного «тирщика», и всё то, что он выложил, подвинул вместе со столом к нему и сказал, что дарю ему все выигранные и уже принадлежащие мне вещи за честность в споре.

Хозяин тира несказанно обрадовался и стал энергично трясти мою руку, приговаривая при этом, мол, друга, капитана, спасибо. Такому исходу дела обрадовались и китайские коллеги. Стали нахваливать чуть ли ни в один голос:

— Сергей — чемпион, хороший стрелок!

А стоявший рядом Игорь Андриенко добавил:

— Ворошиловский стрелок.

Как раз в это время на экраны вышел известный фильм режиссера Говорухина с таким названием, и острота Андриенко пришлась всем нашим по душе.

Позднее Ли Шэн привёз нам фотографии с запечатленными мгновениями нашей поездки. Среди них была и та, где я стреляю по кузнечiku. Да вот она, на столе лежит... Немного выцвела, правда...

Пусть расцветут тысячи роз. Тост на приеме у Штырова

Как я уже упоминал, мне частенько приходилось по долгу службы встречаться с китайскими прокурорами, как на нашей территории, так и на сопредельной. Моим коллегам и мне самому было очень интересно изучить тонкости организации работы китайских товарищей. Нас интересовало абсолютно всё: и как устроен быт сотрудников, и как обустраиваются кабинеты, но самое главное, что делается для обеспечения законности. То же самое интересовало и наших коллег с китайской стороны. Обмен опытом был, безусловно, взаимополезен.

Однажды с визитом к нам приехал Мамин У — прокурор округа Хэйхэ провинции Хэйлунцзян. Мне довелось сопровождать его с переводчиком по имени Ли Шэн в ознакомительных поездках по городским и районным прокуратурам области.

Однажды вечером в лучшем номере свободненской гостиницы «Зея» Мамин У, увидев бегущего по стене таракана, с сарказмом отозвался о нашей стране, назвав ее холодной и серой, в отличие от его страны, которая прекрасна, как распутившаяся роза.

Вряд ли стоит напоминать вам ту нашу российскую не ухоженность почти 30-летней давности: страна не могла еще нащупать своего пути, еще металась из стороны

в сторону, катастрофически не хватало денег на какие-то маломальские удобства. Но все же изо всех сил мы старались вылезти из болота, в которое сами же и влезли, мы верили в то, что всё образуется, и что мы опять станем процветающей нацией. Поэтому слова китайского коллеги меня не просто обидели, а, скажу прямо, даже покоробили: не след было так вести себя представителю страны, которая сама только-только оправилась, да и то, не до конца, от ошибок своего прежнего руководства.

И хотя возразить китайцу было трудно — по сути, он был прав, я нашел, чем ответить ему.

— Мамин У, — говорю, — да, действительно Китай сегодня распустился как роза, но в нашей стране посажены множество луковиц роз и скоро, мы в это верим, распустился роза, и не одна! И хотел бы напомнить вам слова известного советского поэта Маяковского, который выражал уверенность в завтрашнем дне: «Я знаю, город будет, я знаю, саду цвествь».

— Как такое возможно? — Скептически отозвался он, — у вас сплошная разруха, вы до сих пор не можете понять, каким курсом двигаться.

Но я ему привел еще одну цитату, уже из стихотворения другого поэта, Тютчева, сказавшего: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Я напомнил ему ключевые слова того стихотворения: «В Россию можно только верить». И еще сказал ему, что как коммунист, он, наверняка слышал неофициальный гимн советских коммунистов, в котором были и такие слова: «Россия – ветер, Россия – буря, одну на свете люблю такую».

Покачал головой Мамин У, сомневаясь в моей уверенности. Но я завершил наш разговор коротко и ясно, сказав, что самое главное — наш народ невозможно сломить временными трудностями, сожмёмся в кулак, выстоим и — победим! А иначе — зачем вообще тогда жить, если не видеть впереди ничего светлого?!

Вот этот разговор о России, о Китае и розе, как некоем

символе процветания, надолго отложился в моей памяти и, надо сказать, однажды помог мне в весьма неожиданной

ситуации.

В канун десятилетия Конституции РФ, когда я уже работал заместителем начальника государственного правового управления аппарата губернатора, пришло приглашение в Якутск на участие в торжественных мероприятиях, посвященных этой дате. Ехать должны были глава региона и руководитель управления.

Но по какой-то причине Леонид Викторович Коротков, в то время — губернатор области, не смог поехать на это мероприятие, и ответственным назначил меня. Таким образом, я оказался представителем исполнительной власти.

После торжественной части я вместе с другими был приглашен на торжественный прием к Президенту республики Саха-Якутия Вячеславу Анатольевичу Штырову. Со вступительным словом выступил председатель правительства и предложил поднять бокалы за юбилейную дату.

Надо сказать, что помимо исполнительной власти, были также приглашены представители областного Совета народных депутатов и управления юстиции. Делегацию Совета возглавлял его председатель С. И. Горянский, но их отдельно принимал руководитель законодательной власти (Ил Тумэн), и поэтому у меня не было чьей-либо амурской поддержки. Вдруг председатель правительства неожиданно для меня предоставляет слово представителю житницы Дальнего Востока и называет мою фамилию и должность. Я бывал в разных сложных ситуациях и, не теряя самообладания, всегда выходил с честью, но в тот момент предоставление слова было сродни удару обухом по голове.

Дело в том, что существует протокол, и, согласно его уложениям, соблюдается определенная очередность выступлений. И поскольку меня никто не предупредил, что протокол будет нарушен специально во имя нашего региона, я не был готов к такому повороту событий. Сами понимаете, в такой ситуации не сошлешься на нездоровье. Пока вставал из-за стола, в голове, как в компьютере, молние-

носно прокручивались самые разные варианты обращения к столь высокому собранию. Все-таки, это не на домашней вечеринке пожелать всем здоровья. В общем, не мог посрамить Амурскую область каким-нибудь простеньким поздравлением. Оно, безусловно, должно было быть государственным по масштабу.

И тут в памяти моей возникло лицо китайского прокурора Мамин У, и я вспомнил его слова о розе, и понял, что я должен сказать.

Поблагодарив за предоставленное первому слово, я начал с того, что, несмотря на то, что Якутск расположен на вечной мерзлоте, нас тепло встретили добрые хозяева, у которых бьются горячие сердца. Мы не останемся в долгу и действительно, как житница Дальнего Востока, всегда готовы оказывать всемерную поддержку, рады сотрудничеству и развитию торговых отношений.

По долгу своей службы мне пришлось общаться с китайским прокурором во время беседы он сказал, что его страна — это распутившаяся роза. На что я ему ответил, а наша сад с посаженными луковицами роз. Празднование юбилея Конституции, создание единого правового поля в регионах, их соответствие Основному Закону страны свидетельствуют о том, что у нас уже прорастают луковички роз. Так давайте поднимем бокалы за содружество наций за чувство локтя в регионах ДФО и за веру в будущий цветущий сад.

Все начали дружно хлопать, председатель произнес: «Браво, Амурская область!». А я с чувством исполненного долга выпил рюмку коньяка и вернулся на свое место.

Сосед, начальник правового управления Чукотки, спросил, мол, где ты так насобачился. Я ему ответил, что это военная тайна, и мы все рассмеялись.

Коротков, когда я ему докладывал о результатах поездки сказал: «Молодцом, Сергей Максимыч, не подвел!»

Раздел 3. Ветераны

Не стареют душой!

Сегодня, когда оглядываюсь на пройденный жизненный путь, имею в виду, конечно, путь профессиональный, сама-то по себе жизнь продолжается, и при этом не менее насыщенно и полноценно, — так вот, окидывая взглядом прошлое, с благодарностью вспоминаю тех, кто в прямом и переносном смысле помогал становиться на ноги, расти профессионально, превращаться в крепкого юриста.

Иных уж нет. Многие, как и я, ныне находятся на пенсии. Но, за что им честь и хвала, не могут усидеть

на месте, не предаются бездумного сидению у вечернего телевизора, а по-прежнему стараются принести пользу обществу: делятся опытом с молодыми сотрудниками, подставляют плечо помощи своим коллегам, — тем, у которых не всё ладно со здоровьем, встречаются с горожанами, рассказывая о работе прокуратуры и повышая, тем самым, авторитет и значимость органов прокуратуры в обществе, пишут воспоминания. В общем, — не доживают, а полноценно живут.

Как-то так сложилось, что в мелькании дней, насыщенных правоохранительной деятельностью, мы, прокурорские работники, даже и не задумывались, что когда-то наступит время и придётся передавать дела поколению, идущему на смену. И выяснилось, что у сотрудников прокуратуры, ушедших в отставку, нет своей организации ветеранов, мы, пенсионеры, никак не организованы, обитаем сами по себе. Обменяемся воспоминаниями о былом при случайной встрече, посетуем на здоровье, перекинемся парой слов, не слышно ли что про того или иного бывшего сослуживца, и опять каждый в свой уголок.

— Непорядок! — Решили активисты, — как же так: существуют отраслевые общественные организации ветеранов образования, здравоохранения, работников культуры, да мало ли их! А у сотрудников прокуратуры ветеранской организации нет.

Подумали — и постановили, что будет правильно, если этот недочёт мы устраним.

Созвонились, договорились о встрече, начали прикидывать-прибрасывать, с чего начать, а начав, как продолжить, какую направленность придать нашему братскому объединению.

Так сложилось, что бывший прокурор области В. Е. Теркин к тому времени побывал в Москве и заходил по необходимости в Генеральную прокуратуру, к своему сокурснику А. А. Розанову — советнику Генерального прокурора РФ, который до этого был заместителем Генераль-

ного и ведал кадровыми вопросами в масштабах всей страны. И в разговоре выяснилось, что и Москва собирается инициировать процесс создания подобных общественных структур. Даже похвалили «амурчан», мол, сами прокладывают путь, не дожидаясь указов «сверху». Так совпали наша инициатива и планы руководства.

Вернувшийся из Москвы коллега обнадёжил тем, что в Генпрокуратуре нас только поддержат. И мы начали работу по подготовке учредительного собрания.

В июле 2006 года В. Е. Теркин и я создали инициативную группу пенсионеров прокуратуры. Встречались с людьми, рассказывали о наших начинаниях. Отрадно, что встретили понимание практически всех, с кем не так давно работали плечом к плечу. Наши сослуживцы и сами понимали: для тех, кто ушел на заслуженный отдых не хватает объединительного звена. Вот ведь несуразная формулировка — вы не находите? Кто-нибудь видел пенсионера, который только и делает, что отдыхает?!

Получив поддержку и полное взаимопонимание с экс-сослуживцами, мы подготовили различные документы, проект устава ветеранской организации, и, не откладывая дело в долгий ящик, провели учредительное собрание. На нем и провозгласили создание Региональной общественной организации ветеранов прокуратуры Амурской области.

В числе учредителей были А. В. Антонов, Г. П. Авдеев, Г. Н. Абросимова, В. С. Адриадзе, В. В. Белый, С. М. Бойченко, Г. Н. Гарипова, В. Н. Гололобов, В. Я. Горжей, В. С. Елисева, В. Е. Теркин.

Конечно, встал вопрос о председателе. Изучили, рассмотрели несколько кандидатур. Ясно, что было много достойных и уважаемых людей! Среди них, к примеру, Р. Х. Исмагилов. Человек больших знаний, высокой культуры, дипломат по характеру. Он прошел путь от рядового сотрудника прокуратуры до первого заместителя прокурора области. Его авторитет в нашей среде был неоспорим,

и многие склонялись к тому, чтобы избрать руководителем нашей организации именно Р.Х.Исмагилова. Но он сам предложил обратить внимание на его годы. Да, действительно, возрастом он был к тому времени, мягко говоря, сильно постарше остальных, что понятно, сказывалось и на его здоровье. Рафик Хамитович посоветовал присмотреться к более молодой и энергичной кандидатуре.

С ним согласились и после короткого обсуждения единогласно выбрали председателем вновь созданной ветеранской организации Владимира Ефимовича Тёркина, ушедшего в отставку с должности прокурора области, Государственного советника юстиции 3 класса.

Региональная общественная организация ветеранов прокуратуры Амурской области, Устав Организации, 17 октября 2006 года были зарегистрированы в Управлении Министерства юстиции по Амурской области.

Казалось бы, произошло это только вчера, а вот уже в прошлом году мы отпраздновали 10-летний юбилей.

С момента образования Общественная организация ветеранов организационно и позиционно окрепла. Основная цель её создания определена прежде всего Уставом – это укрепление взаимодействия сотрудников прокуратуры области с ветеранской организацией и пенсионерами прокуратуры, создание надлежащих условий для работы ветеранской организации, использование потенциала пенсионеров в деле воспитания прокурорских кадров, обеспечение преемственности поколений, формирование позитивного мнения о деятельности прокуратуры, совершенствование прокурорского надзора, обеспечение медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения ветеранов, оказание правовой помощи.

В этом, как вы видите, ничего особенного, ничего нового и нет, но, когда многим из нас приходилось встречаться с проблемами в одиночку, проблемы зачастую не решались, приходилось сталкиваться с бюрократами, с чиновничьим бездушием, непониманием со стороны тех, кто

уверовал в свою безграничную власть. Всех обид, наносимых пенсионерам, назвать невозможно. Однако, когда мы объединились, то и почувствовали правоту поэта-классика в том, что единица сама по себе ничего не стоит.

Еще на учредительном собрании мы решили, что организация наша должна быть финансово самостоятельной и определили сумму взносов, при этом не отказываемся от предложений спонсоров, от помощи производственных коллективов. И сегодня мы позволяем себе вполне самостоятельно, не выпрашивая ни у кого вспомоществования, делать особо отличившимся ветеранам небольшие подарки к праздникам. Это ведь здорово, когда человек ощущает внимание к себе, когда видит, что его не забывают, когда он чувствует свою нужность.

Вряд ли есть необходимость перечислять всю нашу повседневную работу. Если вкратце, то это и внесение предложений руководству прокуратуры области по вопросам взаимодействия и деятельности общественной организации. Это и сотрудничество со СМИ. Это и участие в проведении заседаний аттестационной комиссии, коллегии и координационного совещания, рабочих групп по согласованию с прокурором области. Это и прием граждан в соответствии с утвержденным Советом Положением об общественной Приемной Совета Ветеранов.

29 октября 2011 года организация прошла перерегистрацию и на первом собрании председателем Совета ветеранов избрали меня. Боевыми заместителями стали Г. П. Авдеев и В. К. Ригунов. В новом составе Совета Ветеранов сейчас находятся С. М. Бойченко, Е. И. Хохлявин, Е. Е. Барабаш, В. М. Горшков, Г. Г. Кузнецова, В. Я. Горжей, А. В. Новицкий., В. К. Ригунов, В. Т. Чистов.

В настоящее время организация насчитывает 40 членов или 20% от общего числа пенсионеров прокуратуры, и продолжает работу по росту своих рядов за счет целеустремленных, стремящихся помочь другим и оставить свой добрый след на земле пенсионеров прокуратуры.

Надо отдать должное руководству областной прокуратуры, со стороны которого мы постоянно находим поддержку. Не было случая, чтобы мы были обделены вниманием. И благодаря этой поддержке, наша рука находится на пульсе деятельности прокуратуры страны, наши представители принимали участие во всех Всероссийских Конференциях пенсионеров и ветеранов прокуратуры РФ. И это уже не говоря о различных форумах областного и городского масштабов.

Особо хотелось бы сказать об инициативе, которая вызывает у нас чувство гордости: о создании музея истории прокуратуры.

Эта работа выполнена при взаимодействии прокуратуры области и областного краеведческого музея им. Новикова-Даурского. Музей был торжественно открыт 9 мая 2015 года исполняющим обязанности прокурора области А. С. Щербаковым и старейшим, одним из самых активных членов организации ветеранов, В. З. Земцовым.

Создание музея прокуратуры — яркий пример патриотичности ветеранов, их инициативы и желания рассказать будущим поколениям о тех, кто стоял у истоков амурской прокуратуры, кто верой и правдой служил закону и обществу все годы советской власти, кто занимался и занимается отстаиванием прав и законных интересов общества и государства в современных условиях.

Наше поколение прокуроров и следователей, пришедших по зову сердца на службу в органы прокуратуры в начале 70 годов, до сих пор помнят чуткое внимательное отношение старших товарищей во времена своего профессионального становления и роста.

Наставниками были, как правило, коллеги, прошедшие горнило войны, обладавшие наиболее обостренным чувством справедливости и нетерпимости к проявлениям нарушения закона, принципиальны и честны, объективны и ответственны.

Это позволяло молодым специалистам ощущать себя более уверенно и эффективно исполнять возложенные обязанности.

Как не вспомнить добрым словом бывшего прокурора области Заслуженного юриста РСФСР Бурика Илью Федоровича, старшего помощника по кадрам участника ВОВ Полякова Константина Васильевича, старшего помощника прокурора области участника ВОВ, настоящего Почетного работника прокуратуры Российской Федерации легенду прокуратуры Кайденоко Алексея Дмитриевича, прокурора горда Райчихинска Заслуженного юриста РСФСР Гаврилкина Ивана Ивановича, старшего помощника прокурора области по делам несовершеннолетних старшего советника юстиции Шайхутдинову Асю Андреевну, прокурора следственного отдела участника ВОВ Заслуженного юриста РСФСР Евсеева Марка Михайлович, участника ВОВ Шепалова Тимофея Пименовича, своего первого прокурора наставника Ветерана прокуратуры РФ Адриадзе Виля Сергеевича.

Яркий след в истории прокуратуры Амурской области оставил Государственный советник юстиции 2 класса бывший прокурор Амурской области Почетный работник прокуратуры РФ Заслуженный юрист РФ Богомолов Виктор Иванович. Многих и многому научил бывший начальник отдела общего надзора старший советник юстиции Почетный работник прокуратуры СССР, Ветеран прокуратуры РФ Утемов Георгий Александрович. Его мудрый совет многого стоил! Именно такие прокуроры, как Г. А. Утемов, прокуроры ушедшего поколения, олицетворяли ум, совесть, честь, справедливость и силу прокуратуры, верно служили Закону и Родине. Светлая им память. «Времен связующая нить» необходима для того, чтобы не потерялась связь поколений.

Задача сегодняшнего дня и последующего времени, помнить, чтить, и приумножать традиции, и в этом ключе воспитывать новое поколение прокурорских работников. Душа радуется у тех, кто переступает порог небольшого помещения, которое занимают экспонаты музея. Их пока еще не так много, как хотелось бы, но мы целенаправленно ведём работу по пополнению экспозиции. Конечно, многие свидетельства жизни прокуратуры ныне находятся в областном архиве, непосредственно в музее области, оказались там ранее. Что-то, увы, было утеряно, чему-то не придавалось значения. Согласитесь, вышедшую из моды, из употребления в связи со сменой формы, ту же фуражку — уже несколько помятую, пылящуюся на дальнем уголке полки при уборке, повертев в руках, со вздохом отправляли в мусорный контейнер. А сегодня подобные вещи — раритет, и мы радуемся, что нам удалось собрать несколько форменных костюмов разных времен. Те же кокарды, звездочки с петлиц и погон — они в разные годы видоизменялись, и по ним пытливым исследователям, да и просто знающим человек, легко сможет определить то время, к которому принадлежит форма.

Есть у нас и несколько десятков фотографий прошлых

лет. Это, зачастую, любительские черно-белые снимки, на которых запечатлены самые обычные житейские моменты, например, субботники на территории прокуратуры. Или семейные праздники, отмечаемые коллективом. Есть и рабочие моменты — выезд на место происшествия — и вот мы видим следователей, экспертов за работой.

Жаль, конечно, что сегодня эти снимки — свидетельства времени — редки: они блёкнут, желтеют, изображение постепенно исчезает, портится бумага, на которых они были напечатаны, что греха таить, во многих семьях от таких снимков давно избавились за ненадобностью. Вот мы и обращаемся ко всем: сохранять память, не выбрасывать никакие предметы — приметы времени, бережно хранить, при случае — нести к нам, а мы уже разберемся, что достойно внимания, что повторяется, изыщем возможность сделать копии, благо, сегодняшняя техника это позволяет.

Особый интерес представляет начальный этап создания прокуратуры в нашей области, ее первые сотрудники. Но, к большому сожалению, сегодня найти такие документы нам, простым ветеранам-пенсионерам, не представляется возможности. Этому должен быть посвящен отдельный труд ученых-исследователей. Надеемся, когда-нибудь у историков дойдут до этого руки. Сегодня сложно найти архивные документы о деятельности прокуратуры области с 1922 по 1936 годы. Дело в том, что они разбросаны по разным архивам: в Томске, в Хабаровске, во Владивостоке и, конечно, требуют отдельного изучения. В помещении музея такая атмосфера, что претит спешке: заходящий сюда забывает, что только что собирался переделать кучу дел, зачастую рутинных, и начинает вдумчиво, с вниманием переходить от стеллажа к стеллажу, внимательно рассматривать фотографии тех, кто работал в прежние годы.

Вот, к примеру, стенд с фотографиями прокуроров области.

На первом снимке — Михаил Яковлевич Асев.

Человек легендарной судьбы

Михаил Яковлевич Асев был назначен прокурором области в мае 1936 года. Человек с интереснейшей, полной различных поворотов судьбы, зачастую неожиданных. У него было блестящее образование, которое он получил сначала в Петербурге, потом — в Италии. Интересно, что образование это никак не было связано с юриспруденцией: Михаил Яковлевич учился на психоаналитика. Это не мешало ему знать несколько иностранных языков. Именно в Италии он увлекся идеями социализма, вступил в социал-демократическую партию. Вовремя и после Великой Октябрьской социалистической революции — активное участие в деятельности Советов и партии. С 1927 года работал заместителем губернского прокурора, а позже — прокурором Оренбургского округа, в 1930 году направлен прокурором в г. Ульяновск. Затем была работа за рубежом в Монголии, Иране, с декабря 1935 года — вновь прокуратура.

К сожалению, годы репрессий не миновали и Михаила Яковлевича. Ему вменили в вину, что по целому ряду дел он отказывал ведомству УНКВД в даче санкции на арест невиновных людей. На очередной областной партийной конференции, где обсуждалась его кандидатура в члены обкома ВКП (б), ему было отказано в доверии. Это был хорошо продуманный, коварный удар из-за угла. Михаил Яковлевич, конечно, понял, что на него объявлена охота. В сентябре 1937 года он был отстранен от должности, затем арестован за дискредитацию революционной законности. Его избивали на допросах, требуя признания вины, причастности к троцкизму и подрывной работе, в чем он, конечно, не сознался. Его объявили врагом народа, японо-

германским шпионом, участником правотроцкистского заговора, покушавшимся на свержение Советской власти, инструктировавшего повстанческие кадры в районах области. 31 марта 1938 года военная коллегия Верховного суда СССР за 15 минут рассмотрела дело по обвинению Асева, и на следующий день он был казнен. Реабилитирован посмертно в 1957 году.

О таких людях, как М. Я. Асев нужно писать отдельные книги, чтобы на ярких примерах воспитывать истинных граждан России.

О таких слагают песни

К легендам амурской прокуратуры можно смело причислить и Фёдора Трофимовича Мартыновича. Он родился в глухой деревне Гомельской области в марте 1911 года в многодетной семье, где было 8 детей.

В конце 20-х годов семья переехала на Дальний Восток, в село Раздольное, что в 12 километрах от станции Гондатти (впоследствии станция Шимановская, а позднее город Шимановск Амурской области).

Фёдор, получивший к 1931 году образование 4 группы (неполное среднее), работал на железнодорожной станции почтальоном сопровождения почты, счетоводом колхоза «Раздолье», потом был направлен на учёбу в советскую партийную школу в г. Благовещенск. Далее — если пунктирно — инструктор Свободненского райисполкома, слушатель Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе им. Кирова (г. Хабаровск) и с сентября 1937 года — народный следователь областной прокуратуры.

А далее — представить трудно: Фёдор Трофимович был поочередно прокурором семи (!) районов области. Его направляли на те участки, где было трудно. И он выправлял положение. Его работоспособность поражала: будучи

прокурором, ночами сам выезжал на место преступления, организовывал следствие. Выступал в судах по гражданским и уголовным делам своего и соседних районов, замещая отсутствующих прокуроров. Был депутатом районных советов депутатов трудящихся и членом бюро райкомов партии, активно работал в этих структурах власти.

Кроме того, в 1944 — 1946 годах он заочно учился в Хабаровской юридической школе, за успешное окончание которой приказом прокурора края №201-к от 10 августа 1946 года был премирован 500 рублями.

Его принципиальность знали все первые секретари райкомов и обкома партии и председатели исполкомов, с которыми он работал, некоторые из них старались устраивать ему всяческие козни. Однажды он не позволил первому секретарю одного из райкомов партии добиться прекращения уголовного дела в отношении родной сестры, проворовавшейся на должности председателя райпотребсоюза, в связи с чем у него были крупные неприятности, не сломившие его.

Работе в органах прокуратуры Амурской области Фёдор Трофимович посвятил почти 35 лет, 20 из которых пришлось на период становления и развития прокуратуры, усиления её роли.

И все эти годы отданы делу защиты правопорядка, укрепления законности в стране, охране прав и законных интересов граждан.

Ветеран прокуратуры и после увольнения оставался на посту: лекции, доклады, беседы, встречи с коллективами трудящихся по юридической тематике, народный контроль, партийная работа, проверки местных органов власти, депутатская деятельность.

Пример прокурорской этики

Или вот еще одна фотография.

С неё на нас через стёкла очков внимательно смотрит Илья Фёдорович Бурик, личность — без преувеличения сказать — знаменитейшая.

Участник Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке, он в 19 лет воевал с японскими милитаристами в Манчжурии. Награжден орденами Отечественной войны 2 степени, «Знак Почета», медалью «За отвагу», — эту награду он получил тогда, когда погиб командир взвода, и Илья Федорович принял командование минометным взводом на себя. Расчет при этом подавил один дот противника.

После войны связал свою жизнь с прокуратурой, пройдя путь от следователя до прокуроров двух регионов страны — Амурской области и Приморского края.

В 1953 году, будучи следователем прокуратуры города Комсомольска-на-Амуре, признан лучшим среди следователей районных и городских прокуратур Хабаровского края. Как отмечалось в приказе тех лет: «И. Ф. Бурик, имея ежемесячно в производстве 6—7 дел, 90% из них заканчивал в месячный срок, применяя научно-технические средства при расследовании».

В те далекие годы даже применение фотографии представляло определенные трудности, и не каждый следователь владел навыками оперативно-судебной фотосъемки. А Илья Федорович успешно использовал оперативно-судебную фотографию при расследовании уголовных дел.

Здесь уместно будет поместить воспоминания о нём в прошлом старшего помощника прокурора Амурской области по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних, старшего советника юстиции Л. Ф. Гончарук.

Вот что она написала в своих воспоминаниях:

«Мне довелось работать под руководством Ильи Федо-

ровича в прокуратуре Амурской области в течение восьми лет — с 1973 по 1981 г.

Но познакомилась с ним гораздо раньше. В 1968 году мне было поручено расследование дела об убийстве на плавбазе в Находке. Возникла необходимость обсудить некоторые детали с бывшим прокурором Находки И. Ф. Буриком, он в то время был первым заместителем прокурора Приморского края.

Признаться, я испытывала робость перед тем, как войти в кабинет руководителя стол высокого ранга. Но это ощущение сразу же исчезло, как только вошла. Илья Федорович приветливо встретил меня. Отодвинув в сторону документы, живо и с интересом обсудил со мной все вопросы, помог связаться с плавбазой, стоявшей в это время у причала во Владивостоке и организовать осмотр.

В 1973 году Илья Федорович был назначен прокурором Амурской области.

В первый же день знакомства с коллективом обошел все кабинеты, лично поговорил с каждым работником. А когда, ознакомившись с личными делами, стал принимать в кабинете для беседы, все отметили его феноменальную память. Он сразу запомнил наши фамилии, имена, отчества, должности и общался с нами так, как будто знает нас давно.

Нам не пришлось долго «притираться», как это зачастую бывает, к новому руководителю. В коллективе сразу сложилась спокойная, дружелюбная, деловая атмосфера. Илья Федорович был требовательным, справедливым, активным. Он бережно и внимательно относился к молодым работникам, опекал их, вникал во все проблемы — от условий работы до условий быта. А когда это было необходимо, вникал и в вопросы личной жизни, — с одной целью — сохранить работника, помочь ему решить проблему. Делал это он очень деликатно.

Своим примером он постоянно преподносил уроки прокурорской этики, — никогда не разговаривал с подчи-

ненными повышенным тоном и тем более не допускал грубости. Постоянно проявлял заботу о людях. Помню, как он помогал уже достаточно пожилой сотруднице, которой из-за болезни было сложно полноценно справляться со своими обязанностями. Он незаметно, негласно (чтобы не ставить человека в неловкое положение перед сослуживцами) опекал ее. Вообще, атмосфера взаимовыручки была характерна для того времени, когда областной прокуратурой руководил Илья Фёдорович.

В то сложное время ему удавалось «выбивать» благоустроенные квартиры для работников, всю жизнь проживших в «деревяшках» с печным отоплением.

Илья Федорович воспитал целое поколение молодых способных прокуроров, многие из которых стали достойными руководителями.

Достаточно сказать, что эту школу прошел тогда ещё очень молодой прокурор Виктор Иванович Богомолов, который впоследствии принял у Ильи Федоровича руководство прокуратурой Амурской области, а позже стал прокурором Хабаровского края.

Илья Федорович был мудрым руководителем и наставником. Бывшие коллеги Ильи Федоровича, ветераны прокуратуры Амурской области вспоминают его с теплотой и благодарностью».

Булатная закалка

Кому-то еще доведется писать полную историю Амурской прокуратуры, и лучше, если это произойдёт раньше, чем позже, — я же в своих скромных заметках упомяну тех, с кем мне пришлось сталкиваться во время моей работы, с кем доводилось совместно решать задачи, тех, кто оставил глубокое впечатление своим подвижничеством, своим примером служения Закону.

Одним из них был ветеран Тимофей Пименович Шепалов. Человек того поколения, на долю которого выпали и разруха первых советских лет, и коллективизация, и репрессии, и войны, и послевоенное восстановление народного хозяйства, и различные «перегибы» руководства, отражавшиеся на судьбах простых советских людей. Скромный человек, довольно молчаливый, но, случалось, разговорится — от воспоминаний его просто мурашки по спине бежали — это ж сколько человек невзгод может вынести!

18-летним парнишкой после ускоренных офицерских курсов попал сразу под Сталинград. В руках — трехлинейка, в кармане горсть патронов, вокруг волжская степь без единого кустика и морозище — не меньше, чем в родном Приамурье! Постоянные обстрелы и бомбёжки, укрыться негде — разве что в мёрзлую землю вгрызаться. И пищи нет горячей — полевая кухня где-то в поле затерялась. И потрепанный в боях взвод, и за каждого бойца молодой командир в ответе.

Тимофей Пименович был четырежды ранен, но по госпиталям не отлёживался, чуть подлатают врачи — и снова к своим рвался. А и как не рваться, когда из дому написали, что отец погиб и братья двоюродные убиты! Тут не до отпуска, даже и по тяжелому ранению! Тут фашистов крушить надо!

После совсем уж тяжелого ранения был списан подчистую, вернулся домой, был рекомендован на прокурорскую службу, отучился, начал работу в сельском районе, где и столкнулся с самодурством партийного руководства.

А человеком Тимофей Пименович был честным и прямым, мнение своё в угоду начальству не скрывал, скрывалась еще и армейская закалка, — правду-матку в глаза говорил. При этом требовал всего-навсего одного: соблюдения законности. Поэтому-то и конфликтовал часто с секретарями райкома партии.

В 60-е годы областное руководство, которое давно дер-

жало на примете принципиального и деятельного работника, перевело Тимофея Пименовича в аппарат облпрокуратуры, где он и работал до пенсии.

Могу смело назвать его одним из своих учителей — перенимал у него не только профессиональные навыки, но и его отношение к жизни, его неприятие даже малейшего лукавства, нечестности. И так случилось, что, когда я исполнял обязанности прокурора Благовещенского района, Тимофея Пименовича направили ко мне в подчинение, то есть, учителя — к ученику. Что уж греха таить: он в очередной раз наступил на хвост кому-то из властимущих и прокурор области подспрытал его в наше ведомство на отсидку, так сказать, для того, чтобы спрятать от глаз высокого руководства. Должен сказать, что он спокойно относился к превратностям судьбы и выполнял свои обязанности на самую высокую оценку: должности для него не были главным в работе.

А после напряженного дня нет-нет, да и делился каким-нибудь эпизодом из своей насыщенной биографии. И слушая его рассказы, я не раз вспоминал поэта, сказавшего: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей!»

Занесён в Книгу Почёта

А то вот еще один фронтовик — Сергей Дмитриевич Гавриков. За его плечами — участие в войне с Японией, был воздушным стрелком-радистом 4-го краснознаменного минно-торпедного полка, награжден орденом Отечественной войны 2 степени, медалями «За отвагу», «За победу над Японией», юбилейными медалями. После войны поступил и окончил очное отделение Хабаровской средней юридической школы.

Был принят на службу в органы прокуратуры области

вначале стажером следователя, а через полгода назначен народным следователем прокуратуры Константиновского района. Всех должностей его перечислять не буду, отмечу лишь, что, в 1954 году, работая помощником прокурора района, он дал заключения по 200 гражданским делам, поддержал обвинение по 18 уголовным делам, с его участием судом рассмотрено 316 дел о досрочном освобождении от отбытия наказания в местах заключения.

В 1962 году ему была поручена проверка по факту хищения в Амурском объединении «Сельхозтехника». Возбужденное уголовное дело было качественно расследовано, вскрыта преступная группа деятельность группы из 17 человек, которая длительное время занималась хищением запасных частей, присвоением государственных средств. Приговором областного суда преступники были осуждены к различным мерам наказания.

В 1967 году он оказал помощь в расследовании и в дальнейшем поддержал государственное обвинение по уголовному делу о хищении в особо крупных размерах группы лиц в леспромпхозах Тыгдинского района. Трижды избирался председателем местного комитета прокуратуры области, активно проводил правовую пропаганду среди населения и с помощью печатных СМИ.

В 70-е годы он был назначен помощником прокурора области по надзору за следствием в органах государственной безопасности, старшим помощником прокурора области по надзору за местами лишения свободы и за следствием в органах, старшим помощником прокурора области по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. С этой должности он ушел на пенсию в 1981 году. Но и на пенсии С. Д. Гавриков работал помощником Амурского прокурора по надзору за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, неоднократно исполнял обязанности прокурора.

Более 25 лет отработал в прокуратуре области и был внесен в Книгу Почета областной прокуратуры.

Небесный тихоход

К поколению фронтовиков относился и Алексей Дмитриевич Кайденко.

Человек скромнейший, для которого звания и награды были на последнем месте, главное — работа, которой он отдавался целиком и без остатка. На фронте был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Как и многие фронтовики, Алексей Дмитриевич о войне почти никогда не рассказывал. Но однажды я узнал от него, что во время боевых действий он был тяжело ранен. А часть находилась на самой передовой и постоянно находилась под обстрелом немцев.

Полевой госпиталь был переполнен, а требования врачей, касающихся Алексея, были категоричны: немедленная эвакуация в тыловой госпиталь, иначе они не ручаются за жизнь бойца. И тут как раз приземлился чудом прорвавшийся в расположение их части санитарный самолёт У-2, а места в нём — еле на пилота хватает! Но, как говорится, голь на выдумки хитра: запеленали Алексея Дмитриевича (а он уже при смерти был) в одеяло, сверху еще куском брезента обмотали и привязали к крылу самолета. А чтобы не было крена, под другим крылом привязали другого раненного. Чудом добрались таким образом до госпиталя, а там — и тоже чудом — выходили.

За глаза, как рассказывал, чуть улыбаясь, Алексей Дмитриевич, его потом долго называли «Небесным тихоходом» — как раз в те годы был очень популярна кинокомедия с таким названием.

Долго потом выхаживали его. Но ранение оказалось таким, что к строевой он уже не был годен и его комиссовали.

А после войны — приглашение на работу в прокуратуре. И патриотичное служение своему делу в течение более

50 лет! Такого стажа не имел ни один сотрудник прокуратуры!

Вообще, все фронтовики являли собой пример в работе. Сказывалась закалка, что уж тут говорить...

Летающей походкой...

Она и сейчас, как в молодости, внешне похожа на французенку, утонченная, легкая... Почему я упомянул французенок, так это потому, что по первоначальной профессии Галина Георгиевна — преподаватель французского языка, она свободно им владела, читала, переводила, разговаривала.

А еще, характерной особенностью Галины Георгиевны является лучезарная улыбка! Внешне — ни в уже далекие семидесятые, ни теперь совсем не скажешь, что Г. Г. Кузнецова — представитель нашей профессии, настолько много в ней не характерного для прокурорского работника шарма.

Коренная амурчанка, она родилась в поселке на прииске Соловьевском Джелтулакского района. Окончив среднюю школу в Благовещенске, пошла работать, одновременно заочно обучаясь на юриста.

Более полувека назад, после окончания Хабаровского юридического института, Галина Георгиевна, получив опыт работы юрисконсультom в торговле и на электроаппаратном заводе, пришла работать в областную прокуратуру помощником прокурора области по надзору за рассмотрением гражданских дел в судах.

Проработав в должности помощника прокурора области без малого 10 лет, в марте 1977 года она была назначена старшим помощником прокурора области по этому же направлению, и с этой должности и ушла в отставку, проработав в общей сложности в прокуратуре области почти

29 лет!

Она принимала активное участие в правовой пропаганде среди населения, за что неоднократно поощрялась городским обществом «Знание». Одновременно являлась активным членом, а затем заместителем председателя профсоюзного комитета, членом парткома, «зажигательной» душой любой компании.

За долгие годы службы в прокуратуре области за добросовестное отношение к работе Галина Георгиевна много раз поощрялась руководителями областной прокуратуры и страны. В 2011 году по представлению Совета ветеранов награждена медалью «Ветеран прокуратуры».

Эталон компетентности

Региональная общественная организация ветеранов прокуратуры Амурской области состоит, в основном, из ярких сотрудников, тех, кто оставил глубокий след в истории учреждения. Как правило, это те, кто пришел на службу в органы прокуратуры в 50—80 годы. Один из них — активный общественник, скромный, доброжелательный человек — Анатолий Петрович Гнетов.

Он родился в поселке Тыгда Тыгдинского района. По окончании школы поступил в ремесленное училище. После службы в армии учился во Всесоюзном юридическом заочном институте. Будучи слушателем 3-го курса, с разрешения Генеральной прокуратуры СССР в порядке исключения был принят следователем прокуратуры Благовещенского района.

Спустя год прокурором РСФСР А. П. Гнетову был присвоен первый классный чин — младшего юриста. Через 3 года службы он был назначен уже старшим следователем прокуратуры областного центра, затем прокурором следственного отдела прокуратуры области. Неоднократно исполнял обязанности прокуроров Тамбовского и Октябрьского районов. О его работоспособности говорит тот факт, что с января 1971 года по декабрь 1972 года он расследовал 43 уголовных дела, многие из которых были сложными и многоэпизодными. Оправдательных приговоров по этим делам не выносилось.

В 1993 году на него был возложен надзор за исполнением законов «О реабилитации жертв политических репрессий», «О государственной границе». А. П. Гнетов профессионально грамотно изучал подлежащие пересмотру архивные уголовные дела, готовил по ним соответствующие документы (заключения, протесты). Качественно проверял материалы по фактам контрабанды, нарушений государственной границы, давал компетентные указания, прини-

мал меры по восстановлению законности.

Анатолия Петровича всегда отличали вдумчивость, тактичность. И высокая компетентность, что позволило качественно пересмотреть более двух тысяч архивных уголовных дел, для чего были необходимы знания действующего законодательства и уголовно-процессуального законодательства 20—50 годов.

За период службы в органах прокуратуры Анатолий Петрович много раз поощрялся приказами Генерального прокурора, прокурора области. В коллективе работников прокуратуры и правоохранительных органов пользовался уважением и заслуженным авторитетом.

Настоящий полковник

Более 40 лет я знаком с Геннадием Павловичем Авдеевым. И Человек с большой буквы — по своим личным качествам, и следопыт от Бога! Наши добросердечные отношения с ним сложились ещё в то время, когда он работал начальником отдела внутренних дел Райчихинского горисполкома, а меня назначили исполняющим обязанности прокурора этого города. У нас с ним было полнейшее взаимопонимание, мы оказывали друг другу всяческую поддержку в нашей профессиональной деятельности. А это здорово, когда ощущаешь локоть и плечо того, кто помогает в правоохранительной работе.

За его плечами богатая биография: он походил и на судах Амурского речного пароходства, и поработал на заводе «Амурский металлист», но его всё время тянула к себе романтика службы в милиции. И в декабре 1961 года он примерил на себя милицмейскую форму. Может, формально это и не совсем так, и формы пока еще не было, но именно в это время он начал работать в милиции.

Опыт у него — позавидовать: он прошёл путь от участкового инспектора до заместителя начальника УВД Амурского облисполкома.

Грамот, правительственных и ведомственных наград у него — не сосчитать. Особую гордость составляют орден «Знак Почета» и медаль «За безупречную службу» всех трех степеней.

Уволившись в 1986 году со службы в органах внутренних дел в звании полковника, будучи человеком неужёмного характера, Геннадий Павлович не стал отсиживаться на пенсии и считать несуществующие болячки, а обратился в прокуратуру с просьбой изыскать возможность использовать его богатый опыт.

И в прокуратуре он проявил себя умелым организатором, вдумчивым и эрудированным, досконально знающим

законодательство сотрудником (в отставку он ушел уже находясь на должности начальника отдела по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью).

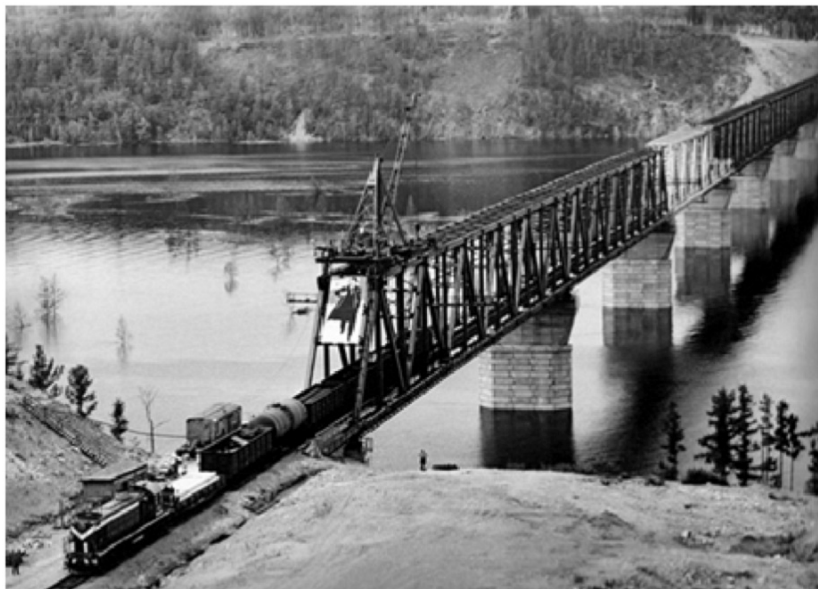
Геннадий Павлович и сейчас, несмотря на возраст и временное недомогание продолжает вести активный образ жизни, неся различные общественные нагрузки. Он активный член нашей ветеранской организации, и я очень рад, что у меня такой боевой заместитель!

Байкало-Амурская

Еще хотелось бы сказать несколько слов о БАМовской транспортной прокуратуре — уж так сложилось, что мне приходилось курировать вопросы, связанные с ее деятельностью. Она была создана в конце 1980 года и её сотрудники внесли свою лепту в решение партии и правительства по строительству магистрали века. Главной её задачей было обеспечение действенного надзора за исполнением законов по борьбе с некачественным строительством, приписками, очковтирательством.

Строительство магистрали на тот период еще не было завершено, но по ней уже доставлялось значительное количество всевозможных материалов, леса, угля. Мне кажется, наиболее полно об этом расскажет В. Белый, тындинский транспортный прокурор 1983—1992 гг.

«Прокуратура, действовавшая на правах областной, через свои подразделения (в ее состав входили транспортные прокуратуры: Тындинская (прокурор В. В. Белый), Байкальская (прокурор В. М. Алексеев), Чарская (прокурор М.Д.Сагадаров), Нерюнгринская (прокурор В.Г.Хлыстунов), Ургальская (прокурор В. С. Окунев) принимала меры к усилению надзора за исполнением законодательства о сохранности грузов и подвижного состава, снижению

сверхнормативных простоев вагонов, обеспечению безопасности движения поездов, соблюдению требований по охране труда.

Работников прокуратур нередко можно было встретить на предприятиях строителей и железнодорожников, где они проверяли состояние законности, проводили беседы, выступали с лекциями, вели приемы работников, принимали жалобы и тут же на месте устраняли выявленные нарушения.

Первым Байкало-Амурским транспортным прокурором в ноябре 1980 года был назначен В. Г. Кулешов, до назначения работавший заместителем прокурора Амурской области и внесшим значительный вклад в организацию и становлению прокуратуры на БАМе.

В течение первой половины 1981 года аппарат Байкало-Амурской транспортной прокуратуры был укомплектован

специалистами из Белоруссии, Амурской, Воронежской, Брянской, Ленинградской областей и других регионов страны.

Кроме предприятий железнодорожного и воздушного транспорта, предприятий и организаций Минтрансстроя, занятых на строительстве БАМа, территориально под надзором у транспортных прокуроров находились все населенные пункты (в том числе г. Тында с населением 65 тыс. чел.), входящие в 10-километровую полосу отвода от железнодорожной линии на всем протяжении БАМа.

Различными видами транспорта работникам прокуратуры приходилось добираться до мест происшествий: и на восстановительных поездах, которые оперативно отправлялись к месту схода вагонов, и на которые необходимо было успеть, и на вертолетах, и на попутных машинах вдоль строящейся магистрали.

При этом, немецкие грузовые машины «Магирус» за их комфорт в кабинах водителей, пользовались особой популярностью у следователей в их бесчисленных командировках. В то время транспортными следователями являлись В.В Белый, В. А. Бетин, М. А. Левин, Ф.Ф. Лазуко, В. Л. Лазарев, В. И. Смирнов.

Прокурором-криминалистом, неизменно сопровождавшим следователей при выездах на места происшествий, был Н. И. Венскевич.

Основной проблемой на Центральном участке БАМа в зимнее время были частые сходы подвижного состава на кривых малого радиуса. Причиной крушений грузовых поездов являлись уложенные и эксплуатируемые рельсы марки Р50 и пришедшие на БАМ новые мощные трехсекционные тепловозы ЗТЭ10М, которые не вписывались в кривые, в результате чего ломали под собой рельсы. Только замена в 1987 году прежних рельсов на рельсы марки Р65 позволила исключить причины сходов поездов и причинение ущерба государству.

В 1989 году был подписан акт государственной комис-

сии о приемке в постоянную эксплуатацию последних перегонов БАМа и магистраль была передана в ведение Министерства путей сообщений.

В связи с завершением строительства БАМа и выполнением поставленных задач, Байкало-Амурская транспортная прокуратура приказом Генерального прокурора Российской Федерации №121-ш от 01.08.97 года была ликвидирована».

О тех, кого помню и люблю

Мальчишкой был — всё торопился повзрослеть, всё бежал, бежал, до каждого дела, до каждой науки жаден был: надо научиться бегать (и чтобы «дыхалка» не сбивалась!), надо освоить езду на велосипеде (и чтобы быстро, чтобы быстрее всех!), нужно научиться стрелять из отцовского ружья (да чтобы всегда в «яблочко!), необходимо познать еще много-премного такого, из чего складывается жизнь, — а как всё это успеть, если утром только-только проснулся, а уже глубокий вечер и пора снова в постель! А так хочется уже быть большим, чтобы работать... Например, шофёром! То-то потом уже другие мальцы будут проситься посидеть рядом в кабине! А еще можно пойти в пилоты — на аэродроме сколько раз видел: кукурузник — прыг-прыг — приземлится, и из него выскакивают лётчики — иногда в красивых синих кителях, иногда в серой рабочей робе. Но всегда на всех свысока поглядывают, мол, пешеходы-тихоходные...

А там и школа пролетела, там и институт за плечами остался, и всё время в работе, всё время только одно сожаление — почему сутки такие короткие. Почему недели такие маленькие, почему годы так быстро пролетают...

А тут вдруг оказалось, что самое, пожалуй, быстрое — это сама жизнь: вроде бы только вчера маманька моя гру-

ши для меня — совсем немощного мальчика — в больничном саду сбивала, а сегодня я уже — грустно сказать! — ветеран...

И как-то так получается, что всё чаще оглядываюсь назад, в свое прошлое, в свои давние мысли и помыслы, стараюсь понять, правильно ли путь свой выстраивал, всё ли сделал из того, что было написано на роду.

Будто листаю страницы книги, которую сам же про себя и написал. И на каждом листе, в каждой строчке — дорогие моему сердцу люди.

Их много. Их очень много — мне в этой жизни посчастливилось встретиться, познакомиться и подружиться с большим количеством замечательных людей.

Чьи-то имена широко известны многим амурчанам, кто-то остался не то, чтобы безымянным — нет! — просто неизвестным широкой общественности. Но от каждого из них мне удалось почерпнуть лучшие человеческие качества, обогатится их знаниями, опытом и талантом — я ведь говорю, что до всего жаден был, — в том числе, и до достойных, интересных людей!

От школьного порога по той школьной тропинке, которая стала потом дорогой (помните, как про эту тропинку пелось в некогда популярной песне?) меня провели мои первые учителя начальных классов Увальской средней школы Валентина Ивановна Крыжная и Анна Кузьминична Терехова, директор этой школы участник Великой Отечественной войны Алексей Григорьевич Артеменко, учитель физики Феликс Федорович Романов.

Не могу не назвать один очень важный для меня урок, преподанный Феликсом Фёдоровичем. Учителем был — от бога! Науку свою преподавал так, что мы, ученики, ловили каждое слово — до того интересно было! А как он преподавал астрономию! Научные данные сплетал со стихами о звёздах и мечте! Но он еще и после уроков возился с нами, вечно устраивая какие-то состязания, вечно чем-нибудь увлекаая. Тот же радиотехнический кружок!

У нас дома вещал приемник, который я собрал своими руками!

Ещё нас в школе была очень сильная команда по спортивному ориентированию (понятно, что секцию вёл всё тот же Ф. Ф. Романов).

Достаточно сказать, что мы даже ездили на областные соревнования и заняли там призовое место! Нас и за соперников никто не считал — подумаешь, из глухой деревни приехали, тоже, мол, спортсмены! А мы как утёрли многим нос!

И вот на тех соревнованиях произошёл случай, запавший в мою душу на всю жизнь.

Как положено, сбор, построение, объяснение задачи, сигнал — и команды пошли. В числе последних, согласно жеребьёвки, выдвинулась и наша. Пробежали примерно с полкилометра, чуть меньше, хватился — нет моей фуражки. А без козырька передвигаться тяжело: солнце в глаза, а там и пот начинает надоедать. Я быстренько развернулся — и пулей в лагерь. Добрался. Снял с ветки свою кепку, глядь, а под скамеечкой абсолютно новенький компас! Я таких и не видел никогда, у нас-то всё старенькие были, невзрачные. Думаю, никто не слямзит, если я его подберу, на построении потом вернём, а пока нашей команде пригодится. Догнал наших (а они уже хорошо вперёд ушли, пришлось попотеть!) и показываю Феликсу Фёдоровичу находку, говорю, что она поможет нам лучше ориентироваться.

А командир наш давай меня отчитывать за то, что я чужую вещь взял. При этом он понимал, что я ее прихватил не для себя, что называется, не для личной выгоды, а сугубо для пользы команды.

Но прибор-то — чужой!

— Вот ты кепки своей хватился, вернулся назад. — выговаривал мне учитель. — а, если сейчас кто-то также хватился этого компаса? Кто-то таким образом свою команду подведёт, если не найдёт его. Решай сам, как

поступать!

И я опять побежал назад. Добрался до лагеря и положил компас на то место, где и нашёл его.

И вдогонку за нашими!

Конечно, мною с молоком матери было впитано, что чужого брать нельзя! Да у меня и в мыслях никогда не возникало это сделать, и тот случай с компасом ни в коей мере не был воровством — это понятно. Но тогда я усвоил, что использовать чужую оплошность для личного благополучия не стоит даже из лучших побуждений.

А как не назвать моего послешкольного наставника, начальника Мазановского районного узла связи Тимофея Ивановича Рогатных — я начинал там свой трудовой путь. Он преподнес мне много жизненных уроков, дал путевку в большую жизнь. Именно он посоветовал первому секретарю райкома комсомола Эльвире Владимировне Кузнецовой обратить на меня внимание, и она, прислушавшись, после собеседования вместе с первым секретарем РК КПСС Иваном Сергеевичем Бонецким, пригласила меня на работу в райком комсомола на должность заведующего организационным отделом.

А мне тогда было всего-то восемнадцать лет. Попытался отказаться, сославшись на молодость и отсутствие опыта, но после слов первого: «Ничего страшного, мы в тебя верим, справишься», вынужден был сдаться и согласился. На районной конференции избрали членом райкома и членом бюро РК ВЛКСМ.

Пришел в первый рабочий день в кабинет — и не знаю, за что браться в первую очередь: комсомольских организаций — больше тридцати, а среди них и многочисленные, такие, как в крупных совхозах «Красноярровский» и «Мазановский». И комсомольцы там — не чета мне: люди уже зрелые, рабочей закалки — механизаторы, животноводы, многие уже и семьи свои имеют, и тут я — вчерашний школьник... А документы готовить — для этого нужны знания! А самое главное — нужно уметь разговаривать с людьми.

ми, понимать их заботы, их проблемы. И производство знать необходимо: приезжаешь на ферму поговорить с доярочками — разумеешь, что молоко не из бидона берётся!

В общем, неловкость ощущаю, и это — мягко говоря. А на самом-то деле подумал, за свой ли гуж взялся! Но тут рядом оказался работник райкома партии Пётр Григорьевич Савенко — я его уже давно знал, когда я в школе учился, он командовал районным обществом ДОСААФ. Спокойный, вдумчивый человек, хорошо знающий оргработу, умеющий находить общий язык с любым человеком и выход из любой сложной ситуации. Не чурался засидеться со мной допоздна, помогая не просто советом, а и делом — навели порядок в документации, показал на какую методическую литературу обратить внимание. И дело пошло!

Еще и потому пошло, что рядом находилась, всегда держала руку на пульсе первый секретарь райкома комсомола Эльвира Кузнецова. Интересное, скажу я вам, было время! Мы всегда были в гуще событий — конкурсы профмастерства, спортивные состязания, литературные посиделки, смотры художественной самодеятельности, споры-диспуты — молодёжи было чем заняться! И мотором всего этого был наш районный комсомольский вожак Эльвира. До сих пор мы с ней нет-нет, да и переписываемся в соцсетях, благо такая возможность ныне есть.

А дальше — я уже рассказывал — мои пути пересеклись с прокурором района Вилем Сергеевичем Адриадзе. Он-то и предопределил мою дальнейшую судьбу, пригласив на работу в прокуратуру. На страницах этой книги вы уже встречались с ним, но я хочу добавить ещё пару небольших штрихов к его портрету: Виль Сергеевич был заядлым охотником, классным стрелком, хорошо владел различными видами стрелкового оружия и являлся ходячей энциклопедией по этим вопросам. Но не только охота была любимым увлечением, он был очарован поэзией Сергея Есенина и большинство его стихов знал наизусть.

К тому же он считался неплохим шахматистом, имел спортивный разряд. В те годы в облпрокуратуре часто устраивали шахматные баталии и Виль Сергеевич во многих состязаниях выходил победителем.

Находясь на пенсии, и перенес операцию на сердце, Виль Сергеевич не сдался, активно принял участие в организационной работе по созданию нашей ветеранской организации.

Так что, на таких людях, как В. С. Адриадзе — грамотных, преданных своему делу, самоотверженных, высококультурных, эрудированных и держалось наше ведомство.

К таковым, безусловно, можно отнести и бывшего прокурора Амурской области Государственного советника юстиции 3 класса Заслуженного юриста РСФСР участника Великой Отечественной войны Илью Федоровича Бурика. Илья Федорович оказался высоко профессионально подготовленным, принципиальным, умнейшим и добрейшим человеком, замечательным наставником, с которого я брал пример и руководствовался повседневно в своей прокурорской службе. Но подробнее о нём — в другой главе.

На прокурорской стезе довелось мне встретиться и подружиться с Валерием Петровичем Макием. Профессional высокого класса, расследовавший не один десяток (да что там десяток — сотен!) дел, он обладает еще и литературным даром. Его перу принадлежат публикации по истории амурской прокуратуры послереволюционного периода, рассказы о ходе расследования как нашумевших, так и незаметных на первый взгляд происшествий и преступлений. Ныне по воле судьбы он проживает в Петербурге, но связи с нами не теряет, состоит в нашей ветеранской организации и продолжает радовать читателей интересными историями из прокурорских будней.

Невозможно назвать всех, кому я обязан насыщенностью, полнокровностью моей жизни, повторюсь, этих людей много. Я помню их — и ныне живущих (дай бог им здоровья) и уже ушедших (вечная им память).

Я помню и живу с благодарностью к ним.

Отцовский подвиг

Может, никогда бы и не узнал я о подвиге моего отца в его раннем детстве, если б не встреча с писателем Борисом Машуком, которая произошла однажды в доме моих родителей в Новокиевском Увале.

В пору моей юности Борис Андреевич работал в Мазановской районной газете «Знамя труда» и дружил с моими братьями Владимиром и Виктором.

На свадьбе Виктора Машук был главным заводилой: всё внимание гостей было приковано к нему: он хорошо играл на гитаре, пел песни на стихи Есенина, а в перерывах-перекурах веселил всех острыми, на злобу дня анекдотами. Все присутствовавшие буквально до икоты закатывались неподдельным смехом! Старожилы в Мазановском районе до сих пор помнят этого лёгкого на подъем, остроумного, симпатичного журналиста, который в то время начал писать и литературные произведения.

Прошло некоторое время, писательская жилка у Бориса Андреевича окрепла, и он понял, пора заняться литературой профессионально.

Попрощался с близкими ему людьми и переехал в Благовещенск. К тому времени задумал большое полотно о героях гражданской войны и собирал материалы о деятельности партизанских отрядов в наших краях. Нет-нет, да и наезжал в Мазановский район. Он еще в бытность корреспондентом «районки» слышал о Гошском поле, на котором наши партизаны не раз схлестывались с японцами. Это поле раскинулось за Маргаритовкой, и писатель наведывался туда, поговорить со стариками, напиться воздухом тех мест. Он уже вовсю «заболел» героем своих «Сполохов» Геркой Рулёвым...

А я к тому времени, потрудившись в узле связи, был рекомендован на должность заворга райкома комсомола и всю погрузился в беспокойную работу с молодёжью. Много приходилось постигать «с колёс» — я и сам был ещё зелёный, опыта не хватало, а бегать каждую минуту за советом к более зрелым работникам райкома партии не позволяло самолюбие. Поэтому, чтобы не докучать никому, много читал да иногда созванивался с коллегами.

Понятно, что и наши, райкомовские помогали.

Пришла пора — меня направили на учёбу в зональную школу комсомольского актива. Многие помнят, что она располагалась в Доме молодёжи. Замечательное время! Конечно, лекции, конечно, практические занятия, семинары, практика, выезды в близлежащие комсомольские организации.

Все дни расписаны по минутам! А в свободное время — творческие встречи с интереснейшими людьми: актёрами, художниками. И одна из таких — с амурскими литераторами. К нам в гости пришли поэты Олег Маслов и Виктор Суходольский. Но самое приятное и радостное для меня, среди пришедших мастеров пера находился и Борис Андреевич Машук! Это было запоминающееся событие! Конечно, он меня узнал, нам, старым знакомым, удалось немного пообщаться. Он передал привет моим родителям и братьям, пообещал почаще навещать в края, которые он полюбил всем сердцем и считал родными.

Прошло время. В моей жизни произошли перемены. Работа в комсомоле осталась позади, освоился и с функциями прокурорского работника, послужив на разных должностях, был назначен исполняющим обязанности прокурора Мазановского района.

Однажды увидел в центре посёлка объявление о том, что в районном Доме культуры перед читателями будет выступать известный Борис Машук. К тому времени он был не просто известен, а уже и знаменит! Я торопился на происшествие, но всё же буквально на минуточку заско-

чил в ДК, чтобы встретиться с другом семьи — он как раз готовился к выступлению.

Увидев меня в прокурорской форме, Борис Андреевич удивился и по своему обыкновению приступил к расспросам: как же я здесь оказался, да еще прокурором. Но, извинившись и объяснив, что работа не ждёт, я пригласил его вечером в гости к моим родителям.

Та творческая встреча с жителями райцентра вышла запоминающейся. Зал был полон, большинство пришедших были лично знакомы с писателем, многие читали его ныне хрестоматийные «Горькие шанежки» и «Сполохи». Встреча продлилась до самого позднего вечера — так много было вопросов, рассказов, воспоминаний...

И вот Борис Андреевич у нас в гостях, за праздничным столом, заставленным по случаю прихода столь желанного гостя материнскими угощениями — а она умела хорошо готовить! После, как выразился отец, «ста граммов наркомовских», Борис Андреевич стал рассказывать, а он рассказчик — дай бог всем таким быть, как рождался его роман «Сполохи»; как много ему пришлось сидеть в архивах, в поисках неизвестных деталей, эпизодов гражданской войны; как он разыскивал родственников участников событий, как много узнал о партизанском движении в нашем районе, о знаменитом Гошском бое близ Маргаритовки, о зверствах японских интервентов и, конечно, о Герке Рулеве.

Отец безотрывно, как и все наши домашние, слушавший Машука, после очередной «наркомовской» вдруг тоже предался воспоминаниям о тех временах.

— Борис Андреевич, вот Вы архивы изучали да свидетельства родственников, — начал он, — а я сам «япошек» уничтожал на своей родной земле, когда мне было лишь десять лет!

Его лицо посуровело, резче обозначились скулы. Я заметил, что и пальцы его сжались в кулаки, видно, нахлынувшие воспоминания снова пробудили в нем те чувства,

что владели им в далеком детстве.

— Так расскажите, Максим Павлович! Я с удовольствием послушаю, может, и Вы станете моим литературным героем! — Подбодрил отца Машук.

И отец начал рассказывать.

Дело было в селе Сохатино, где он родился и вырос. В 20-х годах там хозяйничал небольшой отряд из числа белогвардейцев и японских интервентов. Были в том отряде еще и корейцы. Все они жестоко обращались с мирным населением, подозревая чуть ли не каждого в связях с партизанами.

Однажды ночью партизаны вошли в село и, узнав о зверствах интервентов, наказали их по всей справедливости. Напротив Сохатинского Утеса, что по правому берегу Зеи, они прорубили прорубь и сбросили в неё трупы солдат, а потом потопили и оставшихся в живых. Но от справедливого возмездия удалось спастись одному белогвардейскому офицеру, заночевавшему на краю села у вдовушки. Ему удалось незаметно выскользнуть из дома и ускакать в уезд, в село Мазаново, где он сообщил о приходе партизан командиру находящегося там карательного японско-белогвардейского отряда.

Рано утром в Сохатино ворвались каратели. Они согнали к церкви практически всех сельчан и заставили дыханием отогревать от льда волосы утопленных, которых к этому времени достали из проруби. После их отправки в уезд, каратели стали вершить расправу над пойманными партизанами и жителями села.

Всем мужикам вне зависимости от возраста: молодой ли, старик ли, — командир отряда распорядился всыпать по пятьдесят шомполов. Напротив церкви установили козлы, и на них устроили кровавую экзекуцию. С мужиков срывали одежду и, чередуясь, били нещадно шомполами по голому телу. Бабы жутко выли, дети заливались горячими слезами, а мужики надрывно, особенно те, кто постарше, стонали от позора и невыносимой боли.

Обращаясь уже непосредственно ко мне, отец со слезами на глазах и с горечью в голосе сказал:

— Пятьдесят шомполов получил твой дед Павел Федорович. Его жена, Маланья Ивановна, твоя бабушка, кое-как выходила своего супруга. Только ближе к весне он встал на ноги.

Отец видел эту расправу над своим отцом, получается, над моим дедом, и односельчанами. Он так же, как и все дул на головы утопленных под страхом быть уничтоженным, а также видел, как рубили саблями головы партизанам-односельчанам.

В этом месте своего рассказа отец сделал паузу и, вздохнув, сказал, что с той поры лютой ненавистью возненавидел карателей и их пособников, и задался целью отомстить за отца.

В мае 1920 года, после ледохода, вода в Зее стала прибывать, и у берега образовалось глубокое улово. К этому месту и повадились ходить на рыбалку солдаты, а мальчишки, высыпав на берег, словно стайки воробьев наблюдали, как «япошки» ловко удят рыбу.

Еще у мальчишек была забава. Вода подмывала часть берега, на поверхности льда появлялась трещина, и нужно было дожидаться того момента, когда можно было стукнуть ногами по подмытой части льда, и он с шумом падал в воду. То-то радость была, когда отвалившаяся часть, падая, поднимала фонтан воды. Это было очень похоже на взрыв. А взрывы наши мальчишки видели — всё-таки шла война...

Однажды мой батя со сверстниками пропадал на реке, предаваясь немудреным подростковым забавам. И к тому месту, где мальчишки играли, подошел солдат-кореец из того самого карательного отряда, и сел рыбачить на краю берега, как раз там, где уже появилась трещина. Увидев солдата, мальчишки разбежались, кто — куда. Знали, что на глаза лишний раз попадаться не стоит — могли наградить пинком, оттаскать за вихры...

А мой отец, притаившись, остался, удерживаемый непреодолимым желанием хоть каким-то образом отомстить за своего отца и за односельчан.

Солдата же, поймавшего верхогляда, охватил азарт. Он не смотрел по сторонам, ни на что не обращал внимания — настолько увлекся ловлей, благо, рыбы хватало.

В этот момент трещина вдруг сильно увеличилась, и отец, тогда десятилетний мальчишка Максим, стал лихорадочно отбивать этот пласт берега, и он с грохотом вместе с солдатом рухнул в улов. В образовавшейся воронке остались только фуражка солдата да поплавок, сиротливо подёргивавшийся на воде.

Прибежав домой, мой папанька всё рассказал отцу. Тот ему хорошенько поддал, приговаривая, что за такой поступок каратели могут всех порешить!

— Никто не видел! — Пояснял мой отец, сжимая зубы и еле сдерживая слёзы.

Рука-то у моего деда была крепкая, хоть и не отошел еще толком от той самой порки шомполами!

— Никого не было на берегу, поэтому я и решился на такой шаг! Неповадно будет наших лупцевать!

Дед мой был человеком мудрым, придумал, как выйти из создавшегося положения.

Он взял малого Максима — да к коменданту, так, мол, и так, мой малец видел, как утоп ваш солдатик и может показать то поганое место. Комендант собрал часть отряда, и они баграми вытащили в указанном месте утонувшего солдата.

К вечеру в дверь дома постучали. Вошли комендант и его адъютант. Поклонившись, они поблагодарили за помощь и деда, и отца, вручили десятилитровый бочонок спирта и шоколад, при этом комендант сказал, что семья будет находиться под защитой отряда. Раскланявшись, они удалились.

Отец мой получил еще пару оплеух от деда, на всякий случай, а бабушка нежно прижала и погладила любимого

сына, радуясь такому обороту дела.

— Вот такая история, Борис Андреевич, — закончил свой рассказ мой отец. — Думаю, что и сегодняшние парни, доведись им вставать на защиту своей земли, поступили бы также! Но сегодня у них множество примеров — это и пионеры-герои, это и молодоговардейцы. А мы тогда сами эти примеры создавали! Мы в своем почитании Родины были воспитаны нашими родителями!

Борис Андреевич задумчиво произнёс:

— Да, Максим Павлович, Вы, и Ваш отец — плоть от плоти героев-первопроходцев, тех людей, которые несмотря на трудности, на лишения, рискуя жизнью умножали наши просторы, стояли на страже наших границ, не давая растащить Русь-матушку!

И помолчав, добавил:

— И не подумайте, что я сказал это слишком пафосно. Главное — правдиво и искренно! А Вы с Серёгиным дедом — тут он взглянул на меня, — и вправду героические сохатинцы! Что ж Вы раньше-то мне этот эпизод не рассказали?

— Да я вообще никому ничего не рассказывал, просто тут случай представился. Чай, не каждый день в гости знаменитые писатели заходят! — Ответил отец с лукавинкой в глазах и улыбнулся.

Прощаясь с нами, Борис Андреевич достал из дипломата книгу «Сполохи» и, раскрыв, написал на обложке «Серёжке Бойченко и его милым родителям на долгую память от Бориса Машука» и расписался. Вручая на память книгу, он приобнял и мать, и отца, пожелал всем нам здоровья и добра. Книга до сих пор хранится у меня, как семейная реликвия.

...Так случилось, что на следующий день меня вызвали в областную прокуратуру на оперативное совещание, и я пригласил с собой в служебный УАЗик Машука, чтобы он

не трясся в автобусе. Это была незабываемая поездка: всю дорогу Борис Андреевич рассказывал забавные случаи из своей биографии, делился своими творческими планами, сетовал на то, что постоянно — уже с опозданием — находит всё новые эпизоды из истории гражданской войны в Приамурье, а значит, рассуждал он, книгу можно дорабатывать, дополнять. Сказал, что обязательно вставит в дополненное издание тот эпизод, что услышал от моего отца.

К сожалению, то была последняя встреча с этим замечательным человеком. Увы, планам интересного амурского писателя и достойного человека не суждено было сбыться: его рано унесла из жизни болезнь. Но книгам его, тому следу, что он оставил на земле — суждены долгие годы...

А то, что подвиг моего отца не вошёл в главную книгу Бориса Андреевича — «Сполохи» — о том не жалею: главное, останется рассказ отца в преданиях последующих поколений нашей семьи.

Эпилог. К читателю

Спасибо, читатель, что ты нашёл время для того, чтобы хотя бы пробежать взглядом по моим запискам. Самое главное, я здесь абсолютно ничего не приукрасил, в моих рассказах нет ни слова выдумки. Это не художественное произведение, какие пишут профессиональные литераторы, поэтому здесь нет закрученных, захватывающих дух сюжетов. Здесь просто — правда. Такая обычная правда жизни.

Я буду рад, если что-то из написанного мной заставит тебя задуматься, улыбнуться или наоборот опечалиться. А если проще сказать, я буду считать, что не напрасно трудился, если не оставил тебя равнодушным.

Думаю, что я продолжу работу и в дальнейшем постараюсь рассказать о прокурорских работниках, чтобы их труд получил ту оценку, каковой заслуживает, чтобы не остались многие достойнейшие люди в тени.

Но это уже будет другая книга.

Сергей Бойченко

Оглавление

Предисловие	3
Раздел 1. Детство. Отрочество. Юность	7
Сладкие груши детства	7
Мой юный друг велосипед. Первые радости	14
Пал смертью храбрых	21
Не самый удачный день. Пчелка	28
Морское путешествие	33
Сказ о чужом кошельке	39
Тверже шаг, ребята!	45
Скелет из кабинета биологии	51
Напутствие орлана	60
Раздел 2. Рассказы прокурора	68
Первый учитель	68
Ночной мотоциклист	74
Вхождение в профессию	83
Глупость и халатность	89
О вреде самомнения	94
Обычные текущие дела... ..	100
Шаровая молния	109
Пустая, бессмысленная жизнь... ..	115
Однофамильцы	119
Папаха	125
Случай	128
Расчистка Авгиевых конюшен	131
Резонансное дело	140
Результат несоблюдения правил. Поиски пропавшего солдата	147
Стечение обстоятельств. Охотничий билет	154
Бег с препятствиями. Сталинский прокурор	160
Эхо смутного времени	166

Незримый бой	173
Живой труп	181
О пользе чистоты сапог	186
Анонимка	192
Несостоявшаяся взятка	196
Гуси-лебеди	199
Ворошиловский стрелок	204
Пусть расцветут тысячи роз. Тост на приеме у Штырова	213
Раздел 3. Ветераны	218
Не стареют душой!	218
Человек легендарной судьбы	227
О таких слагают песни	228
Пример прокурорской этики	230
Булатная закалка	232
Занесён в Книгу Почёта	234
Небесный тихоход	236
Летающей походкой... ..	237
Эталон компетентности	239
Настоящий полковник	241
Байкало-Амурская	242
О тех, кого помню и люблю	245
Отцовский подвиг	251
Эпилог. К читателю	259

Сергей Бойченко

Преодоление
Рассказы

Материал Хабаровским региональным отделением
подготовлен Российского союза писателей

Фотограф Виктор Иванович Логачев

Художник Олеся Юрьевна Безденежных

Художник Татьяна Константиновна Ананьева

Художник София Сергеевна Губницкая